

Тайна Фэшн Авеню
Книга 3

ПЛАТЬЕ

ДЛЯ СМЕРТИ

Кристин Демайо-Райс

Автор книги «Мертвый - хит сезона»

Annotation

Едва Лора Карнеги нашла убежище в компании Джереми и его постели, ее внимание привлекает украденное платье убитой принцессы и исчезновение отца двадцать лет назад. Смогут ли карьера и отношения Лоры пережить приступ ее бешеного любопытства

Кристин Демайо — Райс

Платье для смерти

Серия: Тайна Фэшн Авеню #3

Переводчик: Лана Аксак

Редаткор: Альбина

Обложка: Настена Гунина

Глава 1

– Перестань нервничать. Ты выглядишь великолепно, – шепнул Джереми ей на ухо.

– У меня на столе осталась куча работы. – Лора чувствовала себя как на расстреле под вспышками камер. Она, конечно, улыбалась вдвое больше, чем обычно, но была уверена, что большинство фотографий будут опубликованы с полуоткрытым ртом или с закрытыми глазами. Естественно, Джереми и Руби будут выглядеть идеально.

– И она будет там и завтра, – сказал он. – Сейчас ты со мной.

Джереми улыбнулся, его правый передний зуб перекрывал левый на два миллиметра, и этот крошечный изъян лишь подчеркивал совершенство всего остального.

– Всегда, ДжейДжей, – сказала Лора, прежде чем обернуться. Она начала называть его ДжейДжей несколько недель назад, чтобы подразнить его за то, что он назвал свою дочернюю линию «Saint JJ», и это сводило его с ума, заставляя дразнить его этим до тех пор, пока все не превратилось в милое прозвище.

Сестра Лоры стояла в паре метров от нее на верхней ступеньке лестницы, ведущей в Музей Метрополитен. Руби стояла между наследницей, имя которой Лора не могла вспомнить, и генеральным директором Bankflower.com, которой нравилось думать, что она все еще хипстер из Уильямсбурга. На Руби было шелковое платье с воротником — стойкой, розового оттенка, такого светлого, что казался почти белым. Выставка нарядов монарших особ и политических деятелей привлекло много внимания, и имена спонсировавших её дизайнеров – Джереми Сент — Джеймса и Барри Тилдена – разместили на афишах перед музеем на весь сезон. «DressedforInfamy» выявил лучших и худших в индустрии моды. У каждого платья была своя история, и большинство из них были не такими привлекательными, как наряды.

– Мы уже можем пойти внутрь? – спросила Лора, сверкая фальшивой улыбкой и желая быть полегче килограммов на пять. – Я сейчас умру.

– Мы ждем Барри.

– Ты ждешь Барри.

– Не канючь. – Он посмотрел на нее так, что она была уверена, что он думал о том, чтобы поцеловать её на глазах у всех.

– Ты придурок, – прошептала Лора.

– Знаю.

За последние три месяца он много улыбался. Она отказывалась верить, что ее любовь как — то связана с этим, хотя Джереми говорил обратное. Лора была убеждена в том, что

она разделила его нагрузку и у Джереми появилось время на отдых и творчество.

Барри взбежал вверх по лестнице, толпа расступалась перед ним, его длинные каштановые волосы развевались на декабрьском ветре, голубые глаза сверкали в вспышках камер. Он пожал руку Джереми. Они были звездами шоу, два вечно соперничающих дизайнера, но каждый готов был протянуть руку помощи другому. Несмотря на то, что чаще руку протягивал старший, более опытный Тилден, для Джереми это заканчивалось тем, что он разговаривал с Барри в ночных кошмарах.

Лора отошла в сторону, оставляя их на откуп всеобщего внимания. Конечно, фотографии любили их, потому что если один слух и превзошел другие о честолюбии Лауры, ее жадности, ее расчетливой, хитрой, золотоискательской натуре, то это был слух о несуществующем романе Барри и Джереми. Слухи подпитывались партнерством на показе с семизначной стоимостью, и тем фактом, что они оба были чертовски красивы, но главным образом, теплотой между ними. Впервые за семь лет у Джереми был настоящий друг, которого она знала.

Барри обнял ее и поцеловал в щеку, тихо сказав:

– Когда ты уже перейдешь работать на меня, дорогая?

Джереми сделал вид, что шутка между ней и Барри его не разозлила. Для ее любовника и делового партнера такой вопрос был равносителен вопросу, когда она собирается ему изменять. Лора так и не научилась оставлять без ответа жестокую шутку.

– И сколько ты мне заплатишь?

Барри указал на ночное небо и сказал.

– Столько, сколько на небе звезд. Посчитай их, дорогая.

***

Внутри было тише. Немногочисленные фотографы были наняты музеем, что делало их гораздо более дружелюбными и, как правило, фотографирующими гораздо меньше. Лора была уверена, что ее лицо сейчас треснет, но продолжала улыбаться. Она стояла и улыбалась, перед костюмом Жаклин Кеннеди, который был на ней в день покушения на мужа; перед ярко желтым революционным костюмом Корасон Акино; рядом с длинным светлым париком на прозрачном полиуретановом манекене с надписью «Леди Годива»; рядом с жакетом Хиллари Клинтон, в котором она зачитывала извинения перед Сирией, по левую сторону от голубого платья «Tollridge&Cherry», на котором может было, а может и не было президентской ДНК.

Мама надела костюм от фабрики 40-ой улице изготовленный на заказ, тщательно подобранный чтобы безболезненно влиться в общество. Она выглядела на пятнадцать сантиметров выше и держала свой бокал так, как будто он вырос из ее ладони. Она шла с репортером из «ApparelNews». Два экспоната были созданы руками ее матери в ателье «Scaasi», и Лора была поражена тем, как невероятно мама умела говорить с незнакомыми людьми о своей работе. Очевидно, что социальные навыки Руби были наследственной чертой.

– Вот этот, – сказала мама, указывая на костюм, который Джеки Кеннеди носила в конце своей жизни. – Принцесса прислала нам ткань и эскиз. Ну, у нас кончилась ткань и...

Лора увидела Руби в углу, подальше от камер, и присоединилась к ней.

– Умираю с голоду, – сказала Руби, проглатывая кусок бри.

– Серьезно, – ответила Лора. – У нас так много работы, а мы стоим тут, улыбаясь, как

кучка мартышек. И у меня сейчас ноги отвалятся.

– Сегодня суббота. – Руби стряхнула крошки с пальцев. – Я ухожу. Эй, присмотри за мамой? Она как ... как это называется, гид со стажем?

– Лектор. Обе можете щебетать без остановки. Ты такая же.

– Такая же? Ты имеешь в виду, что мы нормальные?

Руби, кивнула на оранжевое платье, которое носила принцесса Брунико в ночь двухнедельного переворота. Джереми стоял перед ним с Дионной Фрескан из W. Дионна, у которой под очками в роговой оправе не было ни капли косметики, а ее волосы были собраны в гульку, из — за чего она выглядела так, словно только что встала с постели. Она была пронизательна и нелестно отзывалась о побочной линии бренда Джереми, называя ее «сделанной на клочке грязной газеты за угловым столиком в «Marlene X». Sartorial Sandwich, компания Лоры и Руби, была ее любимицей с самого первого шоу. Ей нравилась эта одежда почти так же сильно, как и намек на то, что Лора — авантюрная бродяжка. Идея Лоры держать свои отношения с Джереми в секрете до тех пор, пока это возможно, сработала не так хорошо. Очевидно журналистам не нравилось, когда им лгали.

– Разве это не здорово, что он может просто улыбаться ей, зная, что она говорит о нем за спиной? — спросила Лора.

Руби, покачала головой.

– Это бизнес. Перешагни через это.

Лора посмотрела на платье, которое принцесса Брунико одела на трехдневный бал в честь получения ее мужем Сальвадора принца Брунико титула наследного принца. Той ночью начался двухнедельный переворот, двухнедельное очищение от некоренных жителей, за которым последовало закрытие острова на два десятилетия. Платье было ярко — оранжевым, под цвет национального флага. Бисер и цветочная вышивка в американском стиле соответствовали его цвету и яркости. Юбка была огромной, кринолином специальной конструкции, а сверху был лиф, с глубоким вырезом, и маленькие рукава, со сборкой по бокам. Это было единственное платье, которое не должен был трогать или снимать никто, кроме владельца. Настоящая находка. Эта одежда была утрачена в течение десятилетий и носилась принцессой, любимой во всем мире за ее грацию, женственность и недавнюю жертвенную смерть в огне.

Джереми посмотрел на Лору, подзывая взглядом.

Лора вздохнула и сунула Руби свою тарелку.

– Пристрели меня, потому что я хочу выколоть ей глаза.

Но когда она сделала шаг, Джереми поднял два пальца. Необходимо было присутствие обеих сестер. Любимый журналистский прием «поймать их на мероприятии и задать несколько вопросов» причинял Лоре одну головную боль. На самом деле, все это было неприятно, но она улыбнулась, потому что это была ее жизнь и цена того, чтобы быть с Джереми.

Быстрое интервью с «W» будет, скорее всего, о безумном успехе массовой линии Джереми, «Saint JJ», «Sartorial Sandwich», и относительном возрасте трех директоров: Лора двадцать пять лет; Руби двадцать шесть; Джереми двадцать девять. Предварительное название: «Гении, Inc». Отвратительно. Если бы они знали, сколько работы ушло на то, чтобы проделать ту работу, которую люди выполняют к возрасту вдвое старше тебя, вряд ли бы стали акцентировать на этом внимание.

Дионна начала знакомство с фотографа и своего помощника. Лора осознавала, что

происходит, когда демонстрирует презрение к каждому сказанному слову, каждому двойному поцелую и каждой сказке об их успехе. Джереми взглянул на нее, и ей пришлось надеть на лицо большую жирную улыбку и вставлять слова «взволнованна» в непосредственной близости от «сказочно» и «удивительно». Она даже не знала, что имела в виду. Джереми усмехнулся, он — то видел ее панику.

— Итак, — сказала Дионна, — просто вопрос о ваших отношениях. Как они работают? — журналистка перевела карандаш на Лору и Руби. — Вы двое сестры. Двойняшки?

— Ирландские близнецы, — сказала Лора.

— Разница десять месяцев, — пояснила Руби. — Я старшая.

— О творчестве. Ваша роль в «Sartorial Sandwich»? — спросила Дионна Джереми. Она была как умирающая гадюка, вновь и вновь спрашивающая одно и то же, чтобы вновь получить уже известный ответ, что он не имеет никакого отношения к линии, которая ей так нравилась.

— Не мешать Карнеги, — ответил он. — Мой интерес — финансовый.

И тут наступила та часть, о которой Лора была предупреждена. Дионна собиралась спросить о ней и Джереми под запись, хотя все хорошо знали, что это была за история. Официально все было бизнесом. Неофициально, мельница слухов гудела, как низколетящий самолет, особенно после того, как они с Джереми попались на камеры садящимися в такси, выглядя так, будто они собирались поцеловаться. Это было во вторник вечером, четыре дня назад. Уже ходили слухи, будто Лора, проработав его конструктором — дизайнером в течение пяти лет, придумала как заставить его научить ее всему о бизнесе. Поэтому, когда его женатая любовница была убита, и все узнали, что он не гей, Лора, падкая на золото гарпия, прыгнула к нему в постель. Используя женские уловки, она убедила его взять ее в качестве делового партнера, оказать финансовую поддержку тонущему «Sartorial Sandwich», и публично держать ее за руку, чтобы держать моделей подальше от него.

Это были фантастические четыре дня крутящейся мельницы сплетен.

— И вы двое... — Дионна указала Лору и Джереми вместе, как на пару. — Вы вместе работаете над «черным» лейблом, верно?

Лора моргнула. Остальной мир назвал более эксклюзивную линию Джереми «черным». Внутри компании они называли это «JSJ».

— Да.

Её телефон завибрировал. Она открыла сумку и посмотрела на экран. Смс от мамы. Странно. Лора бросила быстрый взгляд на мать, стоящую рядом с костюмом, который Жаклин Кеннеди надела на встречу с Мэрилин Монро.

— Лора — лучший партнер, которого я могу себе представить, — сказал Джереми. — У нее острый взгляд и фантастический вкус. Я никогда не слышал, чтобы она дала плохой совет.

Лора услышала как зазвонил телефон Руби. Опять мама? Руби посмотрела на свой экран, а затем на Лору. Они оба оглянулись на маму, которая указывала им на платье принцессы. Лоре не следовало покупать маме этот телефон. Женщина уже дважды его разобрала и собрала.

— А у тебя какая роль? — спросила Дионна Лору, приготовившись записать ответ.

Но у Лоры не было ответа. Все варианты, которые придумал Джереми, были слишком длинными. Они заставляли ее почувствовать, будто она поднялась по лестнице успеха, пользуясь его поддержкой, а отвратительные слухи об ее хищных амбициях, даже до того, как все официально узнали, что они делят кровать, усугубляли ее самооценку. И хоть и

прошло уже много времени, этого все равно было недостаточно, чтобы понять, как со всем справиться. Вкус был для шоу. Да, у нее был прекрасный вкус, но это занимало около десяти процентов ее дня. Ее технические навыки и быстрое принятие решений сделали ее идеальным партнером для Джереми. Каждое ее решение было именно тем, что сделал бы он. Вот что скрывалось под «отличными советами». Она думала как он. Они были продолжением друг друга.

– Мы рассматриваем как должность вице — президента по всему, — сказал Джереми.

Дионна улыбнулась. Руби показательно засмеялась, а Лора вчитывалась в многочисленные смс от мамы.

«Клёпки должны быть декоративными»

«На манжете»

Руби, скорее всего, получала те же самые сообщения, глянула на телефон и перевела взгляд на оранжевое платье. Снова трель телефона. Лора посмотрела на маму, чтобы проверить, не сошла ли она с ума, но женщина яростно стучала по телефону.

«Проснись! Почему на манжете металлическая ножка? Посмотри, она висит. Я знаю, что на модели не было видно металлической ножки клёпки. Я его шила. Это платье не правильное»

Лора посмотрела на оранжевое платье во всей его самой темной шафрановой красе. На маленьких рукавах были манжеты, а на манжетах — клёпки — клёпки с металлическим стерженьком.

Клёпки на платьях от кутюр не свисают!

Платье было поддельное!

Лора уставилась на Дионну Фрескан и улыбнулась, как идиотка.

Глава 2

Лора подумала о своем столе: стопки инструкций по уходу, которые требовали сортировки в соответствии со стандартами тестирования «Бюро Веритас», три разных сорта итальянской телячьей кожи, которые нужно было утвердить или отправить на доработку, стопка выкроек «Портняжек», папка с образцами, эскизами и обзорами тканей для зимнего показа на следующий год и отчеты по ежегодным выплатам для сорока двух сотрудников.

Но она стояла в «Метрополитен», где обслуживающий персонал забирал последние бокалы с уступов и углов, а повсюду сновали полицейские. Еще больше фотографий и вспышек. К счастью, направленных не на нее. Помаду она стерла еще час назад, а деревянный пол приятно охлаждал босые ноги.

Итак, если платье оказалось подделкой, то почему? И когда его подменили? Оно же проходило экспертизу на подлинность в «Loyd's of London». Как же его подменили? И где было настоящее платье?

– Кто — то должен вернуться в офис, — сказала она Джереми, который сидел рядом с ней на скамейке. — Ты летишь через три дня в Китай через три дня, и у тебя завал. Иди. Я останусь здесь с мамой.

Он ничего не сказал, просто наблюдал, как платье снимали с манекена и собирали постамент.

– Это займет несколько часов, — сказала она, думая о том, как платье попало на

выставку. Его включили в последнюю минуту после неожиданного телефонного звонка Бернарда Нестора, куратора музея.

Джереми не ответил, но всмотрелся в ее лицо. Она посмотрела на него в ответ:

– О чем думаешь, ДжейДжей?

– Ты и полицейские в одной комнате.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он положил свою руку на ее и медленно поднял на ноги.

– Идем со мной.

Лора пожалела, что не надела туфли, когда прошла босиком по мраморным коридорам по промышленному ковровину в неосвещенную потайную галерею мебели семнадцатого века. Когда они отошли достаточно далеко от полицейских и официантов, Джереми обхватил ее лицо и поцеловал. Он целовал ее, вкладывая в поцелуй всю страсть, на которую был способен. Он целовал каждый изгиб губ и каждый уголок рта. И она упала в его объятия, в этот поцелуй. Его язык наполнил ее рот, деля всю влажность и терпкость на двоих. Когда Джереми шагнул вперед, мягко прижимая ее к стене, Лора втянула воздух, который застрял в ее голосовых связках протяжным стоном.

Она ахнула.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь привлечь твое внимание.

– Если продолжишь в том же духе, то на сегодняшнюю ночь вылетишь из игры.

– Тем лучше.

Он скользил губами по ее шее, сводя с ума каждым прикосновением.

– Джереми, остановись. Постой. Это ... мы не можем ... не здесь.

Он отступил. Оба тяжело дышали. Лора видела по его лицу, что уступи она лишь на мгновение, и их арестовали бы за то, что они занимались любовью у стены «Метрополитена», что, несомненно, порадовало бы жаждущую сплетен прессу.

Джереми снова обхватил ее руками. Его лицо было так близко к ее, его кожа была освещена выходными огнями, а глаза черными от нетерпения.

– Послушай меня. Через три дня мы с Руби и всей моей командой дизайнеров будем в офисе в Гонконге. Мы будем вставать, когда ты будешь ложиться и ложиться, когда ты будешь вставать. Ты будешь сама по себе. Управлять тремя компаниями без меня. Я доверяю тебе. Я верю тому, что у тебя на сердце. Я доверяю твоему мастерству. Но я не доверяю твоему любопытству. Если это платье – ловушка, ты с радостью в неё прыгнешь.

– Ты и Барри выставляли это платье. Сколько вы заплатили?

– Я сам за него платил.

– Что?

– Активы Барри связаны с его первичным публичным размещением и спонсорами. Он оплатил перевозку и куратора. Все было б чисто, если ли ничего не украли.

– Ты не можешь потерять такие деньги, – возразила она.

Джереми приложил пальцы к ее губам.

– Я видел твое лицо там, и видел это лицо раньше. Я не могу тебе все рассказать, но я тебе доверяю. Но в сутках не так уж много часов. Я хочу, чтобы ты сосредоточила свое внимание на том, что происходит здесь и сейчас, а не на украденном платье. Мы разберемся, когда я вернусь.

Лора хотела сказать ему, что он неправ, что для нее нет ничего важнее работы, но

остановилась. Ей не нужно было объяснять. Она уже достаточно долго с ним работает.

– Возвращайся в офис, – сказала Лора. — Встретимся там, как только мама закончит.

Она поцеловала его, пытаясь предать ему уверенность.

Когда они вернулись в галерею, где выставлялось платье, оно было уже вынута из витрины. Хотя по контракту одежда должна была оставаться на манекене даже во время землетрясения, наводнения или теракта, ее сняли. Покрытый парусиной безголовый манекен едва ли стоил того, чтобы его прятать. Судебно — медицинский эксперт проводил Лору в маленький кабинет, где мама стояла над платьем, разложенным на длинном столе, на котором обычно раскладывали холсты и гобелены. К двери спиной стоял мужчина. Платье было распахнуто на груди, юбка свисала по бокам стола. Это было похоже на место вскрытия.

Лора задержалась в дверях.

– Мама, уже поздно.

Мужчина обернулся – детектив Кангеми.

Лора пыталась сделать вид, что его присутствие здесь ввело её в замешательство, но, в итоге, просто улыбнулась.

– Думала, ты по убийствам.

– Да, – ответил он. – Но после двух убийств с твоим участием, я теперь полиция моды, потому что я знаю все о макетах и тканях из хлопка.

Она задумалась, собирается ли он снова ее подначивать, как в самую первую их встречу. Тогда она раскрыла убийство Грейси Померанц на полтора часа после него, и эта задержка в девяносто минут чуть не стоила ей жизни. Она улыбнулась ему, но в ответ получила лишь хмурый взгляд. Обычно, они успевали переброситься четырьмя или пятью шутками в первые несколько минут после приветствия, но сегодня он казался слишком уставшим, чтобы дразнить её.

– Что ж, рада снова тебя видеть, – сказала она.

— Хотел бы я, чтобы это чувство было взаимным.

Если Лора думала, что он был мрачен в их последнюю встречу, когда она поймала убийцу Томасины Вент, а он позволил социопату — брату супермодели Рольфу ускользнуть для другого убийства, то она ошибалась. Тогда это были еще цветочки, сладкий лимонад, по сравнению с тем, как он выглядел сейчас. Он был похож на забродивший белый уксус.

Мама протянула руку и показала Лоре внутреннюю часть платья.

– Посмотри на это. Пятиниточный оверлок вот в этом месте. Понимаешь? Я не пользовалась таким оверлоком до 2010 года. А эти бусины акриловые. Не могу поверить, что никто не заметил. Посмотри на косточки в лифе. – Мама отодвинула шов, чтобы показать дешевые пластиковые вставки.

– Ладно. Я просто дам детективу номер куратора, он позаботится об этом.

– Посмотри на эту обработку кромки, – сказала мама, игнорируя замечание Лоры. — Она, как будто, была сделана ножом для стейка, а я для такой работы пользуюсь ножницами с зубчиками. И не говоря уже о клёпках на манжетах.

– Мама? Может, просто составишь список неточностей и предашь его полиции?

– Нет, ну посмотри, кто так кладет шов? — продолжала говорить мама, словно не слыша Лору.

Кангеми пришел её на выручку:

– Миссис Карнеги. – Он щелкнул пальцами перед маминым лицом. — Очнитесь.

Молния бьет дважды. Свиньи летают. «Метс» выиграли серию. А ваша дочь говорит здравые вещи.

«Он же пошутил, правда? Разумеется, за ее счет, но это можно понять». Лора посмотрела на детектива, он проверял часы.

Мама взяла карандаш и бумагу у Кангеми и написала пронумерованный список всего, что было не так с платьем, но на ее лице было отсутствующее выражение. Лора подумала, не этот ли взгляд видел Джереми перед тем, как начал волноваться.

***

В этот поздний час в офисе было пусто и темно, за исключением одной комнаты – кабинета Лоры и Джереми. В комнате стояли два стола, один, полный беспорядка – Лоры, и второй, очень аккуратный – Джереми. В углу диваны уголком в стиле модерн и ящики, полные вещей, собранных, чтобы вдохновлять, удивлять и развлекать. Такой была декорации для большинства их поздних вечеров.

Джереми сидел на одном из диванов, потирая рукой глаза.

– Как быстро. – Стопки бумаг были сложены на столе. Он отмечал вещи маркером.

– Её невозможно было вытащить оттуда, – сказала Лора. – Она начала рассказывать о том, что это платье сидело совершенно по — другому и не похоже ни на одно из тех, какие она когда — либо шила, и я просто слишком устала.

Он протянул руку.

– Ты же знаешь, я верю тебе.

Она взяла его за руку и села рядом.

– И ты будешь счастлив показать это с помощью секса?

– Парню такое с рук не сойдет.

– Тебе многое сходит с рук. – Она посмотрела на его бумаги.

Он вытащил из стопки прошитую пачку листов с ценами, касаясь угла кончиками пальцев.

– Может быть, тебе стоит поговорить об этом с сестрой? Думаю, она использовала настоящий глиттер.

Таблицы расходов предназначались для описания стоимости изготовления, отделки и отгрузки одежды. Таблицы стоимости Руби для нескольких изделий, которые «Портняжки» делали за границей, были окрашены в розовый и желтый цвета с наклейками и стикерами.

– Думаю, для «Голлриджа» это было нормой.

– Ты можешь ей сказать, что у меня в таблицах используют только черный, белый и красные цвета? И я не люблю слишком много красного. Ладно? – Он кашлянул, что означало, что пришло время его физиотерапии и теплой постели.

Она взяла у него яркие листы с ценами, положила их за спину и обняла за талию.

– Я отправила маму домой на последнем такси на Манхэттене.

– Ну, – сказал он, – тогда тебе придется остаться у меня.

– Я думала, ты никогда не попросишь.

***

Когда Лора впервые попала в лофт Джереми, она была настолько ошеломлена, что почти ничего не помнила, ничего, кроме него, его тела и его нежного шепота. Второй раз она оказалась неделю спустя, после того как он предложил ей одновременно финансовую

поддержку, работу и отношения. Лора потратила это время решая, станет ли проституткой, если согласится, а затем, все ли с ней в порядке или нет. И в тот день, когда она созрела для разговора, небо разверзлось, и Лора явилась к нему мокрая до нитки.

– Неделя прошла, – сказала она, когда Джереми открыл дверь.

Он был небрит, но щетина его не портила, темные волосы торчали в разные стороны. Он был одет в треники и белую футболку, плохо сидящую на груди. Она бы поправила это на примерке, но мысль об этом заставила ее сердце на секунду остановиться.

– Неделя и полдня – ответил он, впуская ее.

Вода с нее капала на лиственный паркет. Гладкий новый нейлоновый бандаж на ее руке был водонепроницаемым, и едва различим под курткой. Лора заработала его всего неделю назад, преследуя на лестнице человека, по ее мнению убившего Томасину Венте и сломавшего ее плечо ударом о ящик пожарной сигнализации. На фоне гудения вентиляционной системы в лофте причины ее сломанной руки казались невероятно далекими.

Она увидела лофт, как будто в первый раз. В прошлый раз Лора была так занята, будучи с мужчиной, которого желала на протяжении шесть лет, что не заметила промышленных окон от пола до потолка и небольшого внутреннего дворика, но была уверена, что посреди гостиной не было манекена, задрапированном тканью в виде платья.

– Ты работаешь, – сказала она.

Джереми принес полотенце из ванной и протянул ей, но она его не взяла. Лишь наклонила голову, позволив вытереть свои волосы.

– Ты знал, что будет по — твоему, – произнесла Лора из — под полотенца.

Он быстро потер ее волосы.

– Да.

– Я не могу разочаровать Руби и хочу продолжить свое дело. И да, я знаю, что все равно буду работать с тобой. Но ты должен был переспать со мной после того, как сделал предложение поддержать нас. Делать это так, как ты, было неправильным.

Он убрал полотенце и посмотрел на нее.

– Если бы я предложил тебе сначала финансирование, то никогда не уложил бы тебя в постель. Никогда. Я слишком хорошо тебя знаю.

Лора не могла отвести от него глаз. Признание вышло таким откровенным и уязвимым, что она не могла поверить, что Джереми сказал это. Тем не менее, казалось, он совсем не чувствует неловкости, лишь слегка ошеломлен под ее застывшим взглядом.

– Да, я мудака и манипулятор. Если тебя беспокоит то, что я сделаю, чтобы быть с тобой, можешь уйти. Но я бы хотел, чтобы ты осталась.

– Я беспокоюсь.

– Настолько чтобы уйти?

– Как думаешь, сможешь меня уговорить забыть об этом?

– Нет. – Он обнял ее за талию. – Из всех женщин, которые этого не заслуживали, ты на вершине списка. Но ты единственная, кто стоит потраченных усилий.

Лора посмотрела на него и ей, так захотелось его поцеловать, даже несмотря на все, что он сказал. Когда дело касалось Джереми, с мыслями у нее было не в порядке.

– Даже если я прощу тебя, ты все еще в долгу передо мной.

– Знаю. Поэтому, прежде чем я снова затащу тебя в кровать, я должен рассказать тебе о сотне других причин, по которым ты должна уйти. Готова?

– Хочешь сначала поцеловать меня?

– Нет. Мне нужно твое внимание. – Он обнял ее и повел к кухонной стойке, выходящей к комнате. Барные стулья с красной кожей дополняли гостиную.

Она села, и Джереми принялся готовить кофе.

– С молоком или без? Ты всегда пьешь по — разному.

– Просто черный.

Он поставил две чашки на стойку и скользнул на табуретку рядом с ней.

– Хорошо, итак. Ах ... – Джереми взял ее лицо в свои руки и коснулся губ большим пальцем, как будто хотел прервать ее несогласие раньше, чем она его произнесет. Но это прикосновение только заставило ее хотеть больше поцеловать его.

– Ты знаешь, что я болен. Это генетическое, так что ты не можешь им заразиться, а я не могу от этого избавиться.

– Хорошо, прекрати. Есть такая вещь, Интернет называется.

– И, ты знаешь все о муковисцидозе.

– Ты можешь жить очень долго.

Джереми отпил свой кофе.

– Конечно, и я собираюсь. Но иногда я болею, и мне приходится соблюдать режим. – Он вынул хромированную коробку из углового отсека и открыл ее. Заглянул внутрь, а потом посмотрел на нее. – Это очень привлекательно. Сводит девушек с ума. — Джереми вытащил прозрачный пластиковый контейнер с заполненными таблетками отсеками. — Те, что принимаются утром – здесь. Ночь – здесь. Три вида антибиотиков. – Он порылся внутри хромированной коробки и достал трубку с отверстием внизу. — Это дезоксирибонуклеаза, она разрушает слизь в моих легких. Фиброз делает ее очень вязкой, и если я не приму лекарство, не смогу дышать. Без этого очень трудно открыть мои легкие, и я теряю концентрацию, заражаюсь и прочие забавные вещи. Однажды я задохнусь от своей собственной слизи. – Джереми встряхнул хромированную коробку. — Остальное – витамины. Дважды в день я должен делать физиотерапию для очистки легких. Это выглядит, как будто я выплевываю целый кишечник слизи, и я надеюсь, ты этого никогда не увидишь. Я всегда делаю это самостоятельно. И я должен, должен тренироваться, или я начинаю чувствовать себя паршиво. Два раза в год я ложусь в больницу и прохожу лечение от инфекций и ... что еще? – Он отвел взгляд, как будто его разум был занят чем — то более важным.

– У тебя не может быть детей, – сказала она.

– И это тоже.

– Хорошо, но не думаю, что мы должны решать это прямо сейчас.

Джереми кивнул и отодвинул свой кофе.

– На тридцать секунд я перестаю все контролировать. Это время на то, чтобы ты ушла, если хочешь, и я не буду против. Можем обговорить наше партнерское соглашение, как тебе будет удобно. Но через тридцать секунд все было по — моему.

– Подожди. У меня есть требования.

– Говори.

– Во — первых, ты не мой начальник. Я буду работать с тобой, потому что мне нравится работать с тобой, но, если это будут отношения начальника и сотрудника, мы закончим, прежде чем начать.

– Мне всегда нравилось работать с тобой. Но это моя компания.

– И где проходит эта тонкая грань?

– Давай попробуем поработать, прежде чем будем думать об увольнении.

– Хорошо. Во — вторых. И это надолго. Неделю назад, когда ты давал шоу, я бегала за палатками и ловила убийцу Томасины Вент, чем, кстати, очень горжусь. Тем временем ее брат Рольф привез в страну трех девушек, сказав, что они работают в «Портняжках». Их депортируют, если я не дам им работу. Но у «Портняжек» нет на это денег.

– И что, я должен их нанять?

– Мы должны.

Джерери задумался на секунду, затем сказал:

– Я оставляю за собой право уволить любого, кто украл у меня или ударил меня в спину.

И им нужно держать вес в рамках, что бы они смогли работать.

– Пойдет. В третьих. Готов? Потому что это самое главное.

– Ладно.

– В — третьих, все мои шутки смешные.

Джерери засмеялся и обнял ее. Его широкая улыбка, освещавшая сейчас все лицо, разительно отличалась от тех, которыми он одаривал ее на работе.

– Хочешь назад свои тридцать секунд? – спросил он и поцеловал так, что об этой сделке она тут же забыла.

– Ты? Ты знаешь, что я собираюсь сказать. – Она была поглощена соленым запахом его кожи – запахом, в который она влюбилась, когда они встретились, и симптомом его болезни.

– Да. Я знаю, что ты собираешься сказать. Вот как это выглядит. То, чем я болею, выглядит безобразно. Грязно. Я собираюсь защитить тебя от этого. Ты увидишь как можно меньше этого. Только лучшее от меня.

– У тебя невероятно огромное эго.

Он снова засмеялся, но не стал это отрицать.

– Мне просто нужно отговорить тебя от того, чтобы быть со мной еще раз.

– Меня это действительно заводит.

– Я просто хотел тебя. Это было все, о чем я мог думать. Ты уже не встречалась с этим Стью, и я поддерживал тебя в течение двух дней. Я запаниковал. Обычно я все обдумываю немного лучше. На этой неделе мне кое — что пришло в голову. – Его лицо выражало искреннюю грусть и сожаление, и даже когда она отодвинулась от него, чтобы откинуться на стуле, она не могла не вложить свою руку в него.

Джерери сжал ее и продолжил.

– Если ты будешь работать со мной, и я буду спонсировать тебя, и мы будем спать вместе, думаю, для нас это будет просто фантастическим. Но для всего остального мира... ну, тебя просто уничтожат.

– Кто?

– СМИ, например. Грейси работала с ними как с детьми. Они обожали ее. А шесть месяцев назад ее убили, моего последнего инвестора и любовницу. А теперь ты сотрудничаешь со мной, я тебя спонсирую, и ты моя любовница. – Он покачал головой. — Я не знаю, как из этого выпутаться. Потому что я не хочу от чего — то отказываться.

– И поэтому ты хочешь, чтобы выбор сделала я? Это причина, почему ты начал весь этот разговор?

– Мы должны выбрать. От чего — то нужно отказаться.

Затем, в этот момент, Лора поняла, что ей дали все, что она когда — либо хотела, почти безоговорочно, и что она была счастлива. Да, она всю неделю бесконечно ворчала по поводу его обмана и манипуляций, но он буквально заставлял ее взять все, что ей полагается, потому что из — за своего упрямства, она отказывалась взять все самой.

— Что если мы никому не скажем? Я имею в виду о нас, — предложила она.

Джерери выгнул одну бровь.

— Ты еще не сказала Руби?

— Ну, да, Руби знает, и да, я знаю, что у нее язык как помело, как правило, но, давай держать это в тайне. Чуть ближе к телу. Да, они узнают, но это даст нас необходимое время, чтобы, возможно, меня восприняли как дизайнера всерьез.

Он посмотрел на её руку, зажатую в своей.

— Ты отдаешь мне все, но лжешь ты плохо, и они узнают. Не думаю, что ты понимаешь, как все это будет.

— Позволь мне тогда, побыть в неведении, но счастливой. Пожалуйста.

Он положил руки ей на щеки.

— Я тоже счастлив, я могу попробовать, но твое незнание долго не продлится.

***

Джерери пробегал, по меньшей мере, восемь километров каждый день. Когда она была его раскройщиком, и они встречались в семь тридцать каждое утро на кофе, он просыпался в пять тридцать, чтобы сделать все физиопроцедуры и выпить все лекарства, пробежать, принять душ, купить кофе и сидя с ней рассказывать о бизнесе, как о плохо ведущем себя общем друге.

Как только они стали встречаться, и его лофт стал местом их вечерних свиданий, распорядок дня поменялся. Он вставал раньше ее, делал физиопроцедуры, чтобы очистить дыхательные пути. И хотя Джерери пытался защитить ее от этого, звуки, исходящие из второй ванной, были тревожными, громкими и гортанными. Если это был обычный рабочий день, Лора уходила, пока он бегал, и встречала его в офисе. Если они решали взять выходной или пойти на работу попозже, она слонялась без дела по лофту и ждала его, готовя завтрак, листая книгу или дремала. Сидеть долго без дела Лора не умела, поэтому иногда она отвечала на электронные письма или проводила телефонную конференцию с их людьми в Гонконге. И, хотя она официально не работала над импортными вещами Джерери, «Портняжки» расширились, и ей нужно было изучить и эту сторону бизнеса.

На утро после того, как обнаружилась подмена шафранового платья Брунико с застегивающейся клёпкой на манжете, Лора, одетая только в рубашку, растянулась на ковре, делая зарисовки для «Портняжного Сэнвича». Джерери вошел, кашляя и весь в поту. Под мышкой у него были зажаты газеты, из настоящей бумаги из настоящей целлюлозы. Пока все остальные проверяли новости в Интернете, Джерери все еще читал бумажные газеты.

Он много кашлял после пробежек.

— Ты меня убьешь, — сказал он между хрипами. — Ты же знаешь, что происходит, когда ты не надеваешь одежду.

— Мне холодно, — пробормотала она, хотя это было совсем не так. Система вентиляции поддерживала температуру на уровне двадцати пяти градусов независимо от времени года. То, что действительно раздражало ее, были изогнутые фигуры в ее альбоме. Она не умела рисовать. Могла драпировать и шить, но не дружила с карандашом и бумагой. Лора сунула

под себя листы с фигурками в одежде, которая совсем не отражали того, что она хотела сделать, с маленькими зарисовками лекал для ее лучшего понимания. Руби, однако, была похожа на большинство людей, и не могла понять из мини — лекала, как и что должно выглядеть. И Руби была той, кому она должна была донести свои идеи.

— Мне нужно идти. — Джереми указал на заднюю ванную комнату, где делал процедуры, и ткнул в нее пальцем. — Оставайся здесь, — его обычно предостережение, которое он говорил дважды день, чтобы она не слышала его звуков.

— Когда — нибудь твое тщеславие убьет тебя, — сказала она, но он уже был в ванной, за закрытой и запертой дверью.

Лора притянула открытую газету ближе. На третьей странице была изображена Филомена Брунико, живая, здоровая, в шафрановом платье, изображенная с детальной точностью, какой она была при жизни. Заголовок гласил: «Украдено». В углу были размещены фото Джереми и Барри, слишком взволнованные, чтобы красоваться на страницах газет.

Джереми вернулся из ванной двадцать минут спустя, приняв душ, побрившись, почистив зубы, облегченно дыша и выглядя как Бог в джинсах и футболке.

Она потянула ему газету.

— О, смотри. По данным «New York Post», вы виноваты в том, что не провели перекрестную проверку на подлинность.

— Бернارد Нестор получит взбучку. Страховые компании угрожают не иметь с нами дело на следующих проектах.

— Ты должен прочесть «Times». — Она протянула ему газету, показывая, то, что прятала под собой.

Он указал попытки сделать наброски.

— Что это за фигня?

— Оставь. Ты же знаешь, я не умею рисовать. — Она бросила карандаш и перекатилась на спину. — Иди сюда.

Но он ее не послушал, что было крайне неожиданно. Вместо этого он пошел в свой маленький кабинет.

Она услышала, как он роется в сумке, и села:

— Что ты делаешь?

Он вышел с охапкой журналов и бросил их на пол перед ней.

Она посмотрела на обложки.

— Это кажется из девяностых.

Он бросил кучу маркеров для рисования на ковер и лег рядом с ней.

— Ладно. Вот что ты делаешь. Находишь позу, которая показывает части тела, которые тебе надо отобразить. — Он посмотрел на ее альбом и ткнул на одну из ее мини — выкроек. — Здесь тебе нужно изобразить пройму, так что... — Джереми нашел фотографию модели с поднятой рукой в прозрачном просторном платье, слишком безвкусном и устаревшем. Зубами открыл маркер, приложил лист бумаги к странице журнала и начал ловко обводить линии тела, игнорируя старое платье. Он говорил, держа в левом углу рта колпачок словно зубочистку. — Твоя проблема, что ты пытаешься нарисовать все тело, но для этого у тебя нет навыка. А все твои проблемы в том, что ты неправильно выбираешь позу. Тебе просто нужно взять готовое тело, и визуально наложить на него рисунок.

— Это прекрасно, — сказала она, пока он делал последние штрихи. Он мог рисовать что

удовно. — Дай мне попробовать.

Она нашла позу и образец, который бы ей соответствовал. Джереми наблюдал, как она рисует длинную юбку с тюрнюр и небольшую жилетку на журнальной фотографии женщины в джинсах и безрукавке, добавляя темные оттенки и преувеличивая тюрнюр.

— Получается, но не так хорошо, как у тебя, — сказала она.

— Ваша коллекция прекрасна. — Он сграбастал ее в объятия. — Я редко тебе это говорю. «Портняжки» — это та линия, которой я хотел бы заниматься.

Она не знала, что сказать. Творчески Джереми держал себя так далеко от «Портняжного Сэндвича», что она понятия не имела, как он к этому относится.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Он расстегнул ее рубашку. — А сейчас. В Китае понедельник. Поэтому я запланировал телефонную конференцию с Уолтером по новой упаковке лейбла. Но это через час. Ты в деле?

— Конечно.

— Но, во — первых, эта рубашка совсем не та.

— Я тоже ненавижу то, что на тебе надето, — сказала она, потянувшись к нему. — Но Руби сказала мне, что я не должна говорить это после или во время...

— Ты любишь меня.

Лора почувствовала себя обманутой, как будто ту возможность рискнуть и сказать это самой, у нее украли, без какого — либо давления на взаимность с его стороны.

— Нет, ты любишь меня.

— И я доверяю тебе, на это ушло больше времени.

— Сколько?

— Когда мы виделись в больничной палате на следующий день после того, как тебя избили. Когда ты искала убийцу Грейси. И я тебе рассказал.

— О муковисцидозе?

— Да. Ты была единственным человеком, которому я рассказал об этом за последние годы, и я сделал это импульсивно. Когда ты ушла, у меня случился приступ паники. Я не мог дышать. Я думал, что им придется интубировать меня. — Джереми улыбнулся, как будто это была самая глупая ситуация, в которую он когда — либо попадал. — И несколько месяцев я думал: «Как она не собирается говорить Руби?» Я ждал, когда все раскроется. Но этого не происходило. Я подумала, что, может быть, Руби крепче, чем я думал. И репортер. Он пугал меня. Я хотел себя убить за то, что рассказал тебе. А однажды ночью я был в салоне и услышал хихиканье Руби и Томасины за этой нелепой перегородкой. И, думаю, закашлял, потому что Руби внезапно закричала: «Джереми, сходи к врачу, пожалуйста?! Bronхит лечат уже миллиард лет». И тогда я понял, ты ей не рассказала.

— Конечно, нет. Как ты мог подумать, что я расскажу твой секрет?

— Ну, теперь я знаю. Рассказать тебе, что у меня муковисцидоз, было похоже на прыжок со скалы. Поэтому, когда я узнал, что ты рассталась с журналистом, понял, что должен быть с тобой. Найти способ, чтобы получить все.

— Каждый раз, когда ты упоминаешь об этом, ты напоминаешь мне, какой ты отвратительный.

— Мне тоже так кажется. — С улыбкой сказал Джереми, как будто говоря, что он таков и надо или любить его каким он есть, или оставить.

Глава 3

Лора работала над апрельскими поставками для «Портняжек» как машина: удлиняла, меняла и вела переговоры с Руби, сосредоточившись исключительно на своей работе. Ей нужно было все закончить до отъезда сестры, и все мысли превратились в сверхскоростной пассажирский экспресс, преодолевающий последние мили до конечной станции.

– Это последний, – сказала Хайди, собирая свои документы и набор образцов. Настоящее имя Хайди было каким — то непроизносимым румынским словом, звучащим примерно, как «Хайди», но только, если бы его пытался произнести трехлетний ребенок с полным ртом овсянки.

Три месяца назад Рольф Вент приковал трех девушек к котлу в подвале «Вашингтон — Хайтс», собираясь превратить их в высококлассных проституток. Он привез их в страну, используя предыдущего инвестора «Портняжек», как прикрытие, который также вложил деньги в Фонд Томазины для молодых восточноевропейских девушек. В результате Рольф поставил их перед нелегким выбором: в газетах говорилось, что они работали на Лору, и если она бы стала это отрицать, то их бы депортировали. Поэтому Лора их наняла. Хайди немного разбиралась в выкройках и шитье, чему она научилась у бабушки. Опыта у нее почти не было, но она была хорошо воспитана, владела английским и впитывала информацию, как губка. Таким образом, она стала техническим дизайнером по импорту продукции «Saint JJ» и «Портняжек». Трейси легко находила общий язык с людьми, потому её удалось пристроить на свободную вакансию в отдел по работе с кадрами, а Джулия умела рисовать, поэтому оказалась в отделе дизайна.

– Спасибо, Келли, – сказала Лора. Затем повернувшись к Хейди. – Апрельские поставки пойдут первыми, чтобы Джереми и Руби могли посмотреть для них что —нибудь в Гонконге.

Хайди кивнула и ушла, набросившись на работу, как кошка на птицу. Лоре такое отношение нравилось больше, чем любая реальная задача, которую выполняла Хайди. Лора спросила Руби:

– Тебе еще что —нибудь от меня требуется?

– Нет. – Руби не отрывала взгляда от лака на ногтях.

– Выглядишь грустно.

Руби никак не могла прийти в себя после смерти Томазины, ведь они были любовниками полгода назад. Лаура не знала об этом, пока не умерла Томазина, но как только она поняла это, она стала внимательней и заботливей к сестре.

– Немного, – сказала Руби. — но с каждым днем все меньше и меньше.

– Ты в порядке, чтобы ехать в Китай?

– В порядке. Это просто Гонконг. Легче легкого. И Джереми почти сразу после этого отправляется на материк, поэтому он не будет стоять над душой.

Мысль о Руби и Джереми в одном самолете, отеле или стране мало беспокоила Лору. Друг друга они не интересовали. Руби, со своей стороны, была в восторге от того, что у Лоры появился парень, и как только узнала об этом, предельно ясно дала понять, что уволить Джереми, как прошлых парней Лоры, она не намерена.

– Подожди, подожди, подожди, – воскликнула Руби, когда услышала новость об их романе впервые за ленчем в «Валерии». Им достался столик Марка Джейкобса, но его имя исчезло под другими именами, выцарапанными и нарисованными на поверхности стола. –

Он переспал с тобой, а потом на следующее утро заявил, что он будет нашим инвестором? Он так это сделал?

— И предложение работы было частью этого плана. Я буду работать с ним в «Джереми Сент — Джеймсе».

— И что? Это была сделка «все или ничего»? — Руби закрутила лингвини с невозмутимым видом, как будто они обсуждали обувь.

— Я могу выбрать любой вариант, правда.

— Значит, ты хочешь работать с ним на его идиотской второй линии?

— Она не идиотская.

— И ты хочешь, чтобы он работал с «Портняжками»?

— Да.

— И ты действительно хочешь продолжать заниматься с ним сексом?

— Это не обсуждается.

— Хреново. — Руби подняла руку, словно блокируя Лорины мысли. — Теперь он твой любовник. Ты можешь мне гарантировать, что если вы расстанетесь, то «Портняжки» не пострадают?

Лицо Лоры покраснело, когда Руби сказала «любовник», слово, которое ее сестра стала использовать после того как начала переключилась с мужчин на женщин. Это слово казалось таким старомодным словом, но «парень» было слишком инфантильно, а других вариантов у нее в голове не было.

— Это просто работа. — Лаура наклонилась вперед. — Мы сможем использовать фабрику на 40-й улице, Рубес. Выставочный зал в основном наш. Лучше нам никто не предложит.

— Я должна на него работать?

— И да, и нет. Он наш инвестор, поэтому мы должны приносить ему прибыль. Если мы этого делать не будем, он будет вмешиваться. Как и любой другой.

— Вот это меня и беспокоит. Смогу ли я с ним работать? Видишь ли, с Бобом... я могла заставить его смотреть на все под моим углом. Но Джереми? Он как ... я не знаю.

— Может быть, ты потеряла свое обаяние?

Руби усмехнулась, как будто Лора сказала ей, что у нее появилось десять лишних килограмм и двойной подбородок.

— Это не я. Это он. Он ... Я понятия не имею, как ты с ним справляешься ... или почему. Он властный. Мне это не нравится. Как ты справляешься с этим в постели?

— Он на самом деле доволен ...

— Стоп! — Руби опустила вилку и подняла обе руки. — Я ем. Пожалуйста. Извини, что подняла эту тему.

— Подожди минутку. С каких это пор ты не хочешь знать каждую деталь? Что с тобой случилось? Ты переключилась на женщин, а все мужики стали грубыми свиньями?

— Не все мужчины. Просто Джереми. Я рада, что ты счастлива. В самом деле. Ты заслуживаешь это. И я не говорю, что он плохо выглядит и все такое, но кроме властности, что с его кашлем? Стоит обратиться к врачу, ты так не думаешь? Может быть, немного антибиотиков?

— Не обращай внимания на кашель.

Руби закатила глаза.

— Нет, ты игнорируешь кашель. — Она сунула пасту в рот и отказалась обсуждать личную жизнь Лоры.

***

Вернувшись из примерочной, Лора обнаружила за своим столом маму.

— Привет, — сказала Лора. — У меня встреча через десять минут. Что — то случилось?

— Мне нужно еще раз увидеть платье, но полиция меня не пустит.

Зашел Джереми и сразу направился к своему столу.

— Джеки не может найти ключ от конференц — зала. — Он дернул свой верхний ящик и выругался.

Джеки, одна из тех девушек, попавших к ним от Рольфа Вента, была его помощницей.

Она прекрасно выглядела и рисовала, но невнимательность к вещам была её слабостью.

— Возьми мои. — Лора достала ключи из ящика и бросила их ему. — Они уже здесь?

— Только юристы. Привет, Джоселин.

Мама кивнула:

— Джереми. — с ума по нему она все еще не сходила, что и всячески демонстрировала.

— Увидимся через десять минут, — сказал он Лоре и ушел.

Лора не могла опоздать. Сегодня они заключали контракт с «NewSunnyGarments», китайским производителем, который будет отвечать за девяносто процентов работ по «Saint JJ». Хотя подпись Лоры не требовалась, и не входил «Saint JJ» в её обязанности, Джереми хотел, чтобы она была его глазами и ушами в бушующем бизнесе. Ему было приятно знать, что, если он вдруг ляжет в больницу, то она его прикроет.

Лора снова обратила свое внимание на маму.

— Зачем?

— Нужно сказать им, чтобы сняли отпечатки с обратной стороны пуговицы.

— Чувствую себя тупой, но спрошу еще раз, зачем?

— Тебе не нужно меня допрашивать, юная леди.

— Мам, в чем дело?

— Я говорила с вашим куратором сегодня утром, он клянется, что платье настоящее. Но если на пуговице нет моих отпечатков, то это подделка.

Лора чувствовала себя так, словно ее ударили обухом. Так себя чувствовали люди рядом с ней во время расследований? Это так же было похоже на то, что кто — то бежит вокруг тебя и задает вопросы о вещах, о которых ты уже ничего не помнишь?

— Мама, серьезно? Бернард Нестор? Ты охотилась за Нестором, чтобы сказать ему, что он осматривал не то платье? Он еще не порезал на кусочки тебя или он сделает это с Джереми и мной?

— Эгоистка.

— Я — нет. Никто не потеряет больше от поддельного платья, чем Джереми, но я не собираюсь больше смазывать колеса полиции Нью — Йорка. — Лора собрала свой блокнот и документы для встречи. — Кангеми зол на меня уже за само мое существование.

— Хорошо. — Мама отодвинулась от стола и встала. — У меня встреча с мистером Нестором сегодня вечером. Я попрошу его смазать все, что нужно смазать.

— Нет, не будешь просить.

— О, да, буду.

— Мама.

— Лора.

— Не надо.

— Пока. — Мама закинула сумку на плечо и направилась к двери.

Лора поспешила за ней в холл и увидела, что мама идет с высоко поднятой головой и готова взять на себя и полицию Нью — Йорка, и Бернарда Нестора, всех, только чтобы доказать, что Лора не понимала.

— Мама, — позвала Лора, мама обернулась. — Во сколько? Я пойду с тобой, пока ты не втянула нас в неприятности.

— В пять. После работы. — Мама хитро улыбнулась, будто зная, что Лора согласится.

***

Бернард Нестор был не из тех, к кому можно относиться легкомысленно. Курировать коллекцию «DressedforInfamy» — дело не для слабонервных. Это требовало глубоких знаний истории, политики, моды и высшего общества. Пути передвижения экспонатов тянулись от Белого дома до помощника библиотекаря в Технологическом институте моды и обратно к анонимным коллекционерам. Работа требовала умелого общения с людьми и знания рычагов давления в высшем обществе, которые могли бы расслабить известных людей настолько, чтобы одежда ассоциировалась с их самыми печально известными моментами жизни.

Шафрановое платье Брунико было главным на выставке. У бруникской принцессы Филомены было много платьев и костюмов, но ни один из них не был найден, ни у коллекционеров, ни в одном из университетов дизайна, после ее смерти шесть месяцев назад. Нынешний верховный принц Брунико, Сальвадор Форси, пришлось вызвать из охотничьей экспедиции на дальнем конце острова, но от коллекции ничего не осталось. Все исчезло, не оставив ничего ни в химчистке, ни у друзей — ни стежка, ни носка, ни бусинки, ни пояса. Коллекционеры моды оплакивали потерю.

Поэтому, когда обнаружили шафрановое платье, разработанное «Scaasi» с деталями, сшитыми мамой, началась настоящая лихорадка. Это было больше, чем единственное платье любимой принцессы, найденное где — либо в мире, и это была так же часть парадной одежды, которую она надела в ночь инаугурации Сальвадора верховным принцем Брунико. Пир был бесконечен: охота на лис занимала все дни, пойманной пушнины хватило бы на несколько шуб, а в танцах и азартных играх пролетали ночи. Частичным доказательством подлинности платья стал кусочек белужьей икры, найденный между двумя бусинами на груди.

— Мне жаль. Я не смогу с тобой поужинать, — сказала Лора Джереми, когда они выходили из офиса. — Я должна убедиться, что мама не натворит ничего лишнего.

— И как ты собираешься ее останавливать?

— Буду смягчать все, что она говорит. Я не знаю. Но она меня бесит.

— Знакомое чувство.

Она сморщила нос.

— Я надеюсь, ты не ожидаешь рождественского подарка с таким признанием.

— Я в неправильном списке подарков. Встретимся позже?

— Да.

Он обернулся, потом поцеловал ее и погладил по щеке большим пальцем.

— Сначала позвони. Я могу быть здесь. — Он собирался встретиться со своими дизайнерами по поводу «NewSunny» и подготовки к поездке в Китай.

***

Мама ждала на углу Мэдисон — авеню и 50-й улицы, освещенная разноцветными рождественскими огнями, развешанными на фонарных столбах, обнимая себя от холода.

— Почему ты не надела шарф? — Лора спросила, подходя ближе.

— Не нашла ничего подходящего.

Лора сняла с себя свой шарф и дала маме. Они прошли квартал на восток до старого каменного здания с арочными окнами и скошенной стеклянной дверью. Мама стряхнула с ног снег и позвонила.

Дверь открыл лысый мужчина в черном костюме.

— Вы, должно быть, миссис Карнеги?

— Миссис и мисс, — сообщила мама.

Дворецкий улыбнулся. Лора и не подозревала, что ее мать само очарование.

Бернард Нестор был худой, на грани истощения, с короткими ногами и невысокого для мужчины роста. У него была оливковая кожа, а тонкие волосы были подстрижены почти под ноль. Он шел прямо и напряженно, придавая новое значение слову «шомпол». Нестор, выглядел как человек, который привык решать важные дела с важными людьми в любое время, но все — таки обладал и земными нотками, словно он хотел быть твоим другом, независимо от того, где ты жил или каков твой социальный класс. Эта аура успокоила Лору, потому что, хотя она в настоящее время заработала больше денег, чем когда — либо могла потратить, но все равно чувствовала себя ребенком, чья мать чистила диваны, чтобы заплатить за квартиру.

Воздух в таунхаусе Бернарда был спертый, как будто большую часть года люди в нем не жили. Возможно, это было правдой, так как он редко бывал в городе. Он проводил экспертизы не чаще, чем раз в два года, но когда он брался за дело — это были редчайшие артефакты, самое ценное искусство или самая большая находка.

Он обратился к Барри с просьбой организовать выставку примерно в то же время, когда умерла Грейси. Джереми не принимал в ней участие, пока платье Брунико не попало в коллекцию. Бернард объяснил свои требования ему и Лоре. Местонахождение платья держалось в строжайшем секрете. Транспортироваться платье должно было только в специальной витрине, в которой его привезли, и ни в коем случае не извлекаться из нее. Предмет одежды должен был быть вывезен из музея таким же образом. Внутренности платья не должны были подвергаться реставрации. С ним вообще нельзя было ничего делать.

Лора познакомилась с Бернардом, чтобы посмотреть платье для шоу, скорее как искатель новинок, чем как лицо, принимающее решения. Они долго говорили о том, почему работа мамы над костюмом Барбары Буш так сильно отличается от голубого платья «Tollridge&Cherry». Он должен был встретиться с мамой, но слег с болезнью, хотя удостоверился, что женщина получила приглашение на открытие.

Шафрановое платье Брунико появилось только за две недели до шоу. Чудо — находка. Еще один кролик из шляпы Бернарда Нестора. Ллойд очень быстро его утвердил, и прибыль от шоу взлетела до небес.

Интерьер дома был украшен темным деревом и фресками, а пол был покрыт мраморными плитами с узором. Хозяин встретил их в библиотеке, слишком заставленной, по мнению Лоры: сотни книг в твердом переплете, вышитые узорами ковры, витые украшения тянулись по стенам и мебели. В общем, помещение выглядело так, как должна была бы выглядеть библиотека, но она для чтения она явно была неудобна.

Бернард небрежно обнял Лору.

— Приятно снова видеть тебя. Это были мучительные дни. — Он покачал головой, словно оплакивая потерю соседа. Затем повернулся к маме. — Вы, должно быть, миссис Карнеги? Работали над платьем? — Он протянул маме руку.

— Да. — Она пожала ее в ответ.

Бернард, общавшийся с сотнями людей всех мастей, казалось, не мог оторвать от мамы взгляд. Лора присела на кресло, но никто, казалось, и не заметил этого.

— Открытие прошло прекрасно. — Лора хотела добавить «сказочно» или «удивительно», но передумала. Этот человек не был невероятным или удивительным. Или, более кратко, если бы он сказал «невероятный» или «удивительный» о своей жизни, он имел бы это в виду, и остальной мир искусства знал бы это.

— Спасибо, мисс Карнеги. Я надеюсь, однажды организовать показ вашей работы.

Лора подавила нервный смешок, потому что в мыслях сразу же замелькали сотни восхитительных сценариев, благодаря которым это могло случиться, причем все они были примерно такими же вероятными, как и получение Оскара.

— Нам вас очень не хватало прошлым вечером, — сказала Лора.

— Я неважно себя чувствовал. Моя работа закончилась, как только выставка была готова. Конечно, после того, что случилось, я бы не остался дома. У меня в подчинение достаточно людей острых на язык. — У него был едва различимый акцент, но Лора никогда не могла его уловить, а Нестор всегда был осторожен, говоря о своем происхождении.

— Могу представить, — сказала мама. — Это платье было главным на экспозиции.

Бернард ухмыльнулся. Остальные экспонаты были не менее значимыми, но Лора достаточно хорошо знала маму, чтобы понять, что она имеет в виду совсем другое.

— Знаете, — сказала мама, — я поняла, что это подделка, как только я увидела пуговицу. А потом, когда платье вывернули...

— Мне любопытно, — сказал Бернард. — Монархия Брунико считала оскорблением любое прикосновение к коже принцессы, поэтому никто за пределами дворца никогда не подгонял ее одежду должным образом, и никому никогда не разрешалось шить внутренние элементы. — Он поджал губы. Пытался загнать маму в угол. Лоре захотелось смягчить удар. Но в угол её маму было не так просто загнать.

Но мама не казалась запуганной. Она не краснела и не уклонялась от конфликта. В этот момент Лору взяла гордость за маму.

— Внутренняя часть была передана мне с манекеном, — сказала мама. — Я надела подкладку на манекен, и знаете, то шитье, что я видела, на этом открытии были далеки от кутюр. Подкладка, которую я шила, и бусины, которые пришивала, были выполнены по самым высоким стандартам, несмотря на то, что были на изнанке. Любой, кто знает, хоть что — то об этом платье, поймет, что с ним что — то не так.

Их противостояние грозило затянуться. Лора была рада, что она пришла.

— Мне интересно, в какой момент произошла подмена. Как происходила доставка?

— Я уже обсуждал это с полицией, — отозвался Бернард.

Лора заметила, что он смотрит на мать чуть дольше обычного, как будто он хотел запомнить ее лицо, прежде чем оно исчезнет навсегда, и, хотя Лоре было очень неловко, мама либо не заметила, либо ей было все равно.

Он вынул журнал из ящика и положил его на столик.

— Оно приехало на грузовике без опознавательных знаков, в коробке, с бланком. — Он открыл страницу с изображением принцессы Брунико на инаугурационном бале ее мужа. Ее

лицо прорезала странная улыбка, больше похожая на оскал. Но все же она была яркой и красивой, с длинными темными кудрями, ниспадающими на плечи. Должно быть, фото было сделано в конце пира, потому что улыбка выглядела слишком естественной для первых часов официальных фотографий и формальностей, а поза изломана, как будто она спешила на танец или за долгожданным прохладительным напитком. Она была на лучшей вечеринке в своей жизни, в шафраново — оранжевом платье за сорок тысяч долларов.

— Видите пуговицу на манжете? — Мама указала. — Пуговица вшита прямо в ткань. Она состояла из двух частей. Сначала вшивалась ножка, а сверху пристегивалась шапочка. Я все это делала сама, своими руками. А пуговицы на платье вчера? Висели.

— А разве не может быть, что с годами нитки ослабли и она отвисла?

Мама вздернула подбородок. Она твердо стояла на своем.

Бернард, однако, придерживался другого мнения.

— В течение последних двадцати лет платье висело в очень захламленном шкафу в доме ирокезов. Возможно, что его кто — то надевал, помимо принцессы. Возможно, за это время пуговица оторвалась, и её пришили обратно, но не правильно. А так же, возможно со временем ткань вокруг прохудилась, и пуговица стала висеть. Как вы можете себе представить, платье не хранилось в архиве. До сегодняшнего дня мы не могли провести никакую экспертизу, кроме визуального осмотра, но, уверяю вас, мы взяли образцы пота из — под рук. Королевское общество наук в Брунико сообщило, что ДНК совпадает.

Замечательно. Лора искренне порадовалась, что такие люди, как принцесса Филомена из Брунико, тоже потели.

— Ладно. — Лора встала со стула. — Извините, что побеспокоили вас.

— Ничего страшного, — сказал Бернард, проводя их до двери. — Я уеду из города, как только все разрешится. Надеюсь, до отъезда увидеть тебя снова. Он искренне улыбнулся, и как бы невзначай коснулся маминого плеча.

— Я уверена, что еще встретимся, — сказала Лора.

***

Когда они оказались в полквартила от дома Бернарда и благополучно выбрались на Мэдисон — авеню, Лора заметила, что мамина шея удлинилась на несколько сантиметров, а подбородок был вздернут.

— Ты его раньше встречала? — спросила Лора.

— Не уверена, не помню.

— Он вел себя с тобой ужасно фамильярно. Как будто он тебя знал.

Мама отмахнулась от Лориной опеки.

— Это еще не конец. Сопутствующие предметы к платью остались у ирокезов. Что — то случится.

— Мама, все закончено. Мы должны вернуть платье на выставку как можно скорее. Это и так плохо сказалось на имидже Джереми.

— Дай мне передохнуть. Есть реальные факты, а есть Джереми. Может быть, я бы забеспокоилась, если бы была уверена, что его это тоже беспокоит.

— Не меняй тему. Платье возвращается. Я понятия не имею, почему ты так к нему прицепилась. Сколько сотен платьев ты сшила? Но именно это запало к тебе в душу, и я не знаю почему.

Мама продолжала идти.

Лора развернулась к ней лицом, продолжая двигаться вперед спиной.

— Почему?

— Ни почему. — Мама пыталась увернуться от ее левой руки.

Лора заступила ей путь. — Скажи мне.

— Лора Присцилла!

— Мы пойдем в Рокфеллер — центр, и ты можешь говорить со мной обо всем, за исключением рождественских ангелов. Или мы можем кататься на коньках.

— Я иду домой.

— И я тоже.

***

Поезд грохотал по мосту. За короткий промежуток времени между туннелями удалось уловить сигнал телефона, чтобы написать Джереми.

«Возвращаюсь с мамой, прости».

«Она в порядке?».

«С ума сошла, я думаю».

«Тебя нашли не в капусте».

— Чему ты улыбаешься? — спросила мама, когда они слетели в туннель, и сигнал отключился.

— Джереми пишет целыми словами. Мне это нравится.

— Он слишком шикарен для тебя.

— Он придурок, — сказала Лора, но она все еще улыбалась.

В тот вечер, когда мама встретила с Джереми, любовником Лоры, а не с Джереми — боссом, был редкий ноябрьский снегопад. Ветер не мешал, белым хлопьям спиралями опускаться на его черные ресницы оставаясь, там, на секунду, прежде чем растаять. У него тогда была короткая борода, такую же светлую, как и летящие хлопья, и он был восхитителен во всех отношениях, обнимал ее и улыбался легко, как будто единственное место, где он хотел быть, — гулять с ней по кварталу в Бруклине.

Он настоял на том, чтобы купить цветы, хотя маме бы стало от этого еще более неловко. Или нет. Все было не похоже на прошлые знакомства с родителями. И, конечно, никто из ее парней не был таким высоким, значимым и известный, как Джереми Сент — Джеймс. Она провела пол утра в ванной, размышляя, следует, ли ей принарядится, лучше пахнуть или попытаться выглядеть как девушки из общества Джереми.

Но для мамы она была прекрасна, верно? Все ее косвенные и прямые обвинения в том, что Лору использовали для какой — то гнусной цели, указывали на тот факт, что в ее отношениях были вопросы, которые мама видела, даже не встретившись с ним. И это раздражало Лору, потому что она предполагала, что их разногласия связаны с не столь значимыми вещами, и маму они беспокоить не должны.

Несмотря на все ухмылки матери, закатанные глаза и поджатые губы, когда Лора говорила о Джереми, мама тепло улыбнулась, когда они пришли в ресторан, и сказала ему, что слышала о нем «так много хорошего».

У них было много общего: и пальцы, попавшие под иглы швейных машин, и ожоги на руках, полученные от отпаривателей. Они оба знали, как починить машинку Мерроу и повернуть простежку, не растягивая ткань. У них были истории и анекдоты, и они смеялись над одними и теми же старыми портняжными шутками. Лоре казалось, что все идет хорошо,

и она отлучилась в дамскую комнату, когда принесли чек.

Все изменилось, когда она вернулась к столу. Не страшно, ничего такого, что могло бы смутить обычно чувствительного человека, и не потому, что Джереми уже позаботился о чеке, тайком отдав официанту свою карточку, когда они прибыли. И дело было не в огромном объеме ужина, который Лора оставила после себя в качестве подношения своим нервам. Изменением было просто в отсутствие болтовни и смеха, как будто она взяла его с собой в ванную и оставила там, на раковине после того, как вымыла руки.

Когда они с Джереми шли к вокзалу, Лора наконец спросил его, не произошло ли что — нибудь, когда она выходила.

Он ответил так, словно ждал, когда она спросит.

— Знаю, что когда — нибудь ты все равно об этом узнаешь, но чем больше я об этом думаю... — Он остановился посреди улицы и склонил голову.

— Джереми, что?

Он поднял на нее смеющиеся глаза.

— Я имею в виду, у нее было такое же выражение лица, когда она это говорила. Говорила на полном серьезе.... — он засмеялся. — Это ... я имею в виду, это даже смешно. Она сказала: «Я знаю, что ты используешь мою дочь из — за ее способностей». И забавно то, что она была так уверена в этом, нет, не омерзительно, но, как — будто это было неправильно, хотя... подожди, нет. Я не говорю, что она поняла это правильно, но ... — Ему пришлось прислониться к парковочному счетчику, он так смеялся. Это случалось так редко и так красиво выглядело то, как он терял контроль, что она тоже засмеялась.

Лора улыбнулась, вспомнив это, когда они с мамой добрались до переднего крыльца. Свет у Руби был включен, и она подумала уговорить сестру помочь маме узнать больше об этом платье. Вернувшись обратно в Бруклин с единственной целью узнать о шафрановом платье Брунико, Лора не собиралась ложиться спать без полного и полного учета

У входной двери обнаружился конверт из плотной бумаги. Мама взяла его, открыла и вытащила три небольших конверта.

— Что это? — спросила Лора, заметя свое имя на одном из них.

Мама сунула их обратно в конверт побольше.

— Ничего.

Лора схватила конверт и повернулась спиной к маме. Три белых конверта были маркированы: Лаура, Руби, Джоселин.

— Что это, мама?

— Сначала я посмотрю их.

Руби вышла из своей квартиры в сад в штанах для йоги и майке.

— В чем дело? — За ней шла Элейн, одетая с ног до головы в «Lululemon», как будто специально для нее сшитый. Элейн была первой у Руби после Томасины, и ее худая с надписями задница йоги ни подпрыгивала при каждом шаге. Несмотря на это, она вела себя так, будто была постоянной девушкой Руби. Лоре стало ее жалко.

— Мы получили эти конверты, — сказала Лора. — А теперь у нее срыв.

Руби встала руки в боки.

— Мама? В чем дело?

В свете уличных фонарей в глазах матери отчетливо виделась неприкрытая тревога, и Лора впервые подумала, насколько старо выглядит ее мать.

Мама приглушенно сказала.

— Я знал это, как только увидела. — Она посмотрела через улицу и вздохнула. — Это почерк твоего отца.

Глава 4

Мама налила три стакана вина из коробки на прилавке. Оставив Элейн в квартире внизу, Руби залезла на стул у двери с ногами, обхватив руками колени. Увлечение йогой сделало ее еще стройнее и гибче, чем раньше. Мама дала Руби стакан, который она зажала между колен. Лора взяла последний.

Джимми, их сосед и домовладелец, не был большим любителем вина. Симпатичный полицейский в отставке, у него было много свободного времени, и большую его часть он проводил рядом с мамой. Когда он три месяца назад прогнал репортеров от дверей обрезом, Лора решила, что он пьян или сошел с ума. Оказалось, ни то, ни другое.

— Думаю, тебе следует их сжечь, — сказал Джимми, как будто читая мысли Лоры.

— Хорошо, что твоя бывшая жена так и не появилась, — сказала мама. — Мне нужно поглядывать себе за спину.

— Может, уже покончим с этим? — Заныла Руби. — Лора и я должны идти к Стью.

— Нет, я не пойду, — сказала Лора. — Я должна вернуться на работу.

— Уже девять часов, — возразила Руби.

— И что? У меня, знаешь ли, две работы.

— Брось одну и начни нормальную жизнь.

— Зачем? Чтобы научиться сидеть с лодыжками за ушами и носить треники целый день?

Джимми прервал их.

— Это то, о чем ты рассказывала? — спросил он маму. — Эти две? Вот так?

— С тех пор как начали говорить — Мама взяла свой конверт из кучи. — Начну — ка я первой. — Она вскрыла его, развернула лист бумаги и прочитала вслух:

«Дорогая Джоселин,

Прошло много времени с тех пор, как мы разговаривали. Я надеюсь, что с тобой все в порядке.

— Двадцать лет назад, — вмешалась Лора.

— Вы, — сказал Джимми, тыкая в них пальцем — помолчите обе.

— Иди к черту.

— Серьезно. — сказала Руби.

— Кто этот парень? — Лора спросила Руби. — Где он был, когда мы ели лапшу быстрого приготовления два раза в день?

Взглянув на Джимми, Руби, фыркнула:

— Да, где ты был?

— Достаточно! — прикрикнула мать. — Этот маленький водевиль тянется с десятого класса. Устраиваете спектакль, когда хотите чего — то избежать, но сегодня у меня нет настроения смотреть на это. Я уже перестала ждать писем, и вот они пришли, так что заткнитесь, пока я их не сожгла прямо здесь.

Мама откашлялась и снова начала читать:

«Я знаю, что это должно быть неожиданно после стольких лет получить это письмо.

Двадцать лет. Я много чего хотел сказать за это время. Это было нелегко. Хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделала ради воспитания девочек. Знаю, это было трудно. В жизни было столько обстоятельств, и ни на одно у меня нет объяснения.

Я вижу, ты сейчас живешь в Бруклине. Надеюсь, вам там нравится. Помню, раньше это был довольно опасный район, но, если девочки с тобой, все должно быть хорошо. Ну, надо идти. Удачи. Джозеф».

— Что, черт побери, это было? — спросила Руби.

— Кого — то сбил грузовик с сиропом, — сказала Лора.

Папа внезапно показался менее страшным, менее интересным. Стариком, протягивающим пустые руки.

Руби, опрокинула в себя остатки вина и сказала:

— Я следующая.

Когда ее сестра открыла конверт, Лора сравнила толщину содержимого. Конверт в руках Лоры был толще, как письмо о зачислении против двух отказов. Она почувствовала ком в горле, как будто там у нее застряла пластиковая соломка, скрученная, концы которой торчали под острым углом, и не давали сглотнуть. Она попыталась прочистить горло, но обнаружила, что забыла как.

Руби начала читать свое письмо вслух. Как заметила Лора всего лишь половина страницы, написанная от руки.

«Дорогая, Руби!

Надеюсь, когда ты читаешь это, у тебя все хорошо. Я научил тебя дизайну одежды, и думаю, что ты в этом преуспела. Ты всегда была очень талантлива. Как — то я хотел покрасить свою комнату и подумал, что моя старшая дочь точно бы знала, какой цвет использовать..».

Остальное Лора не слышала. Это было слишком. Письмо к ней таким не будет. Оно должно быть длинней. И ей придется читать его при всех. Невидимая рука, сжимавшая ее горло, теперь схватила за сердце. Ребра стали сдавили постоянно расширяющиеся легкие. Боль пронзила ее грудь, сжала горло. Комната вокруг нее перестала существовать. Темнота в глазах заслонила все, кроме рта Руби, продолжавшей читать.

«...Самый лучший папа».

Внезапно все совсем потемнело. Воздух ударил ее по щекам холодом. Лора оказалась на заднем дворике. Она даже не знала, как туда попала.

— Дыши. — раздался голос Джимми.

Она вдохнула воздух через рот, сжимая железные перила, перекинулась через них и была уверена, что её сейчас вырвет, если желудок еще способен был ей подчиняться.

Мама гладила ее по спине.

— Что случилось?

— Паническая атака, — сказал Джимми. — Она была близка с ним?

— Он ушел, прежде чем я начала ходить, — огрызнулась Лора, оборачиваясь, приступ отступал, боль в груди стихла до чувства стеснения.

— Нет, — возразила Руби. — Кто тебе это сказал? Он ушел, когда нам было шесть и семь.

— Нет, я бы его помнила.

— Милая. — Мама положила руки на плечи Лоры. — Это правда. Вы были очень близки с ним. Ты так сильно переживала, когда он ушел ... ты просто решила забыть обо

всем.

— Нет. Seriously. Мама, прекрати это.

— Да, — сказала Руби. — У тебя начались проблемы с недержанием, когда ты поняла, что он не вернется. И, каждый день после обеда я должна ходить за тобой и тащить тебя в ванну. И врезать любому, кто бы называл тебя грязнулей или обоссумом. Нас почти выгнали из Далтона.

Джимми усмехнулся.

— Да ты ходила под себя? О Боже! Ты умеешь преподносить сюрпризы.

Лора рванула внутрь, захлопнув за собой сетчатую дверь. Она схватила свой конверт. Она помнила приступ недержания мочи, но это не могло быть из — за папы. К тому времени он уже давно ушел. Память не могла ее подвести. Она разорвала конверт.

Руки дрожали, когда она разворачивала две страницы текста. Она надеялась, что там будет про погоду, цвета красок и формы облаков осенью. Может быть, он начал с самой младшей и просто устал после скучной двухстраничной оды.

— Милая, — сказала мама. — Тебе не нужно читать это, если не хочешь.

— Я не хочу читать это вслух.

— Все в порядке. — Мама подтолкнула Лору обратно к стулу за кухонным столом. — Просто присядь.

Руби налила себе еще вина и присела на другой стул. Джимми достал пиво из холодильника, с видом хозяина, и, хотя Лора полностью сосредоточилась на прочтении письма, не могла не отметить, что ни Руби, ни она, ни мама пиво не пили. Она склонилась над письмом.

Дорогая Лала,

— Это не для меня! — воскликнула она. — Кто такая Лала?

— Это ты, — ответила мама, и хотя Лора хотелось поспорить, это казалось бессмысленным, ведь она стерла несколько лет своей памяти.

Я видел твою фотографию в газете. Узнал тебя сразу. Не мог забыть эту улыбку. За двадцать лет она нисколько не изменилась.

— У меня все по — другому, — сказала она. — Он увидел меня в газете. Полагая, это ту, которая была в *Sightings* (Под прицелом)?

В прошлую среду Руби пришла к Лоре в швейный цех на 40-й улице со своим ноутбуком, на экране которого красовалась шестая страница «Нью — Йорк Пост», и положила его поверх работы Лоры.

— Что ты делаешь? — воскликнула Лора. — Ты совсем поехала... — Она остановилась на полуслове, потому что Руби ткнула на фотографию, на которой она и Джереми сидели в такси прошлой ночью. Он придерживал дверь открытой, пропуская ее вперед. Она повернулась к нему, он повернулся к ней лицом, и они оказались нос к носу. Они могли поцеловаться за секунду до этого или за секунду после.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала Руби.

— Дерьмо. — Сердце Лоры замерло, когда она прочитала короткую статью, написанную самым похотливым и безобразным образом.

— Секрет раскрыт. — Легкомысленное отношение Руби приводило в бешенство.

— На шестой странице? Они называют меня его лекальщиком. Они даже не упоминают «Портняжек». Боже, написано так, будто он трахает своих сотрудников, чтобы доказать, что он не гей? Я имею в виду, если бы он хотел быть геем, он был бы просто геем. — Она

закрыла ноутбук. — Пожалуйста, можешь убить меня прямо сейчас?

— Вам нужно перестать ходить в хорошие рестораны после работы. Там постоянно сидят фотографы. Томасина и я могли пойти съесть хот — дог в палатке на колесах, и всем было на нас плевать, кроме мальчишек — подростков. Но один ужин в «Гроте» или «Ланае», и все превращалось ... фотографы липли к ней, как мухи.

— Я просто хочу делать одежду, — устало пробормотала Лора.

— Ну, извини, — сказала Руби, поднимая свой ноутбук. — Теперь ты знаменитость С — класса.

Лора решительно начала чтение заново, хотя все еще не вслух.

«Дорогая Лала,

Я видел твою фотографию в газете. Узнал тебя сразу. Не мог забыть эту улыбку. За двадцать лет она нисколько не изменилась.

Я мало что знал о детях, когда мы с твоей мамой родили вас двоих. Я был единственным ребенком в семье и много путешествовал с родителями, и был немного эгоистом. Я не знал, насколько дети могут осветить жизнь, пока не появились вы. Увидев тебя на той фотографии, все это вернулось ко мне. Раньше ты бегала по квартире со старой куклой сестры, смеясь только потому, что могла бегать. Твой подгузник был на половину разорван, а Руби сидела на полу, хватаясь за свои игрушки, чтобы ты не схватила их и не убежала.

Я не знаю, как объяснить все то, что нужно объяснить. Чувствую, что очень обязанным тебе. Ведь мы были так близки. Но, у меня нет ничего. Ничего ценного. Одни оправдания. Хочешь ли ты их слушать?

Я — бесполезная задница. Я жил всю свою жизнь жил в страхе. Чего? Не знаю. Думаю голос моей матери в голове говорит, что это не оправдания для взрослого человека.

Может быть, ты этого не знаешь. Я любил тебя. Я все еще люблю тебя. Оставить тебя было самым ужасным поступком в моей жизни. Сомневаюсь, что эти двадцать лет можно вернуть. Тот факт, что я вижу тебя сейчас и не могу быть рядом, только заставляет меня любить тебя больше. Я хочу познакомиться с тобой, но даже не буду пытаться. На то есть причины, но говорить о них я не буду. Не хочу доставлять тебе неприятности. Хочу, чтобы ты знала, я наблюдаю за тобой. Это звучит жутко. Но это не так. Думай, что я рядом с тобой, иду с тобой, куда бы ты ни пошла. Я не думаю, что я тебе когда —нибудь понадобится, но если понадобится — буду рядом, я обещаю.

С любовью, Джозеф».

Никакой контактной информации. Что за куча дерьма.

— Ты аж позеленела, — сказала Руби.

— Я устала. Я работала на трех работах, улыбалась перед камерами, бегала с матерью и этим двадцатилетним платьем, — о котором вы мне не рассказали ничего нового. А теперь вот это. Папа, который написал нам сейчас. Почему? Потому что я появилась в этой чёртовой газете? Снова? Почему мы ничего не получили, когда умерла Томасина Вент, а имя Руби мелькало повсюду как имя ее любовницы?

— Ты была особенной для него, Лора, — сказала мама.

— Хорошо. Я особенная снежинка. — Она встала. — Дамы и господа, спокойной ночи.

***

Дверь позади Лоры защелкнулась, и девушка сползла в узкое пространство между ее

кроватью и стеной. Свет она не включала, и не собиралась покидать это безопасное маленькое пространство. Достала телефон и набрала Джереми.

— Как ты? — сразу спросил он вместо приветствия. Задним фоном в трубке грохотали швейные машинки. Сверхурочные работы на 40-й улице.

— Моя мама только что выставила себя полной задницей перед Бернардом Нестором, а когда мы вернулись домой, обнаружили три письма от отца.

— Твоего отца?

— Моего. Мудака, который ушел, потому что он был геем. Самое отвратительное оправдание за всю историю. Как будто ни у кого не может быть отца — гея. Как будто он это придумал. А теперь он прислал эти письма, мое на две страницы, и угадай, что? Он называет меня Лалой, а я это убей не помню, и не потому что я тогда была младенцем. Он ушел, когда мне было шесть лет. — Она решила опустить про недержания и приступ паники, а также комментарии Джимми.

В трубке раздался щелчок. Он вошел в офис.

— Лала. Мне нравится, — сказал он.

— Нет, только не тебе. Этого человека ничего не исправит, даже милые прозвища. Он не похож на твоего отца.

Он вздохнул.

— Жизнь не состоит из сердечек и радуги, Лора. Даже если я сделал все, чтобы она выглядела так.

Джереми всегда рассказывал о своем отце как о принце, внеземном человеке, благородном, честном, трудолюбивом, солидном, прямо готовом к канонизации. Джереми всегда говорил об этом человеке с оттенком сожаления, как будто он уже успел подвести память своего отца слабыми достижениями и незначительной моральной честностью.

— Переубеди меня, — сказала она. — Потому что я ревную к твоему отцу уже много лет.

— Хорошо, но ты сама попросила.

— Я не буду судиться с тобой за любые изменения мнения.

Он сделал паузу, и Лора вообразила, что он что — то набросил на кучу бумаг.

— Он делал индивидуальные заказы на стороне. Маму это сводило с ума, потому что денег не хватало, даже четырех баксов на попкорн. Ткань была баснословно дорогая, а конский волос, просто забудь об этом. Итак, это случилось за несколько месяцев до его смерти. У него был клиент, заказ которого нужно было закончить к началу следующей недели, а на фабрике был большой заказ, поэтому отец должен был проводить все время в цеху. Я только начинал кроить в то время. Мне было около двенадцати. Он разложил ткань для брюк и попросил меня раскроить ее, пока он сходил бы в цех. Папа вечно жаловался на то, что мама заставляла его шить костюмы официанткам, а он хотел заниматься настоящим искусством. Он был ... подавлен. Я хотел вытащить его из этой рутины, потому что его раздражение передавалось мне, поэтому я пообещал закрепить выкройки и просто, знаешь ... Я сказал ему: «Спускайся вниз, пока мама не взбесилась». Она была... ну, ты знаешь, такая...

Он замолчал. Он закончил предложение как — то раз, и это было очень плохо. Что бы он ни думал о своем отце, он имел противоположное мнение о своей матери.

— Я разложил выкройки, и раскроил. Я был очень внимательным. У этих костюмов маленькие припуски. Ты не можешь сделать их больше или напортачить с раскроем, иначе

потратишь в два раза больше ткани. И, кстати, потребовался месяц, чтобы добыть эту ткань. Но я был уверен, что сделал все правильно. Абсолютно. Уверена, что хочешь услышать, что было дальше?

— Он же не побил тебя?

Джереми издал легкий смешок, похожий на кашель.

— Нет. Когда он раскладывал ткань, нижний край соскользнул. Все, левые детали, оказались на шестнадцать сантиметров короче.

— О, нет.

— Он выложил оставшуюся ткань, десять ярдов, вероятно, на восемьсот долларов, а я уже плакал, ведь я знал как это плохо, протянул мне свои ножницы, которые были вдвое больше моих, и сказал: «Разрежь. Разрежь все. На маленькие части. Я не хочу из этого делать ни карман, ни обтачку. Вперед!». Я весь в соплях и слезах, в кислородной маске с забитыми трубками, которые мне нужно будет прочищать, говорю ему, что можно выкроить только левую часть, и потери будут меньше. Но он взял правые половинки, которые я выкроил правильно, и разрезал их пополам. А потом стоял надо мной пока я не покрошил их на мелкие клочки.

Лора услышала голоса внизу, тихий смех, а затем закрытую входную дверь, которая означала, что Руби вернулась в свою квартиру через сад. Лора не хотела выходить из комнаты, опасаясь помешать маме и ее спокойному времяпрепровождению с Джимми. Ее жизненная ситуация становилась все сложнее. Ей скоро нужно будет снова искать себе угол.

— Это он разложил ткань Джей — Джей. Это не твоя вина.

Его стул снова скрипнул.

— Да. Я знаю. Но вот, что я пытался тебе рассказать.

Необходимо было так же признаться в чем — то постыдном.

— Руби говорит, что у меня были проблемы с недержанием после того, как папа ушел. Все еще считаешь меня сексуальной?

— Могу я отправить за тобой такси?

— Я сама могу взять такси, Джей — Джей.

— Не знаю, что еще предложить. Возьми такси. Ты вернешься сюда? Это все, что я хочу знать.

Больше всего она хотела увидеть его, но это было слишком непрактично.

— Мне нужно спать.

— Если бы ты жила в городе, мы бы сейчас были вместе.

— Я знаю. Трудно что — то искать, когда я все время на работе. — В ее дверь раздался тихий стук. Она встала, чтобы открыть.

— Тебе жилье даже не нужно, — сказал Джереми. — Ты, в любом случае, проводишь со мной почти все время.

Лора открыла дверь. Вошла мама с какой — то книгой.

— Мне надо идти. Ты любишь меня. — Слова скатились по ее губам, словно леденец, который еще не растворился.

— И ты меня любишь, — ответил Джереми. — Не проспи. У тебя примерка утром.

Мама присела на кровати, в темноте. Лора выключила телефон, с тяжестью на сердце, понимая, что выспаться ей сегодня не удастся. Она включила свет, и абсурдная необходимость комнаты стала очевидна. На стенах ничего не висело, не было ни одной книги на полках. Только покрывало с авокадо из семидесятых, на которое она наткнулась в

благотворительном магазине. На него и присела сейчас мама. Лора была настолько сломленной и уставшей, когда переехала с мамой и Руби сюда девять месяцев назад. Она могла бы при желании снять себе апартаменты в Мидтауне, если бы у нее было время для осмотра жилья.

— Ты знала, что я думаю, что он ушел, когда я была младенцем, но ничего мне не сказала, — вяло проговорила Лора.

— Я даже не знала, что ты убедила себя в обратном, пока не стало слишком поздно. В этом не было никакого вреда. Ты на меня злишься? Давай. У меня было много дел в то время, и лишнее белье, которое ты мне подкидывала, не помогало. Я была готова позволить тебе справиться с этим любым нужным тебе способом.

Лора села на стул у кровати.

— Что происходит, мама? Почему сейчас?

— Это платье. И твое лицо в газетах. — Она открыла фотоальбом на коленях. — Твой отец был..., я думаю, ты сказала бы, что он — бисексуал, потому что он твой отец, и ты была зачата естественным способом.

— Если я могу представить себя с Джимми, я смогу представить тебя с папой, — сказала Лора.

— Но это было нечасто, и он плохо функционировал. Ты понимаешь, что я имею в виду, или мне проиллюстрировать?

— Мне все понятно

— Он пришел ко мне, когда тебе было пять. — Она положила руку на колено Лоры.

Лора хотела поспорить: папы не было, когда ей было пять лет. Это была история, которую она рассказывала себе всю свою жизнь. Она взяла руку своей матери и сжала ее, потому что мама всегда была там. Что бы папа делал или не делал, какую бы ложь Лора ни придумала, чтобы объяснить это, мама была там.

— Мы пытались жить в одной квартире ради вас, девочки. Лора, когда я говорю, что он любил тебя, я не лгу, ты была его драгоценностью. Когда он ушел, я не могла поверить, что он тебя бросил.

— Я даже не помню, чтобы меня когда — то в жизни называли Лалой.

— Я перестала тебя так называть, когда он ушел. Он всегда был зажат, но как только он принял то, кем он был, ему стало намного легче, и мне никогда не приходило в голову, что он уйдет. Но он это сделал. Боже, я все еще ... — Она ущипнула себя за переносицу и покачала головой, словно пытаясь, избавиться от гнева. — Когда твой отец рассказал мне, я была опустошена. У нас были две прекрасные дочурки, и мы были друзьями, он и я, и был секс, пусть и неважный, как я уже рассказывала. Но случилось то, что случилось. Он оставался ради вас, но много раз не ночевал дома. Я была ... — Она глубоко вздохнула и посмотрела на потолок.

Лора всегда думала о маме как о маме. Она никогда не думала о ней как о женщине, с романтическими чувствами и физическими желаниями, такими же сильными, как у нее. О женщине, которая любила глубоко, и чье сердце могло быть разбито. О женщине, у которой были мечты, которые могли быть разрушены той же самой любовью.

— Ты не виновата, мама.

— Я знаю, — огрызнулась она. — Конечно, он потерял работу, потому что он перевозбудился и чуть не переспал с парнем с работы. С кем — то, кто был у него в подчинении. Это было плохо. А во время рецессии найти работу инженеру было трудно.

— Ты рассказывала, что он был музыкантом.

— Я не рассказывала ничего подобного. Это твое романтическое воображение придумало. Я закончу?

— Прости.

— Само собой разумеется, я должна была выгнать его, особенно когда он пришел домой пьяный, пахнущий потом и спермой, но я этого не сделала. Мне нужно было присматривать за ним, нужно было убедиться, что он с хорошим парнем, ведь в то время геи умирали дюжинами. Так что я устроил его в приемную в «Скаази».

Конечно, он не хотел иметь с этим ничего общего. Он был образованным человеком. Он строил мосты и дороги. Как — то он привел тебя на работу после школы, и тебе там так понравилось. Знаешь, ты была талисманом «Скаази», единственным пятилетним ребенком в истории, которому разрешалось пользоваться булавками и ножницами. Вскоре он и некоторые из моих коллег начали говорить, и он взялся за эту работу, главным образом потому, что там он мог быть тем, кем он был. Мама вздохнула и открыла альбом на пурпурной закладке:

— Почти год спустя к нам приехала принцесса со своей свитой.

Лора взяла альбом и пролистала. Люди. Лица. Студия «Скаази». Шафрановое платье на манекене. Она не узнала никого, кроме мамы, с ее игольницей и ниткой и улыбающейся принцессы в брюках и футболке.

— Кто из них папа? — спросила Лора.

— Посмотри.

Как бы она ни ненавидела его, она жаждала на него взглянуть. Она хотела увидеть его черты, знать, кому принадлежит половина ее, придать форму своему гневу и раздражению, чтобы он стал реальностью, а не мыслью. Но люди на фотографии были красивые и загорелые, улыбались, обхватив друг друга за плечи, пытаясь, уместится в рамку.

— Кто это снял?

— Я.

Лора посмотрела на мать.

— Ты?

— Милая, пожалуйста. Думаешь, я умерла с вашим появлением? Эта свита зажигала с нами каждую ночь, пока они здесь были. Месяц. И что за веселые люди.

Лора взглянула на фотографии, уловив их краем глаза форму щеки и подбородка, изгиб века. Она ахнула. Она никогда не увидит его.

— Руби, похожа на него.

— У тебя его нос.

Лора пожирала взглядом фотографию, стараясь запомнить каждый изгиб лица и тела, пытаясь собрать человека из кусочков эмульгированной бумаги.

— Вот черт. Он был шикарен.

— Наверное, до сих пор, насколько я знаю.

— Значит, ты тусовалась? Вы были друзьями, а он играл роль папы, чего бы это ни стоило. Что же случилось?

— Случилось Брунико.

***

Остров Брунико был источником вдохновения для «The Rat Pack» и черно — белых

фильмов на протяжении десятилетий, укрепляя репутацию крошечного южноамериканского островного государства как места мирового класса для безбашенного кутежа, азартных игр и отмывания денег.

Калейдоскоп падений множества актеров и актрис. Недоступный Лас — Вегас, безбожный Содом, логово, гавань, нетронутый цветок на идеальном океане, на Брунико было три месяца потрясающей, прекрасной погоды и девять месяцев сурового, влажного холода. Остров лежал к востоку от Аргентины, достаточно далеко, чтобы считаться собственным маленьким королевством, но достаточно близко, чтобы пополнять запасы пациентов для больницы, пригодной для лечения похмелья, переломов конечностей, несерьезных ран и нежелательных беременностей.

В течение ста лет после его открытия в 1787 году сбившейся с пути командой охотников на бобров он был тюремной колонией. Доказав, что послеобеденное социальное решение мировых проблем — размещение всех людей, которые вам не нравятся, на острове и игнорирование их — никогда не работает, и принесет либо процветающую демократию, либо заброшенный кусок камня, на береговой линии. Брунико был примером последнего до тех пор, пока в 1880 году его не приобрела семья Форси в качестве инвестиции в будущее за счет главного актива острова: торфяной мох.

Херге Форсей, наследник семьи и следующий в очереди, унаследовавший право собственности, заметил, что близость острова к Аргентине и криминальная диаспора, которая назвала это место домом, сделали его идеальным местом для незаконной деятельности. Проведя четыре года в университете, где английские кальвинисты промывали ему мозги, он решил, что богатство — это прекрасно, если только хочешь влиять на поступки людей, но праведность будет править и рукой, и душой. Смерть отца должна была передать не только право собственности на остров, но и власть.

Все было достигнуто у смертного ложа Форсея — старшего, когда тот последней волей назначил себя верховным принцем, закрыл валюту для внешней торговли, сделал Христа вечным королем и объявил неразрушимую монархию без парламента. Любой, кому это не понравилось, мог уйти. Никто не ушел. Скалистый остров был как источником торфяного мха, так и слепой преданности в, казалось бы, неограниченных количествах.

В течении тридцати последующих лет все на острове носили коричневое, пасли овец, собирали мох с русла реки, ели суп из репы и вели себя хорошо. Затем торфяной рынок обвалился. Жители могли стереть руки в кровь. Могли отправлять торф три раза в неделю, вместо двух. Могли молиться. Но ничего не поменялось бы. Деньги, которые Центральный банк перевел на бруникскую валюту, тонк, всегда были одними и теми же.

Херга Форсея, нельзя было назвать бессердечным. Он не хотел смотреть, как голодает его народ, поэтому он начал есть суп из торфяного мха в знак солидарности, но даже любой дурак на острове сказал бы ему, что это очень плохая идея. Съев суп, он заразился через споры и умер через три месяца после сильного приступа дизентерии и открывшихся язв на ладонях, оставив жену, трех взрослых дочерей и восьмилетнего сына.

Трон унаследовал сын, потому что Херг был не только кальвинистом, который считал удовольствие греховным, но и женоненавистником. Восхождение Александра Форсея на престол стало концом кальвинизма, ведь его мать хотела заниматься сексом, а сестрам нужны были деньги. А верховный принц Александр хотел играть в пятнашки, и, пока у него были товарищи по играм, он соглашался на все, кроме отречения от престола. Ведь он был маленьким, но не идиотом.

Видимо, Херг был прав. Женщины являются источником мировых беззаконий. Через год Брунико стал Содомом Южной Атлантики.

Библейские заветы были переписаны по всему Брунико в течение следующих нескольких десятилетий, и Теодор Форсей построил больше дорог, телефонных линий и второй отель, обещая безопасность и конфиденциальность всем своим многочисленным голливудским друзьям. Роналдо Форсей пообещал своим бизнес — партнерам надежное налоговое убежище в Центральном банке Брунико, расположенное в каменном здании прямо в центре острова. Три месяца в году остров двигался в непрекращающемся темпе ночного клуба. Алкоголь и нелегальные наркотики доставлялись на лодках и исчезали в венах. Пляжи были вытоптаны, а отели заполнены.

Но реальные события на Брунико происходила в течение остальных девяти месяцев. Под ветром и дождем, укрытая февральским снегом, в старинных зданиях, согреваемых каминами высотой в два с половиной метра, гавань становилась настоящим раем. Сделки заключались в ночи, игроки прибывали на бесшумных маленьких лодках. Цены на отели зимой были астрономическими, но вовсе не из — за удобств, а из — за гарантированной безопасности.

Так было скоплено немалое состояние и определенная репутация. Однако традиции Брунико остались прежними. Граждане оставались честными и консервативными. Ни один верховный принц не оставался без сыновей, занимавших его место. Монархия контролировала печать и распределение всех денег, которые можно было свободно и легко поменять в Центральном банке и больше нигде в мире.

— Что ты имеешь в виду? Брунико случилось? — спросила Лора. — Не так — то просто туда переехать. У них нет иммиграционных программ.

— Верховный принц может разрешить проживание. Им нужно было починить дороги и мост, чтобы построить ещё одну гостиницу. Твой отец поехал на эту работу. И он влюбился.

Мама стала пролистывать альбом: себя, папу, принцессу, совсем не похожую на принцессу, высокого мужчину в кожаной шляпе, суровую на вид пару, что им было место в жутких коридорах фильмов ужасов, пока не наткнулась на фотографию невысокого рыжеволосого мужчины с широкими плечами. Он сидел на фотографии в углу и курил сигарету, а мама и принцесса Филомена прикалывали подол шафранового платья. Он больше нигде не появлялся, а папы рядом в этом же кадре не было.

— Его звали Самуил, но я его никогда не замечала. Твой отец часто отсутствовал. Он практически стал частью свиты, пока те были в Нью — Йорке. Приходил домой, когда хотел. Милая, он заботился о вас, когда это было нужно, но как только был свободен, он исчезал. Он мог бы стать спортсменом — занимался теннисом в Корнелле — но он часто забрасывал занятия, у него был такой отсутствующий взгляд. Однажды вечером после ужина он вытирал посуду и разбил одну из чашек из бабушкиного сервиза. И я взорвалась. Сказала: «Джозеф! Кто он? Просто скажи. Ты ведешь себя как школьник!» Он так расстроился. Может быть, потому что я назвала его школьником. Я до сих пор не знаю. Но он вышел, не попрощавшись с вами, девочки, и я не видел его до следующего утра на работе.

Мама вздохнула и закрыла альбом, как будто не хотела, чтобы лица с фотографий смотрели на нее, когда она будет заканчивать рассказ.

— Он сказал, что я права. Он влюблен и возвращается на остров, когда все будет готово. Он сказал мне, что это Самуил, и думаю, я расплакалась. Я была счастлива за него, но мне было так одиноко. Я не понимала, как мне будет одиноко, пока он не сказал мне, что

влюбился, и это так меня ошарашило. Я такая эгоистка, потому что знаешь ... как будто он действительно ушел. Это была не просто шутка или фраза. Я действительно осталась в прошлом. Наговорила гадостей. Обзывала его так, как никого никогда не называла. А потом он ушел на работу, и я его больше не видела. — Мама шмыгнула носом, и слезы покатались по ее лицу.

— Мама, пожалуйста, не плачь, — сказала Лора, роясь в ящиках в поисках салфетки.

— Я не могу отделаться от мысли, что оставила вас без отца, потому что чувствовала себя брошенной и мне просто нужно было оскорбить его.

— Что можно сказать такого, что могло бы удержать отца от его детей? — Не найдя салфеток, Лора пошла в ванную и развернула букет туалетной бумаги. — На самом деле, мама, если все, что требовалось для его ухода, это чтобы ты высказалась в сердцах, он не любил нас

— Он любил тебя, — настаивала мама.

Лора наклонилась и, глядя маме в глаза, сказала.

— Нет. Он не любил ни Руби. ни меня. Он никогда не любил. Ты любила нас за двоих. И точка.

Мама покачала головой и посмотрела на свою смятую туалетную бумагу.

— Ты не права.

— Я много ошибаюсь. Но я знаю, каково это быть любимой, и я знаю, кто меня любит.

Мама покачала головой, шмыгнула носом и взяла себя в руки.

— Я не могу указывать тебе во что верить, Лора. Когда вы будешь готова услышать правду, я буду здесь, чтобы рассказать тебе.

— Мама..

— Пойдем спать. — Мама обняла Лору, поцеловала ее в лоб и выскользнула за дверь. После того как дверь закрылась, в комнате воцарилась мертвая тишина.

Лора снова жутко захотелось поехать в лофт Джереми и лечь в постель рядом с ним. Если бы её хватило сил встать с постели и одеться, она бы проснулась рядом с ним, ощущая взгляд его карих глаз.

Глава 5

С тех пор как Лоре напомнили о пяти забытых годах жизни, её стали посещать расплывчатые воспоминания, как будто кто — то позади нее держал пульт от телевизора и включал шоу на середине эфира. Ей не всегда удавалось уловить больше, чем голос или цветной образ. Волосы на лице папы. Он стоит рядом с мамой, сушит посуду, которую мыл. Кто — то гладит ее по голове, пока она смотрела телевизор. Иногда Лора обнаруживала, что предметы терялись в памяти, как не до конца созревшие плоды, сформировавшиеся и яркие, но не пригодные в пищу, как будто кто — то потряс дерево и уронил их к её ногам.

Воспоминания о бусинах были совершенно другими. Когда Лора разрезала шов на куртке «Syracuse», задев нитку и разбрызгав бусины по полу, пульт переключился и у нее перед глазами возник мамин стол в съемной квартире. Лора держит тарелку с бисером в левой руке и иглу в правой. Видение началось, как другие разбуженные воспоминаая, накатывая, словно брызги убегающей волны на ее лодыжках. Остальные воспоминания ушли в море. Но сейчас вода становилась все выше и ярче от запаха чего — то, что готовила мама,

и вот Лора нанизывает шарики, шафрановые, апельсиновые, маленькими как у куклы пальцами. Мама сидела напротив нее, молниеносно пронизывая нить и откладывая в сторону ряды оранжевых кристаллов, которые нужно пришить к платью. Нить, нить, нить. Бусинка, бусинка, бусинка. Прилив воспоминаний пришел с запахом посуды в забитой раковине и звуком открывающейся двери, когда папа, наконец, вернулся домой, и Лора захлебывалась от счастья и любви, нанизав хотя бы пять, шесть, семь оранжевых бусинок.

— Ой! — Келли отскочила, схватившись за плечо.

— Лора! — крикнула Руби.

— Мне так жаль! — Лора почувствовала себя ужасно. Уколола идеально подходящую модель, и та теперь пожимала свою руку. Она никого никогда не колола во время примерок. — Ты в порядке?

Келли сняла пиджак «White Plains». Укол не кровоточил.

— Можете колоть следующую модель сколько хотите. — Она посмотрела на Лору огромными глазами. Келли была не жирафом как большинство, а стройной моделью с эталонными параметрами. Она упорно трудилась, чтобы сохранить это состояние, часами стояла на высоких каблуках, улыбаясь людям, разрезающим и прикалывающим на ней одежду, и сохраняла фантастическое отношение, и в то же время изучала бухгалтерский учет.

— У нас нет следующей модели, Келли. Хватит беспокоиться о сканировании.

— Это просто ... я плачу за курсы, и если мне не заплатят... — Она снова подошла, и надела куртку. На следующий день у нее была назначена встреча для замеров параметров тела лазерами. Компьютер измерял ее размеры, а фабрика лекал использовала компьютерную модель, чтобы создать идеальный манекен для идеальных изделий. На бедре у этой компьютерной модели будет выбито «Джереми Сент — Джеймс, Инк», а ниже под этой надписью ее имя «КЕЛЛИ». Она будет вечно юная, с эксклюзивными размерами и лекалами. Сканирование вселяло ужас в юных моделей с хорошей подготовкой. Опытные — просто брали дополнительную плату и убегали.

— Это только для китайского офиса, — сказала Лора.

— У нас такие были «Т&С», — добавила Руби. — А все равно нам приходилось дважды в год летать туда с моделями, так что даже не беспокойся.

Келли успокоилась, и Лора без всяких происшествий доколола окат рукава.

— Хорошо, — сказала Лора. — Можешь надеть шорты «Baltimore»? И я оставлю твои плечи в покое на несколько минут.

Келли ушла в раздевалку. Лора вручила Хайди пиджак и отправила обратно к столу.

— Что, черт возьми, с тобой? — спросила Руби. — Ты опоздала, выглядишь так, словно тебя кто — то переехал, а теперь ты тыкаешь булавки в Келли.

— Это платье меня беспокоит.

— О, это платье, а? — Руби скрестила руки. — Просто признайся, что хочешь увидеть папу.

— Нет, не знаю. Он бросил маму ради какого — то рыжеволосого парня по имени Сэмюэль из Брунико. Папу, вероятно, бросили или депортировали, и теперь угадай что? Он вернулся. Невероятно паршиво.

— Рыжий, а?

— Симпатичный тоже. Не офигительный, но сойдет. Курильщик. — Она сморщила нос.

Келли вышла в шортах «Балтимор», дергая их за талию и промежность, и Лора на

минуту забыла о папе, подшивая неподшитое и подгоняя неподходящее.

***

Лора кинула вещи на стол и вздохнула.

ДжерEMI что — то стучал на клавиатуре своего компьютера.

— Где ты будешь жить, пока меня не будет? — спросил он, все еще продолжая щелкать по клавиатуре.

— Дома?

— У тебя будет много работы. Будет тяжело ездить туда — сюда.

— Я не могу сейчас заниматься поиском жилья, Джей — Джей.

Раздался звон металла, и она поймала ключи в воздухе. Это были два новых серебристых ключа от дома, от его дома.

— Только не отключай систему очистки воздуха, — сказал он.

— ДжерEMI?

— Да?

— Разве мы не спешим с этим?

— А у нас график? Ничего не видел в календаре.

Это был уже второй раз, когда она посчитала, что они торопятся. Первый был около шести недель назад, в день ее рождения, о котором она не особо распространялась и даже никому не говорила. В одиннадцать часов, когда они пошли на ужин после работы, ей показалось, что все пройдет по — тихому. Еще один час, и день рождения минует.

Но как только официант ушел с их заказом, ДжерEMI положил маленькую коробочку на стол и подтолкнул ее к ней.

— С Днем Рождения!

— Кто сказал тебе?

— Ты, около трех лет назад. Я никогда не забывал ничего, что ты рассказывала мне о себе.

— Это маленькая голубая коробочка.

— Да, совершенно верно.

Лора уставилось в его усталое к концу дня лицо. Они оба устали от тяжелой телефонной конференции с офисом в Гонконге по поводу правил обучения и подбора персонала.

— ДжерEMI, я ничего не сказала о своем дне рождения, потому что знала, что ты попытаешься сделать какой — нибудь грандиозный жест, а для мелочей с 57-улицы еще слишком рано.

Он наклонился вперед, и вдруг стол показался слишком большим, потому что она никак не могла дотянуться до его губ своими.

— Если у нас есть какое — то расписание, — сказал он, — ты должна занести его в электронную таблицу и согласовать со мной.

— А ты не боишься отпугнуть меня?

Он задумался на секунду, затем положил руку на коробочку.

— Ты права. Я подарю тебе шарф.

Он потащил коробочку обратно к себе, и Лора ничего не смогла со своей реакцией. Ее рука метнулась вперед и перехватила его руку.

— У меня уже есть шарф, — сказала Лора, аккуратно сняв его руку с коробочки и притянув её к себе. Она лежала перед ней, как закуска. Лора расплылась в улыбке, — в

конце концов она была просто человеком. Лора развязала белую ленточку и открыла бархатную коробочку. Внутри сверкала пара бриллиантовых сережек.

— Ой.

— Да?

— Я должна сказать тебе, что еще рано для таких подарков, и ты должен забрать их обратно.

— Ладно.

— Но я хочу их.

Его смех разрезал воздух. Лора вынула серьги из маленьких прорезей на подушке. Джереми протянул руку и помог ей продеть их в уши, и откинулся назад, чтобы оценить, как серьги смотрятся на ней. Одобрительно хмыкнул. Она дотрагивалась до них всю ночь, проверяя на месте ли они. Ей нравился их вес, твердость и ощущение полета в груди, сделавшим ее обычный день рождения чуточку лучше. Серьги были нелепые и непрактичные, но заставляли ее чувствовать себя любимой и под защитой.

Хотя опасения по поводу скорости их сближения были схожими, когда он бросил ей свои ключи, его деловой настрой, сопровождавший бросок ключа, отличал их.

Джереми оторвал глаза от работы.

— Тебе будет легче справиться со всем, если будешь жить рядом. Половина твоего гардероба и так там. — Он откинулся на спинку стула. — Делай что хочешь. Если сможешь справиться со всем, тратя время на поездку, справляйся. Но у тебя есть выбор.

Она щелкнула ключами, чувствуя, как они царапаются друг о друга. Да, его слова были правильными, логичными. Лора вытащила из сумки свою связку ключей, которая, казалось, с каждым месяцем становилась все больше. Она надела его ключи на другое кольцо с ее ключами, рядом с розовой кроличьей лапкой, которую Лора где — то откопала.

— Я читала, что сегодня они снова выставляют шафрановое платье. «DressedForInfamy» снова открывается.

— Могу ли я поделиться с тобой секретом?

— Каким — то другим? Пожалуйста.

— Это платье жуткая подделка.

Она не была удивлена, что Джереми смог разглядеть подделку. Во — первых, он потратил годы на подделку собственной одежды, и, во — вторых, у него был невероятно острый глаз. Что ее удивило, так это то, что Бернард Нестор этого не видел. Или он сказал, что не видел и защищал свою репутацию, свой источник или людей, которые украли настоящее платье.

***

Остаток дня Лора провела, помогая большей части компании готовится к поездке. Столы были очищены, решения приняты, а комментарии и пожелания по исправлению готовых образцов отправлены в Китай, чтобы к прилету все дополнительные изменения были внесены. Она чувствовала себя белкой в колесе. Но в семь тридцать большая часть команды, включая Руби, собрала свои вещи и снаряжение, погрузилась в лимузин и уехала в аэропорт Кеннеди. Лора и Джереми взяли такси.

— Позвонишь мне, если почувствуешь себя перегруженной? — спросил он, пока шины автомобиля объезжали каждую кочку на Бруклинском мосту.

— Конечно. Ты взял достаточно лекарства?

— Более чем достаточно. У нас поставки в Лонг — Бич. Таможня будет проверять все, потому что это наши первые большие поставки из Азии. За Сороковой улицей нужен глаз да глаз. Я и не понимал, насколько они проседают.

Джереми не посещал фабрику регулярно в течение многих лет, потому что микрочастицы волокна и пыль усиливали его муковисцидоз. Чтобы пробыть там, хотя бы пару часов ему требовалась маска. Первое, что Лора сделала в качестве его партнера — пригласила команду, чтобы очистить каждый угол и каждую поверхность. Петли, покрытые старыми шерстяными волокнами, были заменены. Машины были очищены и смазаны. Светильники с мертвыми мошками на стекле были заменены новыми, вентиляционные отверстия были модернизированы, и был составлен профессиональный протокол, чтобы сохранить здание безупречно чистым. Так что Джереми мог пойти на 40-ю улицу и командовать, сколько хотел, столько, сколько ему было нужно.

— Ты поставил на телефон напоминлаку о физиотерапии?

— Ты меняешь тему.

— Я буду в порядке. У нас запланирована конференция каждый вечер. Верь в меня хотя бы немного.

— Я верю в тебя. Но поддельное платье — вот о чем я беспокоюсь.

— Ты бы уже об этом заткнулся? — Лора ласково толкнула его локтем. Каким бы раздражающим Джереми ни был, ей нравилось, что он знал ее недостатки.

— Я хочу, чтобы ты полетела со мной в следующий раз. Пока сама не увидишь, не поймешь.

Лора отвела взгляд. Она была в ужасе от Азии. Это была просто большое цветное пятно на карте. Совершенно другой мир. Другой язык. Другая культура. Ей казалось, что законы физики как — то там не применяются. И тот факт, что ее страхи были необоснованными, не делал их менее реальными.

— Я не могу оставить «Портняжек», — сказала она.

Они подъехали к терминалу.

— Руби захочет пойти дальше, — сказал Джереми. — И «Портняжкам» понадобится, чтобы ты развивалась.

— Я не хочу быть вдали от тебя.

Он покачал головой.

— Ты лжешь мне или себе.

Лора уже собралась на него рассердиться, но Джереми поцеловал ее на прощание, и она впала в ступор. Ведь он только уезжал, а она уже по нему скучала.

Девушка смотрела, как он шел через вращающиеся двери. Ей нравилось видеть, как он ходит, бессознательно воплощая благородство. Джереми посмотрел на часы, один раз оглянулся, помахал рукой и исчез.

— Куда едем? — спросил таксист.

Она дотронулась до ключей Джереми в своем кармане. — Северный Четвертый и Бедфорд.

— Уильямсбург? — спросил таксист. — Бруклин?

— Да, пожалуйста.

***

Кот из дома — мыши в пляс.

Но это вовсе не означало, что Лора собиралась встречаться с кем — то еще, кроме Джереми. И так это также не означало, что она собиралась ударяться во флирт и пьяные распутство. Ее ночи стали свободнее и Лора намеревалась насладиться ими по полной программе, пока другие удовольствия не возвратятся через десять дней.

Стью, полностью ушел с велодоставки, посвятив все время журналистике. Казалось, он лучше всех воспринял эту временную Лорину свободу. Их короткая попытка романа, похороненная благодаря ее рабочему графику и его переезду к богатой наследнице по имени Тофу, оставила их отношения в подвешенном состоянии, и Лора была готова закрыть эту тему в свете того, что теперь у нее был Джереми.

Итак, в первый же вечер командировки Джереми, еще сидящего в самолете, Лора встретила со Стью в «Бинге», самом аскетичном баре в Уильямсбурге, в меню которого было три напитка и мало визуальных эффектов, кроме мягкого, постоянно меняющегося освещения.

— Шелдон Померанц все отрицал, — сказал он. — Пока не получил повестку в суд. А государство не отцепится от него. Его клиенты сплываются вокруг него. Кстати, твой приятель Барри Тилден все еще его компаньон.

После того, как Лора, она же «Длинный язык», на встрече с Шелдоном описала проблему Барри Тилдена с некой пьяной моделью, тот решил помочь дизайнеру. И помог со многим. Компаньонами они стали еще задолго до того, как Андре, убийца Грейси, был привлечен к суду.

К несчастью для Барри, Стью опубликовал статью в «Нью — Йоркер» о расследовании убийства Грейси Лорой, и тема пьесы сменилась. История была не столько об убийстве, сколько о теневых отношениях Шелдона и Грейси с чиновниками из профсоюза работников швейной промышленности. Джереми был рад, что эта история приобрела более криминальный и менее развратный характер, и больше не была сосредоточена на девятилетнем романе Джереми с Грейси.

— Ну, конечно, он это отрицает, — сказала Лора, допивая свой первый джин с чем — то. — А что он, по — твоему, должен был делать? Размахивать руками и кричать: «Сотни рабочих были уволены из — за меня! Юху!». Ты наивен как ребенок.

— Честность. Это все, чего я хочу.

— Удачи с этим.

— Руби рассказала мне о письмах твоего отца. Лала. Мило.

Лора усмехнулась.

— Мило, черт подери. Чем больше я узнаю о нем, тем больше злюсь. То, как он оставил маму. Они были друзьями, и он просто свалил. Черт, даже если она всего лишь какой — то друг, с которым ты жил годами и заводил детей, ты не можешь просто свалить к своему новому любовнику. — Она остановила бармена, молодую девушку в джинсах с заниженной талией и топике с плоским животом и крутыми изгибами.

— Еще джина, — сказала Лора. — Просто джина. Лед. Лайм.

Крутые Изгибы кивнули, стрельнув глазами на Стью.

— Мне тоже, — сказал он, перебросившись с официанткой жарким взглядом, полным обещаний и горячего секса.

— Мне уйти? — спросила Лора, когда Изгибы оказалась за пределами слышимости.

За последние месяцы Стью превратился в настоящего плейбоя. Руби приписывала к расставанию с Лорой. Лора — расставанию с Тофу. Стью же называл это новой реализацией

жизненных возможностей.

— Ни за что, — возразил Стью. — Ты сейчас самый ценный материал.

— Мне нравится наблюдать, как ты работаешь.

— Скажи мне, когда будешь готова поучаствовать.

— Хорошо. — На секунду Лора запнулась. Она не собиралась бросать Джереми ради Стью или кого — либо еще.

Стью нарушил тишину:

— Я собираюсь написать о Томасине Вент.

— О Боже! Только не еще одно интервью. — Лора засмеялась, джин взял над ней верх.

— Ты можешь отказаться.

Она дурашливо стукнулась головой о столешницу.

— Как я могу отказаться? Что если ты напишешь неправду, если я ничего тебе не расскажу?

— Этого никогда не случится. — С улыбкой сказал парень.

Свет изменил его волосы на теплый рыжий цвет, который что — то напоминал Лоре.

— Мой папа ушел к парню, который был похож на тебя. Худой, но с рыжими волосами.

— Он был из далекого Среднего Запада?

— Из Брунико.

— Ты шутишь?! Никто из Брунико, кроме принцессы Филомены и Сэмуэла Инвея не бывал у нас.

— Самуэла что?

— Инвея. Певца? — Стью мотнул рукой, как будто ожидая, что Лора вот — вот вспомнит это имя, но Лора никогда даже не слышала об этом парне. — Лора, ты серьезно?

— Это он. Хотя... может, просто, имена похожи. — Лора наклонилась вперед, положив руку ему на колено. Джин действительно ударил ей в голову.

— А мое интервью? — Стью спросил.

— Расскажите мне все. — Лора хихикнула, но в этот момент она бы хихикнула на что угодно.

Стью быстро нацарапал свой номер на листе бумаги и насадил его на насадку для чеков. Затем они прошли квартал до кофейни, где он накачал ее кофеином и печеньем, если не до трезвости, то до той кондиции, когда мир не кружится веселой каруселью. Лора заканчивала вторую чашку, когда поняла, что журналист уже на полную катушку записывает ее разговор с Бернардом Нестором, и ей нужно быть достаточно трезвой, чтобы Стью получил как можно точный и правдивый пересказ событий.

— Кто —нибудь когда —нибудь говорил тебе, что ты бессердечный? — спросила Лора.

— Я бессердечный борец за правду. Это так. Значит, твоя мама считает, что это подделка, а где тогда настоящее платье?

— Мы говорили о Сэмуэле Инвей, — сказала Лора, достаточно проснувшись, чтобы напомнить Стью о его обещании. — Народный певец. Гитарист. Когда ты сказал, он закончил?

— Он никогда не заканчивал — сказал Стью. — Он выпустил один альбом двадцать лет назад. Записал его на «DelancyStreet». Известнейший андеграундный хит. С тех пор ничего. Исчез со всех радаров.

— Он исчез на крошечный остров недалеко от Аргентины с моим отцом.

— Это не причина прекращать заниматься музыкой. Ну, это же Брунико. Содом в Атлантике. Остров беззакония. Для создания музыки секс практически основной требование.

— Это не повод оставлять своих дочерей в нищете. — Она отодвинула печенью. — Одолжишь мне альбом, который он записал?

— Существует около семидесяти экземпляров. На кого я, по — твоему, похож?

— На безжалостного борца за правду. А еще, потому что я расскажу тебе о чертовом поддельном платье, а так же о моем отце и Самуэле Инвее... — Лора сжала пальцы. — Клянусь. Всем, что у меня есть и беру Господа в свидетели.

— Ты не веришь в Бога.

— Ты достанешь мне этот альбом или нет? Потому что я все еще общаюсь с Роско Кнуттом.

— История только моя?

— Всецело.

Они ударили по рукам.

Глава 6

Лора осталась ночевать на 24-й улице, скорее из любопытства, чем по какой — то другой причине. С одной стороны, было ли это странно? Ответ: да, потому что Джереми там не было, и любопытство исследовать не свои ящики и шкафы, могло взять верх. Но наличие рядом его вещей, было своего рода утешением. Будет ли она скучать по Джереми сильнее? Ответ: нет. Она не чувствовала, что тоскует по его запаху, звуку его голоса или его прикосновениям сильнее чем обычно. Проще ли добираться до работы? Ответ: полное и безоговорочное «да».

Ночевка в лофте, однако, ничем ее похмелью не помогла. Пульсирующая за глазами боль была подавлена стаканом воды, двумя шипучими анальгетиками и горячим душем. Лора приступила к работе и поняла, что проблемы начались задолго до того как она села за свой стол.

Рене протянула ей список отсутствующих на сегодня. Имена составляли треть офиса.

Затем Хайди подошла к ней в холле.

— Это застряло на таможне, — сказала она, протягивая образец блузы «Карен».

Как только Лора отогнула горловину, поняла почему. Страна происхождения должна совпадать, иначе таможня не пропустит товар.

— Что в накладной на материалы?

Хайди покраснела. В накладной прописывалась стоимость, размещение и цвет каждой ткани, нитки, отделки, этикетки, булавки, коробки и полиэтиленового пакета. Если что — то было не так, например, на этикетке должно быть написано «Сделано в Китае», то летели головы.

— Извините, — пролепетала Хайди.

— Черт возьми, — воскликнула Лора. — Разве «NewSunny» уже не знают, куда складывать это дерьмо?

По дороге к офису Лору перехватила Венди. Во время отпуска по беременности и родам Йони позвала Венди к себе на замену, но та оказалась мертвым грузом с накрученными волосами и парфюмом с запахом лимонной полироли для мебели.

— О блузе «Карен», — начала Венди. — Я могу получить этикетки, пришитые на складе. Пятьдесят центов каждый. Но у нас нет с надписью «Сделано в Китае» на нашем складе в США. Китай может отправить этикетки, но пока будем их ждать, просрочим сроки доставки, и логисты не смогут их изменить.

Лора закрыла голову руками и потерла глаза. Похмелье проникало сквозь ноздри запахом ферментированных ягод можжевельника.

Венди съязвила:

— Вот что происходит, когда нанимаешь шлюх, которых кто — то нашел в подвале.

— Это совершенно неуместно.

Венди пожала плечами. Она была чрезмерно уверена для временного работника, и это очень беспокоило Лору. Венди либо где — то обнаружила трещину, либо намеревалась расшатать весь бизнес.

— И как много этикеток? — спросила Лора. Приблизительное число она знала, но точность не помешала бы.

Венди проверила электронную таблицу.

— Семьсот пятьдесят. — Отрапортовала она, опираясь на одну ногу, как будто и не собиралась предлагать решения или помогать с проблемой.

Семьсот пятьдесят этикеток — это пустяковая цифра для «Tollridge&Cherry» или «Wal — Mart», но для Джереми она было огромной, а блузка «Карен» была из премиальной коллекции. Изготовление прилично выглядящих тканых этикеток заняло бы две недели, а то и больше. Печатные этикетки сделали бы за двадцать четыре часа и выглядели бы они ужасно.

— Напишите мне адрес доставки, а я пришлю этикетки.

— Как?

Лора не хотела что — то объяснять, во многом потому что, сама не до конца была уверена, что собирается делать.

— Что — то еще?

— Кто — то вошел в систему и изменил инструкции по уходу за брюками «Тэмми» на «ручная стирка». Но они шелковые, поэтому я вернула их в режим «только химчистка».

Лора никогда не хотела задушить кого — либо так сильно, как сейчас Венди. Она мысленно считала месяцы до возвращения Йони.

— Это я поменяла. У брюк «Тэмми» есть акриловые бусинки на кармане, которые разъедаются от средств химической чистки. Поэтому возвращайся к своему столу и убедись, что в инструкциях написано «ручная стирка». Спасибо. Не забудь отправить мне электронное письмо с этикеткой.

Венди вышла из комнаты. Как только девушка повернула за угол, Лора взяла трубку и набрала номер Барри.

— Дорогая, он оставил тебя там одну?

Лора улыбнулась.

— Барри, мне нужно, чтобы ты спас мою задницу.

— Ты будешь мне должна.

— Конечно. Мне нужно семьсот пятьдесят тканых этикеток страны происхождения. Китай. Белое на черном, если они у вас есть. — Говорила Лора, просматривая двадцать три чрезвычайных ситуации в своем почтовом ящике.

— Это они? — спросил Барри.

— Да.

— Мне приказано вытащить тебя хотя бы на один вечер на этой неделе. Давай сегодня?

— Спасибо, Барри. В самом деле. Ты спас нас.

— Я переведу тебя на Тиму. Она достанет тебе ярлыки. И заберу тебя в десять или около того. Готовь свой кошелек.

Она повесила трубку и вздохнула с облегчением.

Трейси просунула голову в дверь:

— Ты здесь?

— Да.

— Получила письмо? От Китти из «NewSunny»? Ей нужен ответ прямо сейчас, и коробки с молниями доставили сюда, а не на 40-ю улицу? И еще это. — Трейси протянула ей стопку толстых конвертов.

Согласования. Ее расписание на день было полностью забито и легче не становилось. Она глубоко вздохнула, а когда выдохнула, было восемь часов. И она понятия не имела, что случилось.

Нет, все время что — то происходило, но ничего не менялось.

***

Дин пальцами откинул волосы назад. Его волосы были выгоревшими на солнце даже у корней, ведь он сутки проводил на Лагуна — бич. Зимой он жил в Южной Калифорнии и учил детей с умственными отклонениями серфингу. В первый раз, когда Лора встретила парня Барри, она услышала истории о детях, страдающих аутизмом, с которыми никто не мог справиться, терпеливо ожидающих часами нужную волну, или о тяжелых случаях синдрома дефицита внимания и гиперреактивности, которые, встав на доску, демонстрировали чудеса концентрации.

Однако сейчас Дин чувствовал себя не в своей тарелке. Лаура ссутулилась вместе с ним в глубине кабинки, и они оба захихикали. Трансвестит на сцене был в полном беспорядке, причем намеренно — помада размазана, платье сбилось набок и ревуший голос выводил о своем мужчине, сделавшем ей больно. Но не шоу было причиной смеха. Это был Барри, который прислонился к стойке в своей униформе: чинос и белая рубашка поло, с совершенно растрепанными волосами и постоянной улыбкой. Он был прямой противоположностью властному и холодному Джереми и привлекал мужчин как мух.

— Только посмотри на этого, — прошептал Дин, имея в виду мужчину, пытающегося пофлиртовать с Барри. — У чувака шикарное наращивание.

— Думаю, это его настоящие волосы.

— Иди, пощупай их.

— Нет! Ты иди.

— Только бы женщина захотела такого.

Она толкнула его локтем, и он засмеялся. Когда трансвестит закончил выступать, Лора взорвалась аплодисментами. Она устала от стресса и тревоги. Она устала беспокоиться о своей семье, парне и бизнесе. Она хотела быть именно там, где была, хотела делать то, что делала: гулять и веселиться.

Барри вернулся с напитками, и хотя Лора старалась оставаться достаточно трезвой, чтобы избежать похмелья, снова схватилась за джин.

— Ты видел, как привозили шафрановое платье? — Спросила она.

Барри присутствовал на установке. Он опоздал, потому что ему пришлось бежать домой и переодеваться.

— Оно приехало на бронированном грузовике. Или нет. Синее платье со спермой «Т&С» появилось на бронированном грузовике. Да, точно. Шафрановое платье пришло в белом грузовике, как обычно. — Барри махнул рукой и полез в карман. У него была репутация неистового дизайнера, капризного работодателя и веселого прожигателя жизни.

— В фирменном грузовике? — спросила она.

Дин растянулся на мягкой скамье, ладонями вверх, высунув язык:

— Мне уже так скучно.

— Кто обращает на это внимание? — ответил Барри, лаская ногу Дина.

— А что ты думаешь об этом платье? — Спросила Лора. — Настоящее или подделка?

— По мне, выглядит неплохо.

— Неплохо? — Все еще было странно спрашивать Барри. Он был ее старшим научным руководителем в Парсонсе, и привычка относится к нему с почтением никуда не делось.

— Дин, милый, — сказал Барри, — поменяйся со мной.

Дин закатил глаза и встал. Барри плюхнулся на подушки рядом с ней в таком расслабленном положении, что она подумала, что сейчас он уснет. Дин клюнул Барри в губы, затем подошел к бару и начал флиртовать с парнем с заплетенными волосами.

— Он такой офигенный, да? — спросил Барри, глядя, как Дин уходит.

— Не в моем вкусе.

— Да, — сказал Барри. — Давайте поговорим об этом. Твой вкус. Давно хотел выяснить это. — Он посмотрел на нее, словно проверял реакцию. — Как называется, когда у тебя есть две одинаковые вещи, но одна из них не нужна?

— Избыток?

— Да. Вы и Джереми избыточны. В рабочем смысле. У вас одинаковые навыки. Если что — то происходит, ты или Джереми можете это решить. Кто именно из вас — не имеет значения. Но есть слишком много вещей, которые ни один из вас не может сделать.

— Что именно?

— Не заводись, дорогая. Но ты же знаешь, что у вас нет предпринимательской жилки. Вы кидаете краски на стены и смотрите, как она ляжет. Ни один из вас не сможет стать хорошим продавцом. Ты такой и в Парсонсе была. Ты гений в изготовлении одежды и в творческом плане. Прости, дорогая. «Портняжки» симпатичны, но от их продаж ты никогда не купишь себе пентхаус на 5-ой Авеню. А изделия Джереми уже устарели. — Должно быть, он заметил, как Лора нахмурилась. — Не смотри на меня так. Я сказал ему это в лицо. Он расширяется слишком быстро и теряет смысл своих коллекций. — Он подсел ближе, как будто хотел поведать тайну. — Но сейчас не об этом. Посмотри, ты просто собираешься растратить всю себя на эту работу? Ты знаешь все, чему он мог тебя научить. Ты чисто нью-йоркский портной. Вы оба. Как две горошины в стручке. Ты знаешь изнутри производство, которое, если ты не заметила, доживает свое. И твои навыки никогда не будут так полезны, как могли бы, если бы ты работала на меня.

— Ах! Мы наконец — то добрались до сути дела. Тебе не кажется, что эта шутка зашла слишком далеко, Барри.

— Нет. Без шуток.

— Как ты думаешь, что бы почувствовал Джереми, если бы знал, что мы ведем этот

разговор?

— Это бизнес, дорогая. На твоём мужчине бизнес не заканчивается. Итак... — Она вынул телефон из кармана и набрал несколько цифр. — Я имею в виду это. Ты заставляешь придумывать моих дизайнеров придумывать то, что действительно нужно, а не просто красивые картинки. Ездишь со мной, учишься на моих фабриках в Азии и Восточной Европе, как налаживать чертову швейную линию. Показываешь им, как изготавливать выкройки и делать то, что умеешь делать. Ты будешь вице — президентом по дизайну, производству, технике. По контракту. Два года, но возможно продление, и оно, скорее всего, случится. Это за год.

Он показал ей цифру на своем телефоне, но она не смотрела. Она смотрела только в эти голубые глаза, когда свет приглушили, и на сцену вышел другой исполнитель.

— Я зарабатываю больше денег, чем мне нужно, — сказала она.

— Вам может понадобиться намного больше.

Она посмотрела на цифры и вдруг стала очень, очень трезвой.

Лора уставилась на потолок в спальне Джереми. Она могла позвонить Джереми, но у него сейчас была разгар рабочего дня, а она пообещала себе, что не будет беспокоить. У них была назначена конференц — связь на следующий вечер. По почте она отправила ему кучу писем, но все по работе. Еще она прислала короткое сообщение о его карих глазах, но не ждала ответа до утра.

Он все еще работал в офисе. На крупные руководящие посты назначения уже были сделаны, но потребуется еще несколько недель для просмотра резюме, и у него на сегодня было назначено три собеседования с конструкторами выкроек, тремя специалистами по раскрою и менеджером по производству. Затем он, должно быть, отправился на фабрику «NewSunny» проконтролировать все исправления, раздать указания и — да, любимая вещь Руби — показать власть. Просто показать власть. Она улыбнулась в подушку. Это было настолько детским, точным и необходимым желанием сейчас для нее. Потому что она знала, что это было одной из тех вещей, которые заставляли ее чувствовать себя в безопасности рядом с ним, когда беспокойство, которое преследовало ее в течение многих лет, перестало стягивать ее грудь. Она давила на нее столько, сколько она помнила, возможно, с того дня, когда ушел ее отец, настоящего дня, а не придуманного. Возможно, она родилась в состоянии постоянного беспокойства. Но не с Джереми. Подобно отключению двигателя или выключению кондиционера, чувство прекратилось, оставив только покой. Она прислушалась к этому чувству безопасности, успокоив стук в грудной клетке, и, наконец, уснула.

Глава 7

Лора не умела плавать. Не сделала ни одного гребка за всю свою жизнь. Когда они с Руби были детьми, мама водила их на Манхэттен — Бич, и вода приводила Лору в ужас. Руби так плескалась, что однажды потеряла плавки в море, но Лоре хватало игры на песке. Однажды мама подкупила ее яблочными конфетами, сказав, что даст их, если Лора нырнет. Чувство надвигающейся гибели, коснувшееся каждого сантиметра ее кожи, вызвало у нее приступ паники, и она вышла, съела леденец и поклялась никогда не возвращаться. Но Лора могла находиться в воде. Ненавидела это, но могла.

Именно такое чувство Лора испытала на следующий день в офисе. Она держала голову

над водой, принимала решения и инструктировала свой персонал, что делать и в каком порядке. Она провела полдня на 40-й улице, переставляя швейные машины и чистя канализацию, чтобы освободить место для коллекции жилетов Джереми, заказанных в последний момент. Притащила с собой помощников по дизайну, чтобы научить их проектировать коллекции, а у нее случилась паническая атака из — за туалета, забитого шерстяными волокнами.

А потом наступило семь часов.

Она выскочила, едва попросившись, и побежала обратно на 38-ю улицу.

***

Джереми уже был на экране видеоконференции в их офисе, позади него виднелся интерьер гостиничного номера. Когда Лора, задыхаясь и пыхтя, вбежала в комнату, онпил горсть таблеток. У него было только еще 7:10 утра следующего дня.

— Полегче, тигр, — сказал он.

— Я боялась соскучиться по тебе. Ходила на 40-ю, а на пятом этаже еще не сделали складские помещения...

— Дыши.

— У тебя огромная голова.

— Я слышал это раньше.

— Я имею в виду, что экран такой большой.

Он отодвинул свой стул.

— Лучше?

— Конечно.

— У меня около четырехсот писем, похоже, ты обо всем позаботилась. Что будешь делать с Хайди?

— Если мы уволим ее, ее отправят обратно в Румынию.

— И?

— И...нет.

— Посади ее на стойку регистрации.

— Может, прекратишь? Она в порядке. Это была просто ошибка.

— Серия ошибок. Это была не единственная этикетка происхождения на боковом шве.

Она скрестила руки. Он скрестил руки. Некоторое время они просто уставились друг на друга, разделенные несколькими тысячами миль. Затем она улыбнулась. И он улыбнулся.

Джереми нарушил молчание:

— Если ты спасаешь чью — то жизнь, то несешь за это ответственность.

— По рукам.

— Ты ночевала у меня?

— Да. Размышляла обо всех твоих вещах. У тебя есть какие —нибудь секреты, о которых ты хочешь рассказать мне, прежде чем я найду их в ящиках?

— Я не храню их в ящиках. — Выражение лица при этом было многообещающим. — Платье? Есть что —нибудь, о чем мне следует знать?

— Ничего.

— В самом деле?

Она пожала плечами.

— Все сложно. А у меня действительно мало информации.

Он наклонился вперед, оперся локтем о стол и подпер щекой ладонь.

— В офисе я должен быть не раньше девяти, так что валяй.

Она села на стол, так что тоже заняла весь экран.

— Я встречалась со Стью и ...

— А ты не теряла время.

Она проигнорировала его замечание.

— Помнишь парня, с которым сбежал папа? Его звали Сэмюэль Инвей. Он был певцом из Брунико. Он записал альбом за тот месяц, пока был здесь в составе свиты. В Интернете мало что можно найти, но Стью достанет мне пластинку.

— И ты расскажешь ему историю.

— Какой ты проникательный!

— Вот что мне в тебе нравится, так это вера добросердечность людей... и определенно то, что у тебя в голове.

— А мое тело?

— Шея и прочие другие части. И, кстати, скучаю по ним.

— Они отзывают о тебе с большой любовью.

— Правда? Но этого недостаточно, чтобы заставить меня опоздать.

— Вчера вечером я видела Барри и Дина. Они передают привет. Но Барри сказал мне что не видел, как разгружали платье, пока был на подготовке выставки. Знаешь, как будто он отвернулся на минутку, а оно уже стояло на постаменте. Говорит, что его привезли в простом белом грузовике. Так что, в любом случае, также ... Я собиралась тебе кое — что сказать, но я не хочу, чтобы ты злился. — Она запнулась.

Он по — прежнему опирался на стол с располагающей улыбкой, этакий утренний Джереми, каким она видела его в течение пяти лет в первые несколько часов дня, прежде чем он напускал на себя властный вид. Лора глубоко вздохнула и выдала:

— Он предложил мне работу.

— Он всегда предлагает тебе работу. Он меня так дразнит.

— Он озвучил сумму.

Джереми поднял голову.

— Сколько?

— Много. И двухлетний контракт. — Ее руки похолодели, как и лицо Джереми тоже стало холодным. Секунду назад его поза оставалась расслабленной и умиротворенной, а сейчас он выглядел так, как будто хотел что — то сломать. — Видишь? Ты злишься.

Он закрыл лицо руками и потер глаза. Ему не нужно было говорить ни слова. Ее откровение было равносильно словам, что его лучший друг залез ей под юбку.

— Джереми?

— Скажи мне, что ты пошутила. — Его голос был приглушен из — за рук.

Она решила, что с таким же успехом могла бы рассказать ему обо всем, не только о руке под юбкой, но и о нежных ласках и шепчущих обещаниях.

— Он говорит, что я уже знаю все, чему могла научиться здесь, и нам с тобой не по пути, с чем я в корне не согласна. Но он предложил мне должность управляющего всего дизайнерского отдела его производства, управление лучшими из лучших, и налаживание производства на всех его зарубежных объектах. Но я не сильно люблю путешествовать, поэтому не знаю, о чем он думает.

Джереми убрал руки. Его глаза покраснели от пальцев.

— Он прав, переманивая тебя. Ты хочешь создавать продукцию на местном

производстве, а по всей стране таких осталось не больше семнадцати. — Он потер мозоль на указательном пальце — признак того, что он очень расстроен.

— Я не могу покинуть «Портняжек» и бегать по всему миру, настраивая модульные системы.

— Милая, я действительно не могу говорить.

— Я не приму его предложение.

— Не в этом дело. Я должен идти.

Они попрощались так же ласково, как и всегда, но эмоционально он был далек. По меньшей мере, его чувства были задеты. В какой — то момент посреди ночи ей пришла в голову мысль согласиться на эту работу, чтобы посмотреть, каково это — работать с кем — то еще, но после его реакции все, что Лора хотела сделать, так это заверить Джереми, что она его, телом, душой и работой, пока на его лице не сотрутся следы обиды. Его уязвимость заставляла ее чувствовать себя очень неуютно. Лора хотела защитить его и себя от этого.

***

Звонок предыдущей ночи, если и не были забыт днем, но отодвинулся на второй план перед лицом серии примерок на 40-й улице, которые, казалось, продолжались и продолжались. Хайди нервничала и постоянно допускала ошибки в замерах.

— Твоя работа в безопасности, Хайди. — Лора наклонилась, чтобы поправить подол длинной юбки. Он слишком изгибался сзади, но был короток. Сначала она выстраивала изгиб вниз, а затем переносила точки на талию.

Исправления были привычными, но пот на ее ладонях, то, как поставлена на пол коробка с булавками, сами булавки, зажатые между губ. Все отвлекало. Беспокойство о потере работы. Напряженные подбадривания. Боясь проглотить булавку, Лора старалась не дышать слишком глубоко. Все это случалось с ней раньше, когда она была маленькой.

Воспоминания, подхваченные проблемами настоящего, всплывали из памяти. Вот мама стоит на коленях у ног модели, закалывая изгиб. Ничто в подгонке не является тем, чем кажется. Проблема на спинке часто оказывается проблемой переда. Иногда, чтобы исправить подол, нужно подправить что — то на талии. Большие голубые глаза мамы смотрят на нее, передавая десятилетия знаний и опыта, которые Лора понимала и полностью усваивала во всех нюансах.

Мысленно Лора увидела студию Скаази с огромными окнами и кирпичной кладкой, и почувствовала запах папы, запыленной кожи и кондиционера для ткани. Папа с мамой что — то говорили, но слов она вспомнить не могла, потому что все ее мысли занимали как, исправляя верх, можно повлиять на низ, а подправляя спину изменить перед. Вот папа взял ее за руку, и какое — то другое воспоминание связалось с воспоминанием об изогнутом подоле на спине, и, как собака на поводке, потащило ее мысли дальше. Они шли по какой — то улице мимо туннеля Линкольна, направляясь в бюро по безработице. Папа грустил. Папа говорил не очень много. Она подумала, не злится ли он на нее. Отец шел слишком быстро. Они миновали большое здание с погрузочной площадкой позади. На погрузочной площадке стоял ребенок, возможно не старше третьеклассника, отмечал что — то на планшете каждый раз, когда из грузовика вылетали рулоны ткани. Лора подумала «Счастливчик», в то время пока папа пробормотал: «Бедный ребенок. Я не позволю тебе заниматься этим вонючим делом, Лора. Если это последнее ...»

— Мне очень жаль, что так получилось с бирками. — Голос Хайди вывел ее из

задумчивости.

Но еще одно воспоминание на поводке, и Лора боялась ее потерять, если сейчас ответит.

— Шшш, — прошептала она и притянула воспоминание к себе как непослушную собачку к ноге, уставившись в ковер и потянув за край юбки. Перед глазами снова выстроилась линия черных лимузинов рядом с тем же зданием, где была погрузочная площадка, а молодой подросток в кислородной маске выходил из одного из них. Или наоборот входил. Сцена погасла, как будто в проекторе закончилась пленка.

После ухода отца было время, когда они с Руби оставались под присмотром Марисы, хулиганки из средней школы, умевшей строить невинное лицо перед взрослыми. У Марисы был парень на другой стороне туннеля Линкольна, может быть, в четверти мили от маминой квартиры и недалеко от фабрики на 40-й улице. Каждый день время между школой и возвращением мамы в шесть тридцать Мариса тусовалась на крыльце и курила сигареты, в то время как Лора и Руби бегали по окрестностям с остальными детьми. С некоторыми играли. С некоторыми — нет. Некоторые просто изредка появлялись в кондитерской. Лора забыла большинство имен, если она вообще когда — либо их знала, и не узнала бы ни одного из них, столкнусь они сейчас в метро.

Парень в маске был одним из дюжины соседских детей. Этот ребенок, воспоминания о котором были погребены под воспоминаниями о папе, был старше. Иногда он носил кислородную маску. Он не играл с ними, и в то время у него не было имени, потому что все остальные дети его боялись. Они убедили себя, что он скоро умрет, и если они дотронутся до него, то заразятся.

Как, черт возьми, она могла забыть Джереми?

— Лора? — сказала Хайди. — Ты в порядке?

Лора вынырнула из памяти. Они говорили об оригинальных этикетках на спине.

— Честно говоря, — сказала Лора, вставая, — я немного раздражена, что от фабрики ничего не слышно.

Зазвонил ее телефон, она проверила номер

. — Детектив, — произнесла девушка, — чем я обязана ...

— Ты можешь приехать и забрать свою маму, пожалуйста? Я очень стараюсь не посадить ее в КПЗ.

Лора выскочила из офиса еще до того, как повесила трубку. Беспокойство за маму давило на нее, пока она галопом мчалась в Мидтаун — Юг, поэтому все попытки извлечь больше воспоминаний о Джереми не увенчались успехом. К тому времени, как она добралась до участка, ясность даже тех воспоминаний, которые она уже вспомнила, растворилась в калейдоскопе всего остального полузабытого детства.

***

Лора подошла к столу Кангеми, за которым сидела мама.

— Мама? Что ты сделала?

— Она вся в тебя, — сказал Кангеми. — Но в более красивой упаковке. Ты бы сейчас уже сидела перед судьей. — Он оглядел комнату, а Лора проследила за его взглядом. Но не увидела ничего, кроме кучки парней, похожих на полицейских, сгорбившихся над компьютерами и стопками бумаг.

— Мне нужно знать, у кого было это платье, — сказала мама, сжимая сумочку. — И я

точно не сделала ничего противозаконного. Иначе он бы меня арестовал.

— Точно ничего незаконного? — спросила Лора. — Что это значит?

— Я расспрашивала.

— Кого?

— Прекратите так со мной разговаривать, юная леди.

Кангеми придвинул свой стул к Лоре.

Когда она начала садиться, обратила внимание, что стол какой — то маленький и на несколько сантиметров выше обычных. Заглянула под него и увидела, что там висит швейная машинка.

— Что за...?

Из остальной части комнаты донеслось сдавленной хихиканье. Девушка оглянулась на рослых парней, уткнувшихся головой в работу, но все, что смогла видеть, — это их трясущиеся от смеха плечи.

Вмешалась мама:

— Они заменили стол на швейную машинку. — Она наморщила нос. — Это Зингер.

У Кангеми был более сдержанный вид.

— Мы можем покончить с этим?

— И оставили тампон в ящике, — сказала мама. — Это не вежливо! — громко сказала она, обращаясь ко всем в комнате, словно ругая непокорных детей.

— Ты специально не хочешь мне ничего рассказывать, — сказала Лора, прежде чем обратиться к Кангеми. — Расскажи, и мы уйдем.

Он прислонился к шкафу для документов, украшенному розовым бантом.

— Нам звонит швейцар из «Iroquois» и сообщает, что у них слоняется женщина, задающая вопросы арендаторам и сотрудникам. Конкретно, вопросы об оранжевом платье. Вот почему мне позвонили.

Комментарий из другого конца комнаты «Детектив — портной» вызвал хихиканье и откровенное веселье.

— Вот почему ты не смеешься над моими шутками, не так ли? — спросила Лора. — Ты окружен комиками.

— Одна женщина видела, как утром в день открытия загружался грузовик, — сказала мама.

— Белый грузовик?

— Белый с зеленой полосой. И парень, работающий у черного хода, сказал, что у них появился новый арендатор на седьмом этаже, который и переносил ящик.

— Вносил или выносил? — спросила Лора.

— Конечно, выносил.

— Ты сказала, что арендатор новый. Они могли просто перевозить его вещи.

— Это «Iroquois», дорогая. Шесть месяцев — это новый.

— Вы ведь знаете, кто спонсировал выставку платья? — спросила Лора у Кангеми.

— Это был аноним.

Полицейский с плечами, по размеру похожими на утепленную куртку Армани примерно восемьдесят третьего года, подкатил свой стул к швейной машинке — столу Кангеми и поднял обнаженную куклу Барби.

— Пришла потерпевшая, нужно принять заявление. Пропали трусики.

— Сэр, — сказала мама, — вам больше нечем заняться? Может быть, поищите диету,

которая уберет жир из вашей головы?

Плечи Армани откатились назад, смеясь.

— Мама, давай попробуем не нажать себе врагов в отделении полиции, ладно?

Кангеми протянул руку.

— Давай выйдем на минутку из этого камеди — клуба.

Он провел их в помещение для ожидания, интерьер которой был украшен дешевыми лампами и искусственным деревом, отчего комната имела еще более официальный и старый вид, чем если бы в ней был просто ремонт. Он обратился к Лоре, пока мама стояла рядом, раздраженно постукивая ногой.

— Бернар Нестор позвонил мне и сказал, чтобы твоя мать перестала задавать ему те же вопросы, что и я, — сказал детектив. — Она кажется милой женщиной.

— Вы говорите обо мне, как будто меня здесь нет, — вмешалась мама.

Кангеми проигнорировал это замечание.

— Но у нее точно такие же привычки, как и у другого человека, которого я знаю.

— Он не ответил мне, оставалось ли платье когда — либо без присмотра, — сказала мама.

Лора обняла маму.

— Ты знаешь, поскольку я представляю компанию, которая является держателем облигаций выставки, я вправе спросить, как продвигается расследование.

— Продвигается неплохо, — сказал он. — Спасибо за вопрос. — С этими словами он вышел из комнаты ожидания и вернулся к своей швейной машинке.

Лора повернулась к матери.

— Стоп. Просто остановись. Мой мозг переполнен папой. Я пытаюсь уберечь три компании от провала. У меня куча люди, которые меня постоянно о чем — то спрашивают, с которыми я с трудом справляюсь большую часть дня, и я должна выглядеть так, как будто я совсем справляюсь, что я и делаю. Джереми в отъезде, и я скучаю по нему, но не могу расслабиться, иначе он подумает, что я теряюсь на этой работе. Так что последнее, что мне нужно, это бежать сюда, спасая тебя от тюрьмы. Хорошо, мама? Мы можем отложить все это на неделю? Тогда у меня будет время гоняться за тобой по всему Манхэттену.

— О, ну, я не хотела доставить вам неудобства, мисс Важные дела. — Она выскочила за дверь на 35-ю улицу, как ошпаренная.

Лора последовала за ней так же быстро, но полная раскаяния. Она была эгоистичной, эгоистичной девушкой, которая беспокоилась о себе, когда мама пыталась пережить воспоминания двадцатилетней давности, которые она скрывала от своих детей. Ее Лора догнала только через пол квартала.

— Прости.

— Нет, это я втягиваю тебя в это.

— Я сама склонна лезть туда, где мне не место.

— И мне нужно поговорить с владельцем платья.

Лора покачала головой, понимая, что они говорили о разных вещах.

— Прости? Что ты сказала?

Мама протянула руки. Нос у нее был мокрый и красный от холода, а влажный воздух спутал ее волосы. Лора сделал пометку, что на Рождество нужно будет купить ей зимнюю шапку. Было просто смешно, что она никогда не могла вспомнить самое важное.

— Пусть меня арестуют. И что? Они собираются бросить шестидесятилетнюю женщину

в тюрьму, не дав ей покаяться? Я так не думаю. И, черт возьми, я легко могу сослаться на начавшееся слабоумие. Правильно?

— Дядя Грэм не позволит тебе сослаться на слабоумие. Дай мне время.

Мама подняла палец:

— Такое случается и с лучшими из нас. — На этом она развернулась на каблуках и ушла.

Было уже поздно. Тени над улицей удлинились, и воздух становился чуть более волнистым.

— Мама, нет! — Лора погналась за ней, но пожилая женщина быстро шла на восток, к вокзалу, склонив голову немного вниз, сжав руки в кулаки. Лора догнала ее, забежала вперед и пошла спиной назад. — Не ходив «Iroquois». Не делай этого, не надо.

Мама остановилась.

— Свита останавливался там двадцать лет назад. Я тебе это говорила?

— Да, говорила. Ты пугаешь меня до смерти. Я тебе это говорила?

— Слишком давно.

Лора съехала, когда ей исполнилось восемнадцать, и пока она собирала содержимое своего чемодана, вошла мама и откровенно обсудила с ней, что значит быть самой по себе, как ей оплачивать свои счета, пользоваться противозачаточными средствами, правильно питаться и убираться в доме. Когда Лора спросила, в чем ее проблема, потому что, конечно, все это было очевидно, мама сказала: «Иногда ты меня пугаешь».

И Лора ответила: «Жаль».

Она хотела, чтобы мама ушла и оставила ее одну. Что и сделала мама, и Лора дважды пропустила аренду и платеж по кредитной карте на достаточно долгий срок, и столкнулась с серьезной проблемой с оплатой, на выплату которой потребовались годы. Но все это осталось в прошлом, в то время как более насущным, опасным и требующим немедленного внимания казался вопрос о том, что мама бежит за город, чтобы преследовать арендатора, чей управляющий зданием уже угрожал приказом о защите.

— Я иду с тобой, — сказала Лаура.

— Я думала, что тебе нужно управлять семью бизнесами.

— Ты скажешь мне номер помещения или как?

Глава 8

Лора мало что могла рассказать об «Ирокез», чего нельзя было услышать от более остроумных и эрудированных людей. Это было лучшее здание на Манхэттене. Не мнение, нет, просто факт. Здание занимало один квартал на 86-й улице, включая всю площадь между Бродвеем и Вест — Эндом — двенадцать этажей из довоенного камня и освинцованного стекла, внутренний двор в центре, великолепная отделка в стиле рококо всего трехэтажного входа, двенадцатиметровые потолки, средний размер квартиры две тысячи квадратных метров. Можно продолжать и никогда не касаться того факта, что половина монстра сдавалась в аренду по фиксированной цене, в то время как другая половина продавалась как многоквартирный дом по три тысячи долларов за квадрат или сдавалась в аренду по пятнадцать долларов в месяц. Кто — то может приветствовать это как экономически разнообразное, а кто — то может плакать о несправедливости вашего соседа, платящего десять процентов вашей ренты.

Когда Лора сошла с поезда в Вестсайде, до нее дошло, что войти в парадную дверь она не сможет. Хорошие идеи приходили ей на ум слишком поздно. Она прошла мимо входа во внутренний двор на Бродвее, по 86-ой, мимо второго входа во внутренний двор на Вест — Энде, затем по 87-й улице, где ей попала первая лазейка — парковка. Другой была пиццерия на Бродвее, где Лора могла притвориться тупой и заблудиться по дороге в туалет, надеясь найти какой —нибудь путь в жилую часть здания через кухню или как — то еще. Через обе лазейки можно было попасть в нужную часть здания. Она подбросила монетку: парковка.

Лора оставила маму на станции Геральд — сквер, пообещав сделать все возможное, чтобы поговорить с человеком в квартире 7Да. Если Лора потерпит неудачу, мама обещала сделать это сама, независимо от того, арестуют ее или нет. Энтузиазм матери можно было сравнить с энтузиазмом питбуля у ног злоумышленника, и Лора была убеждена, что мама пыталась восполнить какую — то забытую или упущенную задачу двадцать лет назад.

Так что облажаться нельзя. Ей нужно рассказать маме все, что она узнает или не узнает и вернуться к работе. Уже казалось, что ей придется отменить ночной конференц — звонок с Джереми, и если это не заставит его отнестись ко всему серьезно после ее рассказа о предложении Барри, она не знала, что произойдет.

Лора прошла под вывеской «Паркинг», следуя за автомобильной рампой. Она поймала взгляд охранника и улыбнулась, позвякивая ему ключами. Правда, не от машины. У нее даже прав не было, но мужчина был слишком далеко, чтобы различить ключи, и жестом велел проходить.

Держась внешних стен, она заметила дверь. Дверь была заперта, но девушка решила просто подождать, пока кто —нибудь из живших людей внутри не выйдет. Ждать пришлось не долго, несколько минут. Горчичный ковер и теплое освещение. Она поднялась на лифте, который вел в холл, очень похожий на тот, который она покинула. Стены были выкрашены в кремовый цвет, от потолков до шестиметровых карнизов и обшитых панелями. Шла она так, будто знала, куда идет.

Остановилась перед 7Да на секунду, затем постучала. Подождала. Ничего не произошло. Она постучала еще раз, затем посмотрела на часы — 18:40, до Джереми двадцать минут. Она не успеет. Может быть, она сможет вернуться после звонка, но мама не собиралась ждать еще двенадцать часов, грозя снова попасться капризному полицейскому, который не захотел бы играть в полицию моды. Она пошла обратно по коридору, но заблудилась, отступила, повернула налево не туда, затем еще раз налево и оказалась перед 7Са. Каким — то образом свернув за угол она оказалась в том крыле дома, выходящим на Бродвей. Все двери выглядели одинаково, а все коридоры были клонами друг друга.

Послышался звук чего — то подпрыгивающего на ковре и её под ноги посыпались мандарины — клементины, тормозя о её обувь.

— О, милая, — раздался голос из коридора. Женщина примерно маминого возраста стояла в углу холла с опрокинутой коробкой мандаринов в руке, из которой, вероятнее всего, наверно они и выпали к Лориным ногам вместе с банками томатной пасты. В другой руке она держала еще две сумки, и, хотя они не разорвались, выглядели тяжелыми. Лора подняла несколько мандаринов.

— Ой, спасибо. — У женщины были живые, яркие карие глаза, похожие на большие круглые шоколадные печенья.

— Нет проблем. Не подскажите ... Я пытаюсь выбраться, и все указатели на выход

просто водят меня по кругу, — Лора подхватила еще несколько банок и побольше мандарин, стараясь не дать им укатиться слишком далеко по коридору.

— Прямо по этому холлу, налево. Дверь в конце коридора. — Она открыла квартиру 7Са, чудесную, не будь она забита всяким хламом. — Поможешь донести мне?

— Конечно, — ответила Лора, входя в квартиру.

Повсюду были груды коробок из примятого картона, по гофрированным стенкам которого были видны подтеки от маркера. Некоторые из них выглядели так, будто попали под дождь. Пол, или то, что Лора могла видеть под коробками, был выложен паркетом в рисунок — елочку и сиял так, что она могла видеть свое отражение. Окна были закрыты белой марлей. Все это место выглядело так, как будто сюда недавно заселились, и арендатор так и не распаковал вещи.

— Агентство по недвижимости проводит реновацию, — объяснила дама с мандаринами. — Я ненавижу шторы. Что думаете о таком решении?

— Немного однотипно.

Женщина тепло улыбнулась. — Хороший способ выразиться. Пойдемте.

Они прошли через спальню и странный маленький коридор с широко открытым шкафом, из которого вывалились мужские костюмы, затем миновали комнаты и несколько коридоров, пока не достигли кухни. Её не модернизировали с восьмидесятых, и вся она была выполнена в лиловом, сером и бледно — бирюзовом цвете.

— Это отличная квартира, — сказала Лора.

— Конечно. Видите, эта сторона не на реновации.

— Это очень похоже на полицию Майами.

— Ой, а ты забавная. Кстати, меня зовут Джобет Фиалла.

— Рада знакомству. Я Лора Карнеги. Не родственница. — Она пожала руку Джобет, попутно помогая ей, разгружала мандарины и банки томатной пасты.

— Знаешь, ты можешь выбраться и с этой стороны. Эта квартира совмещена с соседней. Так что лестница для прислуги, выведет тебя к выходу.

— Случайно не с 7Да?

— Да, все верно.

— О, хорошо. — Она внезапно поразились тому, насколько самонадеянно было бы спросить женщину, которая, возможно, анонимно через Бернарда Нестора предоставила платье, почему она это сделала, откуда она знала принцессу и знала ли она, что самое известное платье в мире было заменено неприглядной подделкой. Копы, несомненно, уже задали Джобет кучу вопросов, а у Лоры были те же вопросы, но не было значка.

Лора взглянула на часы — 18:50. В субботу утром в Китае Джереми сидел у экрана конференции в своем гостиничном номере, глотал горсть таблеток и ждал ее. Снова.

— Могу я воспользоваться вашим туалетом?

— Сюда и направо.

— Благодарю.

Лора присела на унитаз и написала сообщение.

«Кое — что случилось. Не в офисе».

«Хорошо, позвони мне позже».

Вот и все. С ним было так легко, как будто ему было все равно, разговаривает он с ней или нет. Она не знала, была ли ее неуверенность в себе причиной того, что она поверила, что ее назначили по желанию, или, несмотря на все, что он сделал и сказал, она действительно

не имела для него никакого значения. Лора спустила воду в туалете на случай, если женщина подслушивает, и направилась обратно на кухню.

Джобет убирала мандарины.

— Мне тебя вывести?

— Могу я сначала кое — что спросить? С оговоркой, что вы можете выгнать меня в любой момент? Потому что, я не думаю, что вас это хоть как — то волнует, но вдруг я ошибаюсь, и вам не все равно.

— Конечно, это интересный способ начать, дорогая. Когда —нибудь попробовала этот способ, чтобы познакомиться?

— Я недостаточно мила, чтобы это сработало.

— О, что — то я в этом сомневаюсь. Хочешь чаю? У меня есть немного печений с корицей. Очень по — рождественски. Присаживайся. — Она указала на небольшой столик из пластмассы с хромированными ножками.

Лора испугалась, что попалась в ловушку к одинокой пожилой женщине, не имевшей ничего общего с пропавшим платьем. Мама долго ждать не будет, Джереми забудет о ней где —нибудь в Китае, как раз тогда, когда она начинала его вспоминать.

— Так что ты хотела у меня спросить, так откровенно начав разговор? — сказала Джобет. Она была довольно высокой и без труда могла дотянуться от плиты до шкафа на другой стороне кухни.

— Ну, я не знаю, знаете ли вы, но в здании была женщина, которая спрашивала вас.

— Обо мне?

— О человеке, который предоставил шафрановое платье принцессы Брунико для Метрополитена. — Женщина промолчала, и Лора продолжила. — Я не говорю, что все так и есть, но моя мама провела расследование и сделала выводы о том, не буду этого скрывать, что владелец платья живет в квартире 7Да.

— Персонал здесь очень скрытный. Твоя мать, должно быть, очень убедительный человек.

— Она нечто, — сказала Лора. — Так это ваше платье?

Засвистел чайник. Джобет выключила огонь и остановилась, глядя на пар, выходящий из носика.

— У меня даже есть туфли принцессы. Хочешь на них взглянуть?

— Боже, да.

Джобет выбежала на цыпочках, как будто ей не терпелось похвастаться этими туфлями.

Лоре она понравилась, несмотря на то, что они только что познакомились. Она ничего не могла поделать и не понимала, но надеялась, что ей не придется сообщать плохие новости или навлекать на Джобет неприятности.

Обувь была в обычной коробке из — под обуви, за исключением того, была отделана коричневой кожей с белой прострочкой. Хосе Инуэго. Новые они должны были стоить более двух тысяч долларов. Витражная пара действительно стоила бы больше. Джобет сняла крышку. Льняная ткань складками лежала вокруг пары мягких коричневых туфель из телячьей кожи с четырехдюймовыми каблуками, зауженными внизу в смертоносный шип.

— Они просто идеальны, — сказала Лора.

— Они слишком малы для меня. Хочешь примерить?

— Могу я побегать в них по зданию?

Джобет взглянула на Лору и подмигнула.

— Ты сломаешь пятку, а я подам в суд.

Лора надела туфли.

— О, они чувствуют, что созданы для моих ног — девушка встала. Она чувствовала себя ростом в сто метров, как будто могла пробежать марафон и забить мяч в волейбол. Она приподняла ногу и посмотрела на туфли, очаровательная в узких джинсах и, вероятно, почти всем, что у нее было или когда — либо будет в будущем. Мечты. Она сняла их и положила обратно в коробку.

— Над этим платьем работала моя мама, — сказала Лора. — Когда объявили, что оно будет выставляться в музее, она как с ума сошла. Думаю, это было лучшее время в ее жизни, вот ее и накрыло.

Джобет кивнула, но ничего не сказала.

— Можете рассказать, как оно попало к вам? Думаю для нее это платье как ребенок, и ей будет интересно узнать, что с ним стало, после того как оно покинул ее руки.

Джобет налила чаю.

— Я могла бы. Но ты должна пообещать мне одну вещь.

— Хорошо.

— Не посылайте сюда вашу мать. Я уверена, что она прекрасная женщина, но я не хочу обсуждать это с большим количеством людей. Хорошо? И никаких телефонных звонков.

— Конечно.

Джобет отхлебнула чай.

— Принцесса прибыла в Нью — Йорке двадцать лет назад, в то время и было сшито платье. Приехала вместе со свитой. В то время она была суперзвездой. Знаменитостью. Тогда у нас было больше принцесс. Монако. Англия. И эти женщины были изящны и обаятельны, но ни одна из них не была столь прекрасна, как Филомена. Вы никогда не увидите, чтобы женщина так двигалась или танцевала. Посмотри, если найдешь видео. Она была воплощением чувства позы. И если бы вы когда — нибудь ее встретили, то поразились бы ее щедрости. Она с одинаковым уважением относилась ко всем, от самого последнего конюха до самого знатного принца. Казалось, она заполняет все вокруг, как будто ты встречаешься с духом.

— А ее муж разрешил ей приехать сюда на месяц? Ради платья? — Лора не могла представить себе, как можно так долго быть вдали от любимого человека.

Джобет махнула рукой.

— Эти люди другого сорта. Да, она могла отсутствовать месяцами, это их обычная жизнь. Они путешествуют. Они делают то, что хотят. Он хотел, чтобы она выглядела как принцесса, чтобы соперничать с остальными, чтобы Брунико стал заметным в культурном плане. Она сказала, что на Брунико таких мастеров нет. Принцесса рассказывала мне, что муж уступил ей, после того как она спрятала его арбалет.

— Ага. Как вы получили это платье? Прости, я тороплюсь?

— В этом нет секрета.

— Но вы жертвовали его анонимно.

— Я просто не хотела ходить на какие — либо вечеринки, не хотела, чтобы с меня требовали какие — то другие, потому что у меня нет ничего, кроме обуви. — Она сделала еще один глоток чая. — Мой брат занимался финансами и проводил время на острове, заключая сделки. Больше он мне ничего не рассказывал, но я могу только представить. Он сказал мне, что влюбился в кого — то оттуда, но не сказал мне, в кого. Потом приехала

свита, и я все поняла, как только увидела их вместе.

— В принцессу?

Джобет кивнула.

Лора поразилась:

— У него был роман с принцессой прямо под носом у великого принца?

— А Сальвадор был не из тех, кого можно злить, поверьте мне. Он умел сажать людей в тюрьму надолго. — Она вздрогнула. — Так или иначе. Мой брат был безрассудным и влюбленным. Он прислал мне платье и туфли семь месяцев назад. Просто сказал подержать у себя какое — то время. Потом он умер.

— Ой, мне так жаль. Как это произошло?

— Мне сказали самоубийство. — Джобет перекатила чашку между ладонями. — Он выглядел напуганным, а я ему не помогла. Я должна была поехать туда.

— У вас есть его фото? — Лора подумала, если он был при дворе, то в маминой коллекции должны быть его фотографии.

— Мне придется их поискать. Может, зайдешь в следующий раз.

— Конечно. Как его звали? Вашего брата? Вы не упоминали его имени.

Джобет на секунду недоуменно уставилась на нее:

— Варнава. — на ее глазах навернулись слезы, и Лора невероятно её сочувствовала, представив, чтобы было с ней, потеряй она Руби в далекой стране. — Я совсем бессильна. Я точно уверена, что его убили, но не знаю, кто это сделал. Я просто старуха.

— Ну, думаю, тот, кто это сделал, украл и платье. — Лора вздрогнула. Не стоит быть уверенной, что страховая компания или полиция рассказала Джобет, что платье подменили.

Но Джобет не удивилась, значит, уже об этом знала, и Лора вздохнула с облегчением.

— Уверена, ты права.

— Они, должно быть, знали о вас и о том, что платье у вас, и подготовили подделку.

— Верно.

— А почему вы поставили условие, что платье может транспортироваться только в кейсе?

Женщина пожала плечами и снова отпила чай, словно хотела спрятаться за чашкой.

— Это странное суеверие из Брунико. Они верили, что если кто — то прикоснется к внутренней части платья, то коснутся принцессы. Знаете, откуда это взялось?

— На самом деле, нет.

— В 1910 году произошла вспышка тифа, уничтожившая половину острова, и это приписали одной швее. Говорят, прикоснувшись к внутренней части одежды людей, она заразила тиф семнадцати человек и восьмилетнего принца. В Брунико из этого выросло суеверие о том, что нельзя касаться одежды.

— Бессмысленно.

Джобет пожал плечами.

— Кто может объяснить поворот веков? Я просто чувствовала, что было бы правильно уважать их традиции.

Лаура посмотрела в лицо Джобет. Оно было полно боли. Ее пожертвование, должно быть, было сделано в честь памяти брата, и Лора думала, что нет ничего более честного, чем помогать незнакомцу и матери одновременно.

— Кто еще мог знать об этой бруниканской традиции? Навряд ли, вы знали ближайшее окружение или прочитали об этом где — то. Я искала и не нашла даже как можно

забронировать номер в отеле.

Джобет осторожно поставил ее чашку с чаем обратно на блюдец.

— Там тяжело жить круглый год, поэтому мой брат приезжал домой на несколько месяцев зимой. Их целое сообщество. Экспатрианты, думаю, вы бы их так назвали. Они тусуются на мясокомбинате. Место называется.... Боже, я даже не могу вспомнить. — Она щелкнула пальцами, словно пытаюсь разбудить свой мозг. — *Ilha Grande Café*. Как только вы узнаете, где это, вы не сможете туда не наведаться.

***

Лора посмотрела на часы и решила позвонить Джереми по дороге на вокзал.

— С тобой все в порядке? — он спросил.

Начался мокрый дождь, и Лора спряталась от него под навесом. На другом конце провода были слышен уличный шум. Он на пробежке? Или он пойдет для этого в какой — нибудь спортзал? — Она ненавидела незнание.

— Все хорошо. Мне жаль, что не смогли созвониться.

— Ничего страшного. В офисе все нормально? Нет ничего, о чем мне следует знать?

Он должен знать, что она уже встречалась с ним в детстве, по крайней мере, два раза. Он должен знать, что ей кажется, что ее друзья — сорванцы насмеялись над ним. Она не была уверена, что эти воспоминания не причинят ему боль и не обвинит ли он в них ее. Поэтому Лора решила пока ни о чем не рассказывать.

— Этикетки. Ничего такого, с чем мы не справились бы. — После тяжелого молчания она спросила: — Ты злишься на Барри?

— Да, злюсь. Но поговорю с ним об этом, когда вернусь. Он просто не может этого сделать. Он знает, как много ты для меня значишь. И что без тебя я не смогу вести дела так, как хочу.

— Он знает почему? — в действительности она спрашивала, знал ли Барри, что Джереми болен.

— Нет.

— Ну, может, поэтому он не воспринимает все всерьез. И, может быть, то, что ты говоришь ему, как много я для тебя значу, делает меня более ценной в его глазах.

— Может быть. Но мне это все равно не нравится.

— Тебе следует перестать нахваливать меня.

— Приму к сведению, — сказал он повеселев. — Но в случае с Венди — это не поможет. Я получил электронное письмо об инструкциях на этикетке по уходу. Когда я вернусь, её не будет.

— Мы можем подождать два месяца до выхода Йони. Я, правда, не хочу искать кого — то другого на краткосрочную замену. — Некоторых людей просто не стоило спасать, и Венди была одной из них, но сейчас тот момент, когда искать кого — то нового — слишком хлопотно. Лора водила носком ботинка по слякоти. — Как Руби?

— Потрясающий человек. Но только в отрицательном смысле, не так как ты. Если она пискнет еще раз ...

Лора улыбнулась. Она представила, как он протирает глаза ладонью.

Он вздохнул.

— Милая, в следующий раз ты пойдешь со мной. Или поедешь сюда без меня. На твой выбор. За неделю ты научишься большему, чем все эти люди за месяц.

— Я не хочу.

— Почему нет?

— Иррациональная паника.

— Ах. Правда выходит наружу. Тогда все решено. Мы поедем вместе.

Она прижалась к мокрой стене, желая, чтобы он отступил, но в то же время была ему благодарна.

— Мой паром подошел, — сказал он. — Еду в Китай. Встреча не по графику. Все равно попробуй, хорошо?

— Хорошо.

— Хороших выходных и помни, что любишь меня.

— И что ты любишь меня.

На этих словах они повесили трубки. В Гонконге сейчас следующий день, восемь часов утра, вспомнилось ей, и он скорее всего уже на терминале, отправляется в Китай, и этим утром, он скорее всего не бегал. Она решила не беспокоиться ни о его лекарствах, ни о лечении грудной клетки, ни о сотне других вещей, из — за которых она могла потерять сон. Ей нужно было присматривать за матерью и управлять офисом.

А еще ей нужно было найти платье.

***

Стью позвонил ей и сказал, что у него есть альбом. Все, что ей нужно было сделать, это принести обед, чтобы они смогли послушать фолк певца под пад — тай. Пока Стью распаковывал еду, она рассматривала виниловую пластинку.

— А компакт — диски тогда не использовали? — спросила Лора.

— И что это за веселье?

Конечно, у него был проигрыватель. Какой уважающий себя хипстер из Вильямсбурга полагался бы на MP3? Низкое звучание стало новым трендом — теплым, несовершенным и непостоянным.

Когда он открыл дверь, первое, что она заметила, это то, что от него приятно пахло, как будто он только что принял душ, потом надушился огурцом, затем надел чистую одежду и почистил зубы — все, что люди делали, когда они хотели произвести впечатление, не привлекая внимание.

— Ты уходишь? — спросила Лора.

— Позже.

— Как ее зовут?

— Не помню, да и это не важно. — Он протянул ей двадцати четырехсантиметровую пластинку в пластиковом пакете, который выглядел так, как будто его в девяностые разрезали. И лицо Сэмуэля Инвея занимало весь квадрат обложки. Все недостатки и выбившиеся волоски были тщательно отретушированы, рыжие волосы аккуратно собраны в хвостик у основания шеи. Белый воротник футболки едва касался нижнего края кадра. Его имя красовалось на самом краю.

— А теперь, — сказал Стью, снимая с пластинки обложку и стряхивая пыль кисточкой. — Причина, по которой я узнал этого парня двадцатилетней давности, заключается в том, что его музыка трансцендентна. Душераздирающая. Имею в виду, ты можешь рыдать под нее часами.

— Он ведь не американец?

— Конечно, нет. Размахивающий флагом бруниканец.

Он протянул ей обложку, на одной стороне которой курсивом были напечатаны слова песни. Она плюхнулась на кресло — мешочек и принялась изучать слова.

Где в тебе смех, детка?

Где в тебе любовь, детка?

В моем сердце лед, в сердце лед,

Лед от твоего холодного вздоха.

Это будет приятное, но бесполезное времяпрепровождение, подумалось Лоре. Это были песни о любви, и если бы они были для папы, от них бы ей стало плохо.

— Ты не знаешь, он писал их перед поездкой или уже в студии? — спросила она.

— Якобы он был блестящим импровизатором. Они были написаны на лету.

— В Нью — Йорке, во время посольства.

Стью поставил запись.

Она подарила мне двух себя

Одну с маленькими руками и большим сердцем

Другую, кружащуюся, пока не сгорит

И каждая на ниточке

Каждая на веревочке

Нет ничего, что привязало бы ее ко мне

Без нее нет песни

Нужно так много времени, чтобы узнать ее

Но руки у нас пусты

И мы все кружимся

— Я не знаю, чего ожидала, — сказала Лора. — Мне это мало что говорит. Может, двое ее — это я и Руби? Или я пряха с маленькими руками?

— Он был влюблен в кого — то. Это точно. Желание чувствуется в каждой песне. Это совершенно ясно.

Она наморщила нос. Для нее это было совершенно непонятно. Это звучало красиво, со скрипками и виолончелями на заднем плане, и Инвей с его хриплым пением. Вздохи между куплетам звучали как стоны кого — то с болями в животе, но ничего в словах не говорило ей, кто, что и где.

— Поставь вот эту «Прости меня».

— О. — Стью щелкнул пальцами. — Эта лучшая. — Он поставил иглу на пластинку со скрипом и шипением.

Прости, я смотрел на тебя

Прости, я забыл, что вас двое

Неполный ребенок

И то, через что я смотрел

Части нет

Она пропала

Часть, которая принадлежит тебе, все еще там

Я прощаю эту часть

Я прощаю пространство

Я прощаю пустоту

А кого простишь ты?

— Ха, — сказала Лора. — Последнее, о чем он должен петь — это прощение. Долбаный разлучник. — Она бросила обложку обратно Стью. — Этот парень был депрессивным. Ему бы антидепрессанты попить. Если это то, на что клюнул папа, это говорит о нем больше, чем о Инвее. — Она отложила обложку альбома, и достала свой блокнот.

У Стью брякнул телефон, и он с усмешкой начал что — то набирать в ответ. — Мне тебя жаль. — сказал он.

— Меня или девушку, с которой переписываешься? — на заднем фоне играл Инвей, а Лора продолжала что — то выводить в блокноте.

— Вы обе. В детстве вас учили быть принцессами и невестами, а когда вы становитесь женщинами, вы не знаете, как справиться с тем, что все, что вам нужно, — это секс. Общество вас все смешало.

— Мне нравится, что придумываешь все эти громкие протесты, что бы просто сообщить, что хочешь, чтобы тебя трахнули. Что происходит? Ты действительно нравишься какой — то девушке, и ты не знаешь, что с этим делать?

— Я бы знал, что с этим делать, если бы меня трахнули. — Он сунул в рот последний блинчик с начинкой и тяжело вдохнул, чтобы не обжечься.

— Но ты трахаешься.

— Не с ней.

— Но ты сидишь здесь, потому что? Она хочет быть единственной? Она — молодец, хорошо держится.

— Это больше похоже на репетицию брака, а это фейк.

— Я могу никогда не выйти замуж, но оставаться верной. Это не так уж сложно.

— Дама слишком много протестует.

— Как я чуть не начала встречаться с тобой? Ты всегда был такой свиньей?

— Нет. Раньше я был хорошим парнем. Но быть плохим гораздо приятнее. — Он взял свой тайский чай со льдом и сел рядом с ней. — Что, черт возьми, ты рисуешь? Это не юбка.

Она подняла блокнот. Страница была исчерчена линиями, диаграммами и прямоугольниками с именами.

— Вот все. Джобет. Барри / Джереми. Принцесса. Мама. Самуэль. Папа. Брат Билл. Настоящее платье. Поддельное платье.

— Окей.

Во время разговора Лора рисовала линии и круги, и хотя ничто из этого не имело никакого реального смысла, для кого — либо, живущего за пределами ее головы, то, как она все это излагала, помогало ей думать.

— Я верю, что у Джобета было настоящее платье, потому что Ллойд согласился его застраховать. Я так же верю, что оно оставалось у нее, как она и говорит, семь месяцев. И она уже шесть лет живет в «Ирокезе». Полагаю, что все, о чем спрашивал Ллойд, было правдой, потому что они на одной стороне.

— Она обратилась к Бернарду Нестору в середине сентября, а это уже поздно. Но затем Нестор пришел к Барри, а Барри пошел к Джереми, и они стали партнерами. Все прошло на чистом ажиотаже. Подмену осуществил архивист. Нужно узнать у Барри его имя. — Она сделала пометку сбоку страницы. — Во всяком случае, я видела Варнаву на фотографиях мамы, и он не был похож на безрассудного и страстного человека. Мама сказала, что он был с женщиной по имени Генриетта, которая тоже не выглядела как поджигательница мира. Но мама могла ошибаться. Итак, допустим, Джобет говорит правду. Этот парень, Варнава,

вернулся с принцессой, крутил с ней роман под носом у мужа, семь месяцев назад почувствовал какую — то угрозу и отправить обратно платье, а затем умер в пожаре. Затем Джобет услышал о выставке в Метрополитене и пожертвовал платье для выставки. Что здесь не так?

— Зачем отправлять платье сюда?

— Вот и мне это интересно.

Телефон Стью зажужжал. Он посмотрел на экран и положил мобильник в карман.

— Это мисс Несогласна или сегодняшняя уловка? — спросила Лора.

— Еще одна. С длинными темными волосами. Невероятная танцовщица.

— Быть «игроком» — нелегко. — Она произнесла последнее «р» и вскинула руки, изображая команду поддержки.

— Не шути. Хочешь взять альбом?

— У меня нет проигрывателя.

— Ты можешь приходить, когда захочешь, противник «игроков». — Он тоже растяжно произнес «р» и обнял ее, чтобы проводить вниз по лестнице.

Глава 9

— Она сказала, что Барнаби встречался с принцессой, — рассказывала Лора, выискивая шкатулку с драгоценностями мамы. Она приехала домой как раз вовремя, и помогала матери подыскать украшения для встречи с Джемми. — Может быть, Генриетта была прикрытием?

— Я не помню. Вдвоем они смотрелись как мебель. — Мама пыталась засунуть сережку в почти заросшую дырку. Она потянула за мочку и пошевелила сережкой, но та не смогла пройти. — Барни был американцем. Это все, что я о нем помню.

— А принцесса? Хватило бы ей хитрости, чтобы так долго крутить роман?

— Конечно. — Мама бросила серьги обратно в коробку и взяла другую пару. — Люди — коварны. Они скандальны. Все. И ты не пойдешь в это кафе без меня. Гарантирую, ты уйдешь ни с чем. Ты не знаешь этих людей. И у тебя совсем не подвешен язык.

— Я подожду до завтра, чтобы ты успела вернуться. — Лора встала и осторожно забрала серьгу с рук матери.

— Нет, не подождешь. Я тебя знаю.

— Какая разница? Это не похоже на настоящую срочность. Никто не умирает. — Она перебирала мамину шкатулку с драгоценностями, пока не нашла серьгу другой формы и с более тонкой изогнутой застежкой. — Интересно, что думает Кангеми. — Лора вложила вторую серьгу в ухо матери и посмотрела на нее в зеркало. Серьги хорошо смотрелись с голубым платком на шее. — В любом случае это лучше.

Раздался звонок. Это было крайне забавно, потому что, Джимми был их домовладельцем и у него был ключ. Мама вздохнула.

— Я бы хотела, чтобы мы могли отказаться от всей этой ерунды со свиданием и перешли к самому главному.

Джимми выглядел, на удивление прилично, в своем плохеньком пиджаке и галстук с двойным виндзорским узлом. Его ботинки были начищены, а брюки были отглажены.

— Привези ее домой до комендантского часа — пригрозила ему Лора.

— Помолчи, — ответила мама.

***

Лора ответила на электронные письма, поработала над осенней коллекцией следующего года для «Портняжек», проверила, чем занимаются все остальные в мире моды, посмотрев на часы, обнаружила, что на них 21:13. Она могла остаться в квартире Руби внизу или пойти на 24-ю улицу и послушать гудение вентиляции Джереми.

Когда она запирала входную дверь, наткнулась на маму и Джимми, прогуливающих по кварталу.

— Куда идешь? — спросила мама.

— К Джереми.

— Послушай, — сказал Джимми, — твоя мать рассказывала мне об этой штуке с платьем. Мы хотим сходить в то кафе сегодня вечером. Ты с нами?

Она чувствовала себя так, словно ее приглашали на ее вечеринку после того, как все отказались от приглашения, но задавать вопросы кучке незнакомцев было бы легче с отставным полицейским со вспыльчивым характером и ломом в багажнике.

***

Кафе «Эль Гранде» располагалось в красивом здании, на мощеном перекрестке пяти мощеных улиц на западной стороне южной окраины Манхэттена. Ночью район выглядел как площадь с огромным пространством и строгими правилами парковки. Площадь была окаймлена окнами из красного кирпича и узкими тротуарами. Кафе выходило на фальшивую площадь маленькой черной дверью и пластиковой вывеской небольшого размера с надписью «Привет! Меня зовут ...», создавая атмосферу тишины и секретности прямо посреди Мясного района.

— Мы просто войдем? — спросила Лора, когда такси отъехало.

— Откуда мне знать? — сказал Джимми.

— Ты собираешься быть занозой в заднице?

— Ага.

Лаура подошла к двери и распахнула ее, как будто всю свою жизнь тусилв в этом кафе. Рождественские гирлянды свисали с задней части бара, тянувшегося вдоль правой стороны комнаты, до стены, граничащей с двумя рядами квадратных столов слева. Множество разноцветных лампочек, отбрасывали блики на картины и фотографии в выкрашенных золотом витиевато — причудливых рамах. Столы были наполовину заняты, и почти все сидевшие за ними уставились на Лору и ее компанию.

К ней подошел мужчина в набивной рубашке и тремя расстегнутыми верхними пуговицами.

— Да правит великий принц.

Лора понятия не имела, о чем он говорит, но выручила мама, вставив: «Да правит».

— Добро пожаловать, — сказал парень, указывая на стол.

Они сели.

— Что, черт побери, это было? — спросила Лора.

— Я совсем забыла про это, пока он не сказал, — сказала мама. — Это похоже на секретное рукопожатие, и, чтобы вы знали, эти люди с опаской относятся к прикосновениям, если они вас не знают.

— Это объясняет подкладку платья, верно? — спросила Лора.

Мама кивнула и открыла свое меню.

— Что это, черт возьми, такое? — спросил Джимми, разглядывая свое меню.

— Я просто выпью, — сказала мама. Она казалась взволнованной, и Лора не знала, было ли это вызвано присутствием Джимми или ее близость к причине ее двадцатилетней боли.

Парень в набивной рубашке приоткрыл заднюю дверь и сказал что — то на другом языке кому — то в задней комнате. Лора вытянула шею, чтобы увидеть, что было в комнате, но дверь быстро закрылась.

Набивная рубашка вернулся к ним. — Что вы желаете?

— Мы закажем литр «Сандаво», — сказала мама, возвращая меню.

— Молоко? — спросил парень.

Мама взглянула на Джимми, затем на Лору. — Одно, только для меня.

Набивная рубашка кивнул и подошел к бару. Проследив взглядом, Лора увидела, что за ними наблюдают почти все, тайком или открыто. Большинство посетителей были мужчинами среднего возраста, за исключением пары женщин. Лора, несомненно, была самым молодым человеком в комнате.

— Итак, — сказал Джимми, — что теперь, мисс детектив? — он сидел с озадаченное лицо, как будто она была ученицей, а он учитель, орудующим сократическим методом словно ломом.

— Кому — то в задней комнате сказали, что мы здесь. Надеюсь, что мы успеем выпить до того, как кто — то выйдет поговорить с нами. Воспользуемся этим.

Набивная рубашка вернулся с подносом, на котором был графин с красной жидкостью и три бокала для вина, на дне одного из которых было немного молока. Раставил их на столе и налил вино.

Мама покраснелась. Она подняла свой стакан, сказав: «Diversão».

Лора и Джимми тоже отсалютовали и отпили. Вино было липко — сладким с привкусом карамели, но насыщенным, как будто в него добавили протеин.

— Можно я попробую с молоком? — спросила Лора.

Мама протянула ей стакан.

— Я хочу пива, — сказал Джимми.

— В пиво они тоже добавляют рюмку вина. Молоко не обязательно, — сказала мама.

Лора попробовала молочную смесь и вернула стакан маме.

— Я даже не хочу знать, почему лучше с молоком. — Она подняла руку, подзывая официанта.

Вместо этого к ним подсел мужчина под два с половиной метра ростом в кожаном плаще, волочащемся по полу. Он ссутулился, откинулся на спинку стула и вытянул ноги вперед. Сапоги у него были из змеиной кожи, ковбойского покроя, со зловещими острыми носами. Кожаные штаны облегли икры. Лора казалось, что каждый дюйм его тела был покрыт кожей какого — то животного. На плаще был меховой воротник. Его камзол, и только так она могла его описать, был из той же кожи, что и брюки, и спереди был нарисован орел. Все края были прошиты более темной кожей, как будто производитель не знал, как правильно ее обработать, поэтому он просто обрезал все, как дилетант, и некачественно обработал. Мужчина снял шляпу из той же коричневой кожи с перьями на тулье и положил ее себе на колени, постукивая по ней большим пальцем с грязными ногтями. На воротник упали волосы, такие же пышные и блестящие, как и мех на воротнике. Лора узнала его по маминым фотографиям бруниканской свиты. Он не постарел ни на минуту.

— Да правит верховный принц, — сказал он с подобием ухмылки.

— Да правит, — воскликнула Лора раньше мамы. — Классная шляпа.

Мама откинулась назад и поджала губы, всем видом показывая миру, что не хочет выдать свои эмоции. Лаура пнула ее, но Меховой воротник это уже заметил.

— Ручная работа. Ремесленники Брунико, конечно, всемирно известны.

— Конечно, — согласилась мама.

Меховой воротник склонил голову, выдвинул челюсть вперед и сузил глаза. Мама встретила его взгляд, и они так посидели с минуту. Джимми взбалтывал свое вино, как будто ничего не заметил, но когда Лора бросила на него быстрый взгляд, выглядел как очень заинтересованный в происходящем мужчина.

— Джоселин, — сказал мужчина.

— Привет, Сосо. Давно не виделись.

Они сидели по диагонали друг к другу, но сейчас, казалось, занимали весь стол.

— Ты выглядишь сияющей, как закат.

— Намек на мой возраст, Сосо? Или ты хотел сказать восход.

— Полдень с тобой соревноваться не может. Боже мой, двадцать лет.

По мере того как их разговор продолжался, Лора мысленно просматривала маминны фотографии. Она была так сосредоточена на маме и папе и настолько сражена красотой принцессы, что не обратила особого внимания на других членов свиты. Но точно запомнила очень высокого мужчину в кожаных штанах и жилете. Больше она ничего не помнила, кроме этого и бровей, похожих на соленые огурцы, которые он приподнял, когда повернулся к Лоре.

— Нет, — сказал Сосо. Он снова посмотрел на маму. — Не может быть.

— Это...

— Лала?

— Она предпочитает Лору.

— Лора, — сказал он, — я Сосо Осей. Я знал тебя, когда тебе было шесть лет. Ты сказала мне, что мои штаны мне в бедрах узкие.

— И это по — прежнему так.

— Лора! — воскликнула мама.

Но Сосо засмеялся так громко, что она вздрогнула.

— Извините, — сказала Лора. — Это было слишком легко. Приятно снова встретиться с вами. Это Джимми. Он наш друг.

Джимми кивнул и опрокинул в себя бокал.

Сосо наклонился к маме, словно делился сплетнями.

— Вы слышали о платье? Ее платье? Его выставили в музее, а под ним табличку с описанием. Это отвратительно.

— Да, — сказала мама, поднося стакан к губам.

— Мы все думали, что он погиб вместе с ней. Я хочу знать, кто это сделал.

Пытаясь не подставить маму, Лора вмешалась: — Я слышала, она привезла домой американца? И крутила с ним роман? Может, платье было у него?

Сосо цокнул.

— Нет. Американца не было. Варнава вернулся через месяц. Единственный американец, который остался с нами, был ... — Он затих.

— Джозеф, — закончила мама.

— Позор. Такая женщина, как ты, — сказал Сосо маме, и Лора заметила, что Джимми закатил глаза. — Мы все сожалели о том, что произошло.

Мама пожала плечами.

— Это было к лучшему.

— Итак, — продолжила Лора, — после того, как вы все вернулись, через пару недель была инаугурация, и эта, вроде, бескровная попытка государственного переворота. На самом деле, ведь никто не знает, что произошло.

— Не более чем испорченная вечеринка. Все стали немного хулиганить. Во второй день, естественно, обнажили ножи, а в третий мы все посмеялись. И наш принц, возможно, немного дал волю эмоциям.

— Сосо, серьезно. Остров закрыт уже двадцать лет — вмешалась мама.

— Официально да. Неофициально — Брунико всегда в бизнесе.

— Это было двадцать лет назад, — сказала Лора. — А принцесса умерла, так? Шесть, семь месяцев назад? Я не понимаю, почему правда не может выйти наружу за все это время. Сейчас никто не может с ней что — нибудь сделать.

Сосо оглядел ее с ног до головы, словно оценивая для драки, и она испугалась, прежде чем вспомнила, что напротив нее сидит Джимми.

Затем Сосо расплылся в улыбке и хлопнул рукой по столу.

— Лала! Ты такая же! Очень серьезная девушка. Конечно, секреты, которые Брунико хранит у себя на протяжении двадцати лет, можно обсудить за вином в кафе. Правильно?

— Нельзя винить девушку за попытку, — сказала Лора. — Так принцесса влюбилась в кого — то, пока была здесь, или нет?

— Влюбилась.

— Но не в американца. — Сказала Лора.

— Нет, в американца.

— Но вы сказали, что единственный американец, который вернулся с вами, был Джозеф Карнеги.

Сосо посмотрел на Лору, затем снова на маму. Джимми издал глубокий горловой звук, который предшествовал тому, чтобы он сказал: «О, ты шутишь». Мама схватила свои вещи и выбежала, а Джимми побежал за ней. Лора же, до которой всегда долго доходило и жившей всю жизнь с выдуманной историей об отце, смотрела на Сосо, пока ее не осенило.

— Но это был Варнава ... — прошептала она.

Сосо проглотил вино и медленно покачал головой, поджав губы, как будто он был самым несчастным человеком на земле.

— Принцесса Филомена и мой отец были влюблены?

— Да.

Она нашла в сумке пачку сморщенных банкнот и бросила их на стол, побежав вслед за матерью.

***

В округе такси не было. Мама явно прилагала титанические усилия, чтобы удержаться от какого — то уродливого нервного срыва. Лора предположила, что ее мать держится ради Джимми. Или ради нее. Или просто потому, что было неприлично истереть в пятницу вечером в районе Митпэкинг.

Лора, могла с некоторой уверенностью сказать, если бы она вышла замуж за Джереми и родила с ним двоих детей, только для того, чтобы узнать, что он действительно гей, а затем

двадцать лет спустя узнала, что нет, он не был геем, он просто сбежал с принцессой, ну, это могло бы ее сломать. Потому что тогда речь не шла бы о грубых словах, которые она наговорила, или о том, что они неправильно выбрали друг друга. Это было бы о ней и ее неспособности доставить ему удовольствие, ее неспособности удержать его, такой глубокой неудаче, что ему пришлось солгать об этом.

Она предположила, что мама думала обо всем этом, но Лора это не волновало.

— Мам, здесь чего — то не хватает. Какой — то политической причины. Другая причина. И как здесь был замешан верховный принц? Я имею в виду—

— Тебе нужно заткнуться, — сказал Джимми.

— Мне что?

— Тебе нужно просто вернуться в квартиру своего парня сегодня вечером и оставить ее в покое.

Лора уперлась кулаками в бедра.

— Что?

— Ты слышала меня.

— Вы двое! — крикнула мама и смягчилась. — Лора, ты в порядке? Я знаю, что тебе тяжело.

— Я в порядке, мама. Я просто злюсь на тебя.

Мама положила Лоре руки на плечи.

— Ты хорошая девушка. Не сердитесь на меня. Честно говоря, я удивлена, как мало мне до этого дела.

— Правда, мама?

Она пожала плечами.

— Действительно. Уже двадцать лет прошло. Я устала и хочу домой. Вот и все. Ты поедешь с нами или останешься в городе?

— Я просто пойду пешком. — Было далековато, но интенсивная декабрьская прогулка посреди ночи пошла бы на пользу.

Мама протянула Джимми руку.

— Ну давай же. Такси нигде не будет. Давай пойдем к метро и посмотрим, встретим ли что —нибудь по пути.

Мама и Джимми спустились в Гансевоорт, держась за руки. Лоре это нравилось. Джимми повернулся и помахал рукой один раз, затем снова через полквартила, как будто он не верил, что она действительно собирается просто дойти до 24-й улицы, и он был прав. Когда они повернули за угол, Лора развернулась на каблуках и вернулась в кафе.

Ей было нужно больше информации от Сосо. Он любил принцессу? Были ли они женаты? Были ли у них дети? У нее где — то бегали более красивые сестры? Где он был?

Лора прошла входную дверь, и двинулась к задней части ресторана. Она собиралась подкрасться к этим ублюдкам — крысам и арестовать их — или того хуже — ей было все равно. Фактически, она собиралась взять на себя труд полиции.

Как и любое старое здание в городе, кафе отапливалось паровыми радиаторами, и в относительно теплую декабрьскую ночь было вполне вероятно, что открытое окно было единственным спасением для людей внутри. Так что она прокралась к черному ходу — прямо как работник службы безопасности в гетто. На двери была стальная сетка, не от чего не защищающая, — несмотря на стоимость недвижимости. Когда она подошла ближе, решила на секунду заглянуть внутрь, прежде чем войти и воткнуть что —нибудь острое в

любое движущееся тело.

Сосо вышагивал по тому, что выглядело как подсобка. Его длинные ноги преодолевали расстояние от стены до стены в три шага. Через сетку было трудно разглядеть, но она заметила стол и лампу с красным абажуром — клише, вместе с изображением дамы на черном фоне с расколотым бюстом и серьгами — кольцами.

— Я не знаю, что она знает, — сказал Сосо. — Если бы она хотела поговорить со мной, она могла бы сделать это двадцать лет назад. — Он помолчал, затем сказал: — Я все устрою, если найду его. Он похож на клуб дыма, и вы даже не представляете, насколько этот город огромен. — Он сел, сбросил ботинки и потер носки пальцами ног. — Да ваше высочество. Я позабочусь об этом. — Он повесил трубку, когда вошел официант в принтованной рубашке с бокалом молочного вина.

— Что он сказал? — спросил «Набивная рубашка».

Сосо только покачал головой и положил ноги на стол. Лора задержалась, казалось, на целую вечность, но Сосо так и не ответил, а когда парень молча ушел, она ушла. Было явно не подходящее время, чтобы задавать кучу вопросов об отце.

Глава 10

В пятницу вечером Лора попыталась заснуть, но не смогла. Дом Джереми казался еще более огромным, чем в любую другую ночь. Более пустым. Менее дружелюбный. В полночь она подошла к дивану и попыталась позвонить ему, но ее перенаправили на автоответчик. Она открыла свой рабочую почту и обнаружила полную чушь. В электронном письме от Венди говорилось, что Тиффани, их помощница, которую перевели из отдела дизайна в технологический отдел, должна была сделать для фабрики лекала, удлинив рукава футболки на два сантиметра, но вместо этого укоротила их. Ткань раскроили и собрали для прострачивания. В итоге, вещь с длинными рукавами превратилась в изделие с рукавами три четверти, и Венди недвусмысленно предупредила, что магазины, вероятно, получат 20-процентную скидку на все размеры.

Лора распорядилась, чтобы Венди отправила распоряжение на фабрику, чтобы отпустили припуск на пол сантиметра в низу рукава и обработали московским швом. Таким образом, рукав будет короче на полтора сантиметра, а не на три, но на нем не получится сделать красивой прямой отстрочки. Такое изменение требует больше времени и усилий, а еще это удар по финансам Джереми.

Закрыв свой ноутбук, она задумалась об обрывках разговора Сосо. Он знал маму, но его привязанность была притворной или, по крайней мере, о ней не должно было стать известно великому принцу, который, казалось, проявлял интерес к платью и поиску ее отца. Похоже, он не был заинтересован в том, чтобы причинить боль матери, но у Лоры было неприятное предчувствие по поводу этого парня. Она решила, что Сосо скорее всего ищет папу, и когда он его найдет, дела у гея — гетеросексуала, бросившего семью, пойдут не очень.

Могло ли это быть причиной тех писем? Криком о помощи? Помощь, о которой он понимал, что не имеет права просить, учитывая все обстоятельства? И почему тогда нет контактной информации? Почему просто смешные признания в любви? И почему целый трактат для маленькой чертовой Лалы? Маленькой козявке, которая высказала взрослому мужику, что у него слишком узкие штаны? Боже, должно быть, она была невыносимой, когда минула фазу милого создания? Что — то бессознательное мелькнуло перед ней,

находящейся между сном и явью, и она обняла подушку на кушетке.

Воспоминания снова нахлынули на нее. В горле что — то скреблось: булавка. Булавка. Я проглотила булавку! Она держала их зажатыми между губами, когда мама давала ей уроки шитья. Всем показалось, что это мило, что она положила их туда, как настоящая швея. Однажды она слишком сильно вдохнула, и в горле застряла булавка. Она смотрела в потолок, и люди стояли над ней и кричали. Чувство паники было непреодолимым и грозило выдернуть её из воспоминаний. И она, и сейчас, как и в прошлом начала делать короткие вдохи. Боковым зрением она увидела стол для раскроя, высокие окна и четыре вида одежды разных размеров. Она увидела Руби, в шестилетнем возрасте, онемевшую, с зажатым в пальцах «Vogue». Мама вытащила оставшиеся булавки изо рта Лоры, что — то сказав, что она в панике не расслышала.

Над ней склонился мужчина с большим лицом.

— Расслабься, — сказал папа. — Я с тобой.

И она действительно расслабилась. Она открыла рот, и он прижал ее язык одним пальцем. Она не сопротивлялась, не кашляла и не дергалась, потому что в его надежных руках чувствовала себя в безопасности. Он стоял рядом с ней на коленях, карие глаза были сосредоточены, лицо было обеспокоенным, но он все равно залез пальцем в горло и с третьей попытки вытащил булавку.

***

Она проснулась на полу в гостиной, солнце светило ей в лицо, а на расстоянии вытянутой руки надрывался телефон. У нее болела голова. Ныли плечи. Во рту стоял вкус бруниканского вина.

— Джереми? — про булькала она, поднимая трубку, даже не посмотрев мутным взглядом на входящий номер.

— Джимми.

— Что?

— У твоей матери случился сердечный приступ.

Она вскочила на ноги. Комната немного закружилась, но ей удалось удержаться в вертикальном положении, схватившись за спинку стула. — Где она?

— Ее только что доставили в отделение скорой помощи в Бет Исраэль.

Лора пошла в ванную комнату, совершенно не понимая зачем. — Она умрет? — Потом она чуть не побежала на кухню, но когда добралась до стойки с хромированной коробкой лекарств Джереми, снова не смогла вспомнить, что хотела сделать.

— Я не знаю.

— Я уже еду. — Она повесила трубку. Быстро приняв душ и одевшись, девушка выбежала на улицу и набрала Руби.

— Алло? — прокричала в трубку Руби, стараясь перебить громкую музыку на фоне..

— Отойди в тихое место! — закричала на нее Лора.

Дама, шедшая перед ней, повернулась, одарив возмущенным взглядом, Лора в ответ показала ей средний палец. Женщина повернулась и пошла быстрее. По телефону она услышала, как смывают воду в туалете, хихикают девушки, и Руби, бормотавшую: «Черт возьми, это мой единственный выходной ...»

— У мамы случился сердечный приступ.

— Она умирает?

— Я не знаю. Я не знаю когда и не знаю как, и я точно ничего не знаю. Но, пожалуйста, не отключай телефон и не будь в гребаном клубе, когда я звоню. — Она прыгнула прямо под колеса такси, заставляя водителя резко затормозить, открыла дверцу и села сзади.

— Я сейчас же вылетаю домой.

— Позвони мне, прежде чем сесть в самолет.

Она собиралась повесить трубку, когда услышала голос Руби. — Лора!

— Что?

— Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю. Приезжай домой.

***

На первом этаже больницы располагался сувенирный магазин, и Лора купила набор для вышивания с желтой птичкой на ветке. Стоимость его была толи два доллара, толи двести, Лоре до этого не было никакого дела. Каким — то образом она нашла маму в огромном здании, сказав ее имя как можно большему количеству людей с ламинированными бейджами на шее. Джимми стоял в холодном коридоре, листая журнал. Яркий свет не скрывал его усталость. Он выглядел так, будто не спал всю ночь, усы были неровными, достававшими до щетины на щеках.

— Как она? — спросила Лора.

Он сложил свой журнал.

— Все время пытается сбежать.

— Еда, наверное, слишком вкусная.

— Ее стряпня не причинила тебе никакого вреда. — Он действительно заботился о маме. Он побыла только на половине их свидания, а уже встает в стойку из — за шутки о вкусе еды?

— Спасибо, что остался. Если хочешь домой — иди, я передам ей, что ты ее ждал.

Он прислонился к стене и взглянул на нее.

— Как думаешь, кто стоит за убийством принцессы?

О, значит, он намеревался остаться. Ну ладно. Маме было выгодно, чтобы он был рядом, и, если она ему так нравилась, тем лучше.

— Ну, она погибла в огне. Так что нет никаких доказательств того, что это вообще было убийство.

— А если представить, что было. В любом случае мы не сможем войти туда, пока они не закончат тыкать в нее иголками.

Лора тоже прислонилась к стене. Беспокойное хождение по комнате совершенно не помогало.

— После месяца, проведенного в Нью — Йорке, она вернулась на остров с моим отцом, спасибо тебе, на бал по случаю инаугурации. И да известно, что он продлился три дня, и все эти три дня она была в великолепных оранжевых платьях.

— А кто делал два других?

Лора об этом не думала.

— Понятия не имею. Мы можем спросить у мамы. Но что бы с этими платьями не случилось, начался Двухнедельный переворот. Значит, можно предположить, что если бы верховный принц хотел ее смерти, она бы умерла двадцать лет назад.

— Если бы это был верховный принц. А как насчет твоего отца?

— Может быть. Но сейчас он в Нью — Йорке, потому что письма были доставлены вручную. Я случайно знаю, что Сосо не знает, где он, но как только я его найду, высеку его за то, что он довел маму до сердечного приступа.

— Сердечный приступ случился не из — за твоего отца.

— Ну, ее стряпня не причинила ей никакого вреда.

Он ухмыльнулся и снова открыл свой журнал.

— Двадцать лет — хорошее круглое число.

Из маминой палаты вышла медсестра, держа в одной руке блокнот, а в другой выкатывая тележку с инструментами.

— По одному, — сказала она.

— Иди, — кивнул ей Джимми.

***

В больничной одежде и с капельницей мама выглядела ужасно, но, несмотря на это, увидев Лору, улыбнулась и помахала ей рукой.

Лора взяла за руку.

— Мам, я так ...

— Что у тебя в сумке?

— Что?

— У тебя есть расческа? Я выгляжу так, будто меня протащили по земле.

— У тебя только что был сердечный приступ. — Но Лора все равно открыла сумку и начала рыться в вещах. У нее была небольшая расческа, несколько заколок для волос и тюбик помады, который она припрятала на тот случай, если они с Джереми свернут за угол и наткнутся на папарацци.

— Я так рада, что ты зашла первой. — Мама схватила расческу и попыталась сесть, но сжалась от усилия и откинулась обратно. Девушка забрала из рук гребень и принялась сама поправлять матери волосы.

— Он полицейский, мама. Он видел людей и в худшем состоянии.

— Ой! Обязательно так дергать?

— Руби уже в пути.

— Главное, что бы ни влезла в неприятности по дороге.

— Скажешь ей это, когда она приедет. Эта заколка подойдет? — Лора вытащила из сумки зажим со стразами и перьями. Он остался от какого — то мероприятия, где она распустила волосы после коктейлей, а зажим кинула в сумку.

— Это немного кричащее для больницы.

Достав тюбик с консилером, девушка начала аккуратно наносить маме под глаза, стараясь закрасить темные круги.

— Прощлой ночью мне приснился сон или, может быть, воспоминание о том, как я проглотила булавку. Папа вытащил ее. Это на самом деле было?

— Да. Ты тогда притворилась маленькой швеей. Больше не притворяешься.

— Даже не начинай. — Лора растушевала консилер и мазанула кисть с пудрой по щекам. — Я так далека от того, чем хотела заниматься. Кроме работы с Джереми, которую я действительно люблю. Вся работа сводится к бумагам, раздаче распоряжений и исправлениям той работы, которую я сама могу сделать в разы лучше. Не думаю, что я счастлива, но мне нужно уделять больше времени работе. Я не знаю. — Она в последний раз прошла у матери под глазами. — Все. Великолепно. Десятка лет как ни бывало.

— Спасибо.

— Пожалуйста. А теперь я пришло Джимми и сделаю несколько звонков. Потом решу, что делать с платьем, принцессой и папой, потому что это меня скоро сожрет изнутри.

— Не вини его в этом. — Мама взмахом руки указала на кровать.

Лора поцеловала ее в щеку и вышла, вышла, чтобы отправить Джимми к свежееукрашенной маме.

Зал ожидания был оформлен в самых общих оттенках синего и серого. Потертости на стульях и узор ковра крайне раздражали Лору. Все свободные места были заняты, кроме тех, что находились рядом с кем — то. Она села на низкий, заваленный журналами столик лицом к окну. Хотелось побыть одной. Она хотела побыть одна. Отгородившись от всего мира, она прижала к уху телефон.

— Алло? — ответил сонным голосом Джереми. В Китае был час ночи. Услышав его голос, она чуть не разрыдалась, а он еще больше усугубил ситуацию. — Лора?

— Мама в больнице. Врач сказал, что завтра ей нужно сделать шунтирование, так что не думаю, что пойду на работу. Прости. Я постараюсь отвечать на электронные письма отсюда.

— Эй, там. Помедленнее. — Его голос охрип, и он закашлялся. — Подожди. — Он кашлял добрых пятнадцать секунд.

— Я могу перезвонить.

— Нет. Помолчи. Все хорошо. Я попытаюсь выбраться из Гуанчжоу, но, возможно, мне придется ехать через Гонконг.

— Что? Нет, Венди справится с офисом. Я буду консультировать ее по электронке.

Он снова закашлялся. Это происходило всякий раз, когда он просыпался, независимо от того, в какое время, и все что она могла делать — это расслабиться и ждать.

— Ты в порядке? — наконец спросила она.

— Венди? — спросил он.

— О, Боже, ты прав.

— Не волнуйтесь. Пожалуйста. Я вернусь через два дня. Прости. Это лучшее, что я могу сделать.

— А я говорю, что нет никакой необходимости прилетать. Я буду в офисе не позднее утра вторника.

— С ума сошла? Я не на работу вернусь. Я вернусь к тебе.

Ей было трудно говорить после этого, и те долгие паузы, которые она выжидала ради него, ответили взаимностью сейчас, когда она старалась не шмыгать носом или не фыркать слишком громко в трубку:

— Я так волнуюсь, — сказала она между рыданиями. — Это из — за папы. Я даже не могу ... слишком долго объяснять. Но если она умрет, я убью его. — Последнее слово прозвучало совсем негрозным писком.

— Она не умрет.

— А вдруг.

— Лора?

— Джереми.

— Мне нужно позвонить в авиакомпанию и улететь. Я перезвоню тебе?

— Скажи, что любишь меня, — попросила она.

— Ты любишь меня.

— Ты тоже меня любишь.

— С тобой все будет в порядке?

— Поторопись домой.

***

Джимми вышел из палаты, когда она вешала трубку, звеня ключами, очень сосредоточенный.

— Куда ты? — спросила Лора, будто бы он обязан был ответить ей.

— Заберу кое — какие вещи из дома. Тапочки, и по мелочи. — Он сжимал в руке листок бумаги, выглядя немного расстроенным, немного бледным и сбитым с толку. Она находила это странным для офицера полиции, который, вероятно, несколько раз истекал кровью.

Лора протянула руку к листу бумаги.

— Я пойду. Ты останься. — Он не дал ей список. — Дело вот в чем. ама думает, что если она попросит меня сходить за вещами, она побеспокоит меня, и она скорее побеспокоит тебя. Но держу пари, она не хочет, чтобы ты был в ее ящиках. На самом деле, держу пари, ей будет очень неудобно знать, что ты забираешь ее нижнее белье. Так что...

Она пошевелила пальцами, и он вложил в нее бумагу.

***

Она была рада уйти из больницы и заняться чем — то полезным. Ей никогда не удавалось усидеть на месте, и эта история с мамой действительно стала испытанием ее выносливости.

Собирая теплые мамины тапочки и носки, копаясь в ее шкафу в поисках удобной ночной рубашки и каких — нибудь памятных вещей, чтобы утешить ее в странной обстановке, Лора снова наткнулась на фотоальбом. Она открыла его. Папа. Везде папа. Она попыталась запомнить его лицо, но видела только Руби, пока не присмотрелась так внимательно, что фотография стала рассыпаться на зернистые точки. Даже когда она искала Барнаби с его аккуратным костюмом и косым пробором, ее глаза всегда возвращались к отцу, его стройной фигуре и мягким на вид волосам. Она изучила его лицо в поисках какой — то связи, но не нашла ничего.

Зазвонил телефон.

— Привет, Барри.

— Я снова готов скрасить твой вечер. Гарантирую, что на 25-й улице есть клуб, в котором ты еще никогда не была.

— У моей мамы завтра утром операция.

— Сожалею, — сказал он.

— Подожди, как называлась транспортная компания, которая привезла платье?

— Боже мой, какой кошмар. Эта сумасшедшая сучка настояла на них. Подожди. — Она услышала шорох телефона и какие — то щелчки. — «Laranja Transport». — Он продиктовал по буквам и дал номер со словами. — J произносится как X.

— Спасибо. Знаешь, что это за язык? Похоже на испанский.

— Возможно. Это же я дал и копам. Так что, будешь задавать одни и те же вопросы.

— Наверное. Спасибо, Барри. Я знаю, что ты ждешь от меня ответа по другому поводу.

— Ты должно быть слышала, мы размещаем акции на фондовом рынке. Руководящие должности должны быть укомплектованы. Это важно. У тебя есть несколько дней, хорошо?

Потом мне придется утвердить кого — то менее желанного.

— Я так и сделаю. — Она знала, что должна была просто сказать ему «нет». Ей следовало сказать, что она всегда хотела работать только с Джереми, с момента самого первого собеседования, когда они склоняясь над швейной машинкой, создавали рубашку, которую ему потом пришлось выбросить. Она должна была сказать, что иметь своего любовника и своего партнера в одном лице было здорово для нее, что это превращало ее жизнь в замкнутую сферу, которая была приятной и комфортной. Но она не могла промолвить ни слова. Почему она своим молчанием предала Джереми? Разве она не была лучше любой другой гребаной сучки из мира моды, что предадут на каждом шагу? Или она просто собиралась остаться с ним и проснуться через двадцать лет, гадая, останется ли она для него лучшей?

Собирая мамины вещи, она подумала, что двадцать действительно хорошее круглое число, не так ли? Как тюремный срок.

***

По дороге в больницу она нашла адрес «Laranja Transport». Сидеть все время в крошечной палате и чувствовать себя обузой Лоре не хотелось. Адрес был следующий: «Сток — отель» на западной стороне. В «Стоке» располагались только бутики Джимми Чу, «Barnes and Noble» и «Rumpin's Brewery» на первом этаже. Позвонив по оставленному Барри номеру, она попала на автоответчик, который посоветовал оставить сообщение после гудка, что она и сделала. Но была абсолютно уверена, что никто ей не перезвонит.

Когда она поднялась в палату, мама смотрела новости.

Лора бросила сумку и села на последний свободный стул, уставившись в экран.

— Где Джимми? — спросила она, надеясь, что этот парень хоть немного отстанет от мамы.

— Пошел найти, что —нибудь поесть. — Она ткнула на свой поднос с ужином в пластиковой упаковке.

Лора посмотрела на него.

— Кто это готовит? Садисты?

Мама включила телевизор.

— Смотри.

Принцесса Филомена танцевала со своим мужем, и диктор радостно сообщал за кадром, что верховный принц Брунико прибыл в аэропорт Ла — Гуардия тем же утром, чтобы возобновить торговые отношения с Соединенными Штатами, но, когда на экране появлялось старое видео с принцессой, диктор становился совершенно неуместным на видео. Разве можно было сосредоточиться на какой — то фигуре о торговых отношениях, когда это сияющее, потрясающее существо парило по экрану телевизора. Ее пропорции и движения олицетворяли золотую середину, больше всего приятные разуму и сердцу. Ее улыбка не отражала скрывающуюся ото всех правду, но была такой открытой, как будто принцесса улыбалась от души, полностью отдаваясь моменту наслаждения. Какой она должна была быть? Ее переживания, должно быть, были успокаивающими и драгоценными.

— Она была особенной, не так ли? — спросила мама.

— Ты бы догадалась.

— Она была нечто .

Бруниканский двухнедельный переворот преподавался в колледже, если вы изучали

обязательные гуманитарные науки в школе дизайна, а учительница отчаянно хотела найти точки соприкосновения со своими учениками, например, принцесса Филомена, светская львица и звезда моды. Переворот не считался поворотным моментом в мировой истории, но был явным примером бескровной попытки смены власти и сдерживающим фактором в экспорте торфа на мировой рынок.

А его влияние на колонки светской хроники было огромным. На третий день инаугурации представителей высшего света и политиков собрали, как скот, и посадили в лодки. Их багаж был отправлен за ними, большая часть его по почте. Экстрадиция выглядела таким вынужденным исходом пролитого вина, сломанных каблуков и уязвленного эго. Монтего Банди, банкир, с прямой спиной сам сел на свою личную лодку, а в качестве гребца нашел мощного актера Роберто Торпа. Дружба, сложившаяся по пути в Аргентину, переросла в известное сотрудничество в области кинематографии. Чего нельзя сказать о сотне людей в вечерних нарядах, сидящих на пароме на шестьдесят человек. Локти и ушибленные ноги в этом путешествии породили знаменитую вражду между Юзаль Лапидус и Грейс Серт, что в конечном счете привела к уведенному мужу, отчисленным из Уайтхолла детям, и до сих пор спорной аварии с участием «Ягуара».

Как результат бесконечных жалоб сильных мира сего Соединенные Штаты и Брунико прервали все торговые связи. Это решение не затронуло никого, кроме продавцов роскоши на черном рынке. Было несколько забавных предположений о произошедшем, но правда никогда не покидала пределов Брунико. Были только предположения. Например, некоторые думали, что принцесса пыталась убить своего мужа, чтобы исполнить один из бруниканских законов, согласно которому, если первый мужчина в семье умрет неженатым или бездетным, и не будет других мужчин, которые могли бы занять его место, женщина могла стать монархом до двенадцатого дня рождения следующего наследника мужского пола. Других условий для восшествия на престол женщины не существовало, но всегда находились наследники — мужчины.

Но фактов было мало. Сообщалось, что остров был закрыт в течение двух недель, поэтому события происходившие на нем были названы Двухнедельным переворотом, пострадавшим были отправлены извинения и денежные компенсации. Принцесса перестала появляться на публике, но представители политической и финансовой элиты сообщали, что она жива и здорова, потому что, хотя остров официально был закрыт, сомнительные предприятия продолжали работать.

И платье каким — то образом покинуло остров, потому что Чард Барнаби хотел... чего? Защитить ее наследие? Защитить свое? Что он был за человек, помимо ловкого финансиста, бросившего все, чтобы жить на голой скале?

В маминой больничной палате телевизор переключился на современную четкость. Великий принц Сальвадор давал интервью о своей поездке в ООН. Он был виден только в профиль. Голос был с сильным акцентом, и Лора не понимала, на каком языке он вообще говорит.

— Что они там говорят? — спросила она маму.

— Это смесь португальского и английского.

Сальвадор исчез, и его место заняла какая — то пьяная знаменитость. На Лору принц произвел не сильно положительное впечатление. Он казался вульгарным и грубым. Она понятия не имела, что такая женщина, как принцесса, увидела в этом мужчине. И так и не смогла понять, зачем верховный принц мог приехать в Нью — Йорк, если только не из — за

пропавшего шафранового платья.

Глава 11

Воскресное утро. Ответы на электронные письма. Три часа сна. День обхода. «Это легко. Все так делают. Первокурсники в мед. школе... Да, это не дубль, а тройка, к сожалению, но лучше перестраховаться... Не хочу снова операцию... Вам дать что — нибудь от стресса, мисс Карнеги? Ты выглядишь расстроенной?»

Нет, от стресса ей ничего не нужно. Руби была в воздухе, а Джереми где — то в Китае. Джимми был рядом, потом ушел. Затем он вернулся с кофе, который она выпила.

— Тебе необязательно торчать здесь, — сказала она. — Я тут.

Он сел рядом с ней на заваленный журналами стол.

— У меня все в порядке.

— Тебе не должен чувствовать себя обязанным.

Он ухмыльнулся и покатал чашку между ладоней. Раньше, ей казалось, что он из тех, кто хватается за лом при малейшей провокации, но он не выглядел рассерженным.

— Твоя мать рассказывала мне о твоём деле, о... э — э... расследовании. Знаешь, она гордится тобой. Но, честно говоря, я не вижу потенциала. Ты на многое не обращаешь внимания, это все, что я могу сказать. — Положив ногти на колени, он многозначительно смотрел на нее. Джимми сбрил и подрезал усы — примерно тридцать процентов соли на семьдесят перца. И у него были все волосы, хотя и с легкой проседью.

— Мне столько всего приходится держать в голове.

— Ты должна обращать внимание на все, что вокруг тебя, даже когда думаешь о чем — то другом. Видишь ли, судя по тому, что я понял, что ты хорошо анализируешь и сопоставляешь факты, но только те, что у тебя в голове. Тебе нужно больше смотреть вокруг. — Он указал двумя пальцами от глаза.

— Хочешь сказать, что будь я внимательней, то заметила бы, что ты уже давно что — то мутишь с моей мамой?

— Это ты мне скажи.

Лора вздохнула. Он раздражал. Ей хотелось выпрыгнуть из кожи, а не переживать прошедший год заново.

— Пошли, — сказал он. — Здесь нам делать нечего. А из тебя паршивый детектив. Есть инстинкт, но нет метода.

Лора покачал головой из стороны в сторону с закрытыми глазами.

— Ближе к концу дела с Томасиной, когда копы, наконец, впустили Руби в ее квартиру, она мыла столешницу и говорила мне, что ты обещал ей новую, и я подумала, как она могла говорить с тобой за последние восемь часов? А было утро. Она говорила с мамой, которая, должно быть, говорила с тобой. Когда? Ночью? Это было три месяца назад.

— Дольше.

Лора потянулась назад, потому что ей больше нечего было делать, и он был прав: она была довольно паршивым детективом.

— В тот день, когда сломалась стиральная машина, вскоре после того, как мы переехали. Мама починила ее.

— Да неужели?

— У нее был гаечный ключ, раньше я его не видела. Он щелкнул при повороте. — Она

повернула рукой, имитируя вкручивающиеся движения. — Больше я его не видела. Даже когда мы разобрали пол в стенном шкафу.

— Когда вы что??

У нее зазвонил телефон, и Лора кинулась рыться в сумке.

— Ты не обратил на это особого внимания, правда? — На экране высветилось имя Джереми. Она извинилась, оставив Джимми гадать, с какого этажа они сняли пол.

— Эй, — сказала она.

— Понедельник, полдень, — сказал Джереми. — Я приеду прямо из аэропорта.

— Операция у нее сегодня.

— Держи себя в руках. Ты же знаешь, что они все зависят от тебя.

— Не дави.

— На тебя? Никогда.

Он повесил трубку. В понедельник после обеда. До тех пор она сможет продержаться. Проще простого.

***

Повесив трубку, Лора почувствовала раздражение, и оглянулась на успокаивающе — раздражающие пастельные рисунки на стенах. Универсальные. Как и вообще все. Какое ужасное место. Она не знала, что её так разозлило, но за секунду Лора превратилась из слезливого овоща в противную злобную крысу. Она злилась из — за мамы, которая наконец — то съехала из квартиры, в которой жила в несчастном браке и вырастила дочерей. Мама действительно начала с кем — то встречаться и тут же узнала, что все истории, которые она рассказывала себе, и рассказывали ей, оказались неправдой, а вина и боль, которые она отпустила, были неправильной виной и болью, и все пришлось начинать все сначала.

Лора злилась на Брунико. Злилась на принцессу. Была в бешенстве на Сосо. Однако, в основном, она злилась на папу. Сильнее, чем когда — либо, а большую часть жизни Лора была в бешенстве от своего отца. Так, растущий гнев раздвинул границы того, что, как она считала, способна чувствовать, и заполонил все ее мысли и желания. Она хотела причинить ему боль. Но сначала Лора должна найти его. Он должен быть в досягаемости. А потом она свернет ему шею, как крышку с банки.

Но мысли об отце пришлось отложить. Они преследовали ее, и она не могла сфокусироваться из — за них на работе. Маме она никак не поможет, если она все силы израсходует на отца. Она должна отпустить ситуацию, и позволить полицейским, страховой компании и всему остальному миру делать свою работу.

***

Стол Кангеми вернул, а куклу Барби поставил в рамку. У него также появился новый абажур, украшенный акушерскими тампонами.

— В этой комнате много творческой энергии, — съязвила Лора.

— Я подумываю сделать рамку для рисунка тушью для ресниц, чтобы они, наконец, заткнулись. — Кангеми откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Так что ты здесь делаешь? Тебя так привлекает моя сногшибательная харизма?

— У моей мамы случился сердечный приступ. И я подумала, что это связано со стрессом из — за платья. А ее парень, бывший коп, сказал мне, что я паршивый детектив.

— Я говорил тебе то же самое.

— И я подумала, что, черт возьми, я делаю? Почему я делаю это снова и снова? И тогда я решила, что просто остановлюсь и завтра вернусь на работу. Просто позволю тебе позаботиться об этом. Но прежде я хотела тебе рассказать, что я узнала, и сразу предупреждаю, в этом замешан мой отец, и если, вдруг, ты его найдешь, хотела попросить, выделить мне с ним пару минут наедине поговорить. А возможно, и пару раз ударить.

Он улыбнулся.

— Официально на это согласиться не могу.

— Неофициально он оставил нас, когда мы были детьми, а затем волшебным образом появился два дня назад в виде этих писем. Так что делай, что хочешь. — Она передала ему свое и мамино письмо. — Письмо для Руби находится в ее квартире, но в нем ничего интересного не было.

Он открыл их и прочитал сначала письмо мамы, потом Лоры.

— Лала?

— Да. Мило. Но мне по фигу.

Он прочитал письмо и положил его обратно в конверт.

— Объяснишь, какое это имеет отношение к чему — либо?

— А что ты уже знаешь?

— Ты пришла, чтобы я рассказал тебе, как продвигается расследование? Ну, Лора! Шестилетняя дочь моей девушки и то действует хитрее.

Она не пыталась им манипулировать. Она пыталась не утомлять его, но если он захотел, чтобы она все пережила заново, то пусть так и будет. Она выяснит остальное позже.

— Ты же знаешь, что моя мама работала над этим платьем, верно? Ты же там был. Что ж, она знала принцессу и ее окружение. Был и мой отец, который, по — видимому, работал администратором в Scaasi, когда ушел с работы инженера. И Сосо Осей. И Сэмюэль Инвей.

— Певец?

— Господи, ты серьезно? Я единственная ненормальная, кто никогда не слышал об этом парне? — Кангеми пожал плечами, она продолжила. — Нужно просмотреть фотографии мамы, ты тоже можешь это сделать, в свите было больше людей. Некто Барни и Генриетта. И они тусовались месяц, пока шли примерки шафранового платья. Я бы спросила маму, но знаете что? Я не буду ее сейчас беспокоить. Итак, в конце этой сказочной поездки в Нью — Йорк мой отец решает, что он влюблен в принцессу, и уезжает с ней в Брунико, при этом он говорит, что влюблен в Самуэля Инвея. Мы знаем от Сосо, что принцесса крутила роман с американцем, а папа был единственным американцем среди них, и Сосо почти подтвердил это, когда челюсть мамы под стол чуть не укатилась. Отсюда возникает вопрос, почему Джобет Фиалла говорит, что это ее брат любил принцессу, ведь у отца не было сестер.

— Подожди — подожди. — Кангеми поднял руку. — Вы говорили с Сосо Осей?

Невысокий парень, толкающий почтовую тележку, остановился возле стола Кангеми. Коротышка положил «Vogue», «Vazaar» и «Mademoiselle» в пластиковом пакете для специальных выпусков на стол Кангеми, но на этом он не остановился.

— Да уж. Я подумала, что он влюблен в маму, но потом услышал, как он по телефону сказал, что ищет папу, но вместо этого нашел маму, так что я думаю ...

— Ты говорила с Сосо Осей?

— Думаю, ему принадлежит это маленькое кафе на Гансевоорте. Или он там менеджер? После того, как я выпила с ним, прокралась через черный ход, а он сидел за столом.

— Сосо Осея не видели после двухнедельного переворота. Предположительно, он был казнен.

— Очевидно, это неправда.

Кангеми взглянул на Коротышку, который, казалось, закончил, но стопка журналов была в пятьдесят сантиметров высотой. Коротышка пожал плечами, и стопка рассыпалась, журналы разлетелись по всему участку. Кангеми открыл ящик, достал набор для вышивания рождественской елки и бросил его на стол.

— Отдай это своей матери, хорошо? Скажи ей, что я надеюсь, что ей станет лучше. — Он вытащил ключи из ящика. — Пойдем.

Лора взяла набор и пошла за ним к лифту.

Они спустились на самый последний этаж: В3.

— Так ты ходила в «Ирокез»? — спросил Кангеми.

— Да, с мамой.

— Значит, встретили Джобет?

— Она немного сумасшедшая. Думаю, хламоборщица. — Лора вспомнила, как Джимми говорил, что она не обращает внимания на окружение, поэтому постаралась вспомнить весь мусор в квартире Джобет. — У нее хранятся коробки с обувью семидесятых годов. Мог сказать по цветам. И я видела пакеты из химчистки «Matin's». Они не работают с 2001 года. Предположительно, она там всего шесть месяцев, поэтому я даже боюсь предположить, как квартира будет выглядеть через год.

Лифт остановился.

— Это не ее квартира, — сказал Кангеми. — Она принадлежит правительству Брунико. И они понятия не имеют, что она там. У нее просто были ключи, и она въехала. Вероятно, большая часть тех вещей просто там хранилась.

Они вышли из лифта в полутемный коридор с бежевыми стенами из шлакоблоков и гудящими, мигающими лампами дневного света.

Лора спросила: — Может, их прислал ее предполагаемый брат?

— Может, у тебя есть тетя, о которой ты не знала. — Он отпер дверь, и они вошли в небольшую комнату со столом и несколькими стульями. Детектив поменял ключ и открыл другую дверь, которая вела в огромную комнату с рядами полок и ящиков. Это было похоже на нижний этаж библиотеки. Кангеми, стуча по ящикам, пошел в боковую комнату, пока, в конце концов, не вытащил одну из коробок.

— Мама сказала бы мне, и, кстати, я должна вернуться через два часа, иначе не успею к началу операции.

— Это займет столько времени, сколько потребуется, — сказал он, ведя ее обратно в маленькую комнату со столом и стульями. — И даже будет весело. Обещаю.

— Я сюда пришла не развлекаться, а чтобы свалить все проблемы на тебя.

— Сожалею. У меня сейчас три нераскрытых убийства. Одна из жертв — несовершеннолетний. Я не буду вдаваться в подробности. А то платье? Мне было бы наплевать, если бы ты отдал его мне. Я буду отрицать это, если кто —нибудь спросит. — Он открыл коробку. — И давай посмотрим правде в глаза, Лала, ты не знаешь, как бросить что — то, если начнешь. Свалить на меня — это все разговоры.

В коробке лежали папки. У каждой папки была белая вкладка, и каждая, вкладка имелось имя.

— Это имя мамы.

Канджеми положил руку на папки.

— Бруниканская свита. Я нашел это вчера вечером. Все здесь.

— Вы вели по ним записи?

— Монархии раньше получали сведения по безопасности. А поскольку сразу после этого произошло политическое преступление, было сохранено множество записей на случай, если возникнут вопросы. Их не возникло. — Он откинулся на спинку стула. — Вот что мы знаем вкратце. Великий принц соблюдал три месяца траура по отцу. Как только они прошли, закатил вечеринку. Кстати, он никогда не упускает шанса на вечеринку, ни шанса убить невинное существо из арбалета, но он не пьет, не курит и не принимает наркотики. Ничего. Женщин во внеурочное время тоже нет, что стало проблемой в Брунико, потому что Филомена умерла, не родив ребенка. Это плохо. Нет наследника. Нет мальчика. Знаешь же, что он скоро снова женится, верно?

— Похоже, он не зря убил принцессу, — ответила Лора.

— Не знаю. Это не в моей юрисдикции. Все здесь. Ты думаешь, что переворот был переворотом, потому что тебе так сказали. Но суть вещей обычно более незначительна. Не буду утверждать, что мы знаем все. Но стоит отказаться от своих собственных предположений. — Он указал на открытый ящик. — Ничего из комнаты не брать. На выходе тебя обыщут.

Она посмотрела на часы.

— Я не успею посмотреть на все это за час!

Кангеми пожал плечами.

— Приступайте к работе, детектив.

И оставил ее одну в комнате с трёхсоткилограммовой коробкой. Мама оставалась в больнице, а сестра, вероятно, сходила с самолета из Гонконга как раз в этот момент. Внезапно в комнате стало жарко, как в пасти дракона.

Вкладки гласили:

Джоселин Карнеги

Джозеф Карнеги

Сосо Осей

Принцесса Филомена Форси

Сэмюэль Инвей

Барнаби Чард

Генриетта Осей

Лора прикоснулась к файлу матери, коснулась вкладки, затем вытащила папку. Куча мелкой информации, свидетельство о рождении, фотография и действительно жуткий бланк, где какой — то полицейский из девяностых написал от руки день рождения мамы; рост — метр шестьдесят семь; вес — пятьдесят килограмм. Черт возьми! Мама была худющей! Место рождения — Манхэттен; девичья фамилия — Смирски. Лора заставила отложить то, что она и так знала, не тратить на это время.

Папиное досье.

За всю свою жизнь она и представить себе не могла ничего лучше папки, содержащей информацию о жизни ее отца за месяц до того, как он их покинул. И она была толще маминой, что было логично, учитывая, что он ушел в Брунико, как болонка на поводке.

Она открыла папку, и отодвинула в сторону коробку. В папке сверху Лора увидела информационную страницу, такую же, как и у мамы, с написанной от руки знакомой

информацией, и фотографии, на них был изображен арест человека за непристойное обнажение в переулке позади Тауэр Рекордс. Непристойное обнажение звучало так, как будто он занимался этим делом в темноте и был пойман. На следующей странице был показан еще один арест в Рамблерс, около информационного киоска в Центральном парке. Она вздохнула. Бедный папа. Потом, когда она увидела другие фотографии, и симпатия стала исчезать. На одной из фотографий были изображены папа и принцесса, идущие по взлетно — посадочной полосе к самолету TWA. Полицейский обвел, что было едва заметно — их пальцы были переплетены, словно они держали свою связь в секрете. А на другой, в клубе, было видно, как отец болтает с Сэмюэлем Инвейем, который каким — то образом прикрыл их.

Был ли Инвей вообще гомосексуалистом? Можно это просто проверить? Да. Она вытащила его папку, на минуту отодвинув папку отца в сторону. Пролистала историю Инвей — женился и развелся. В отчете, напечатанном на бланк, описывалась его смерть через неделю после Двухнедельного переворота. Покончил жизнь самоубийством. Таблетки. Об отце не было ничего, ни слова, ни фотографии, ни намека, ни полунамека.

Все, что отец сказал маме о Сэмюэле, было ложью, которой она предпочла поверить, хотя ничто не указывало на то, что это правда. Мама была так наивна, потому что, когда Лора дошла до папки принцессы, забитой интервью и семейными скандалами, нашла там несколько фотографий принцессы и папы, очень дружелюбно общавшихся. Она возненавидела его еще больше и не могла решить, нужно ли разбивать матери сердце дальше, рассказывая о прочитанном. Лора перевернула папку и нашла отчет о пожаре, где погибла принцесса. Сухая отчетность. Никаких фотографий. Полгода назад дом сгорел дотла. Из вещей, находившихся, в доме не осталось ничего, ни бусинки, ни пряжки, ни носка, и только платье, которое в собранном виде было бы размером с кофейный столик, каким — то образом сбежало, как беглец, попав в руки Барнабы Чарда, а за месяц до пожара в руки его сестры Джобет. Будто кто — то знал, что дом принцессы будет уничтожен, и хотел спасти платье по каким — то своим непонятным причинам.

Лора прочла семейную историю принцессы. Ей было привычно воспринимать сухие отчеты, поэтому она искала что — то необычное.

Принцесса была из небольшого аргентинского городка. Со своим будущим мужем принцем Сальвадором она познакомилась, когда он был в отпуске в Буэнос — Айресе. Они вместе вернулись в Брунико. Вскоре после этого предыдущий верховный принц умер, и Сальвадор закатил трехдневную инаугурацию — охоту. Самое время.

Она открыла дело Сосо Осея. Посмотрела на часы. Куда делись последние сорок минут? Она знала об отце не больше, чем час назад. Перейдя прямо к концу дела, она нашла стенограмму иммиграционной службы. Пятнадцать лет назад Сосо вернулся в Соединенные Штаты как беженец. Интервью было долгим, и ей нужно было бегло просмотреть, иначе она опоздает.

... Жизнь в постоянной опасности. Я один из последних в живых, и если я останусь там, я знаю, что я буду следующим ...

... Никакого самоубийства. Сэмюэль хотел вернуться в Штаты, чтобы записаться еще. На второй день праздника он был готов улечь на лодке. Все знают, что случилось. Говорю вам, его посадили в тюрьму и убили. Ему было тяжело, как и всем остальным ...

... Они были счастливы в браке. Барни не мог ее застрелить. Я любил свою сестру, но я знаю этого человека. Ни за что на свете он ее не убьет ...

Пять минут. Она перешла к концу дела Генриетты. Через два года после их возвращения из Нью — Йорка ее в приступе ярости застрелил муж. Ребенка пощадили, но Барнаби направил оружие на себя. Кримиальная бытовуха.

Она пролистала досье Барни. Он родился в Парк — Форест, штат Иллинойс. Другой американец. Когда она обратилась к истории его семьи, она нашла двух сестер: Рут и Дорис. Никакой Джобет. Она протерла глаза и проклинала все святое и нечестивое.

Зажужжал телефон.

— Руби?

— Как мама?

Реальность. Лора сложила файлы и вернула их обратно в коробку. — Я не знаю. Ей все еще предстоит операция. Я в полицейском участке.

— Зачем?

— Я скажу тебе позже. Но про папу я кое — что узнала.

— О, кого это уже волнует?

Папино дело все еще было у нее в руках.

— Меня, я полагаю. Я сейчас еду в больницу. Встречу тебя. Джимми там.

— Тебе лучше быть там, Лора. Не связывайся со мной.

Лора пообещала, что уже едет, но в последний раз взглянула на папино досье. Его семейная история насчитывала больше поколений, чем остальные, и ее взгляд уловил то, что она отрицала, сколько себя помнила.

— О, — прошептала она, увидев знакомое имя наверху семейного древа. — Я родственница.

Глава 12

Лора побежала на вокзал, вниз по лестнице, через холл, затем снова вниз по лестнице. Не застав поезда, она принялась расхаживать по платформе, словно пытаясь проехать пару километров на своих прадовских туфлях, но ничего не добилась и вернулась мыслями к Брунико: «Почему оно такое отсталое?».

Руби, она нагнала, у самого входа в больницу. Они крепко обнялись, вцепившись друг в друга, как удавы.

— Где ты была? — спросила Руби, когда они подошли к лифтам.

— У детектива Кангеми.

— Тебе нужно просто встретиться с ним и покончить с этим, теперь, когда ты такая секс — бомба.

— Заткнись. — Лора не представляла, сколько едких комментариев откроет ей наличие парня. Она думала, что уже выслушала много дерьма от своей сестры, но, очевидно, Руби сдерживалась из уважения к ее неопытности.

— Я нервничаю, — сказала Руби. — Операция же не сложная. Правда?

— Тройное шунтирование? Скорее нудное. Они решают кроссворд, пока оперируют. — Лора что — то крутила в руках, пока они поднимались. — Помнишь, когда мы были детьми, у нас была няня Мариса, у которой парень жил к югу от туннеля. Она брала нас с собой и курила сигареты на крыльце. Верно?

— Да. И везде шныряли дети.

— Помнишь парня, который иногда носил кислородную маску? Тощий такой? Немного

старше нас, но моложе Марисы? Он не мог бегать, потому что начинал задыхаться. И никто его не трогал, потому что боялись заразиться?

— Да, — ответила Руби, постукивая ногой. Ее мысли, должно быть, были сосредоточены на маме, потому что этот вопрос, казалось, совсем ее не насторожил. — Он все время сидел в винном погребе.

— Помнишь, что с ним случилось?

Руби пожала плечами.

— Наверное, уже умер. — Затем она сказала, почти как спохватившись: — Бедный ребенок.

Когда двери лифта открылись, Руби схватила Лору за руку, и они пошли в зал ожидания, где сидел Джимми. Он встал, когда их заметил.

— Это странно, но, — прошептала Лора, — да, он встречался с ней гораздо дольше, чем я предполагала.

— А ты не знала?

— Не бери в голову.

Джимми подошел к ним и обнял Руби.

— Доктор только что подходил. Сказал, еще час.

— Что? Почему? Что случилось?

Он пожал плечами.

— Без понятия. Где ты, черт возьми, была?

— Присядь, сейчас расскажу.

Они заняли три стула вокруг низкого журнального столика и придвинулись друг к другу, чтобы можно было спокойно поговорить. Лора рассказала им о неудавшемся перевороте, коробке с документами, бруниканской свите и бегстве Сосо Осея, если можно так выразиться, после убийства его сестры Генриетты.

— А папа? — спросила Руби. — Живой?

— По — видимому. У нас есть письма, а мама ничего не сказала по поводу подчерка.

Джимми наклонился вперед.

— Прошло двадцать лет. Она могла ошибиться. Люди — худшие свидетели.

— Он здесь, — сказала Лора. — В городе. И он видел меня в новостях.

— Разве ты не особенная? — проворчала Руби.

Джимми ухмыльнулся.

— Давай, продолжай.

— Как ты заметил, двадцать лет — хорошее круглое число. Что, если он сидел в тюрьме за участие в перевороте или чем — то подобном? Незначительной и глупой вещи, из — за которой все они попали в беду и были заперты на острове на две недели? А что, если он вернулся сюда, оставить нам эти письма, а потом он каким — то образом узнает, что платье пропало из Метрополитена ...

— Эй, эй, — сказал Джимми, подняв руки. — Ты ищешь связи без каких — либо фактов. Мы говорили об этом.

Лора откинулась на спинку стула, разминая шею, сначала просто, чтобы перестать беситься, но Джимми был прав, его нужно было выслушать.

— Эти письма появились в тот день, когда в новостях появилась информация о подмене платья. Мы знаем, что он наблюдает за нами, он так и сказал.

— Наблюдает за тобой, — сказала Руби.

Лора уловила намек на ревность, какую она сама испытывала к Руби и маме, что один ребенок был немного предпочтительнее в родительском сердце.

— Мы также знаем о том, что он наблюдает, потому что в письмах нет обратного адреса.

— А это значит? — подсказал Джимми.

— Это значит, что он знает, что может найти нас, когда мы ему понадобится. Но не хочет, чтобы его нашли. Но он хочет, чтобы мы знали, что он здесь. — В письмах было еще кое — что, что она почувствовала, но не стала заострять внимание, будучи крайне расстроенной. Кангеми писем не взял, поэтому она вытащила их из сумки и открыла свое. Бумага была вырвана из перфорированного блока. Она протянула его Джимми.

— Понюхай это.

— Нафталиновые шарики.

— Что думаете? — спросила Лора.

Руби принялась и пожала плечами.

Лора проверила мамино письмо. Пахло так же.

— Блокнот лежал среди шерстяных вещей? — предложила Лора, но это не имело никакого смысла. — Нафталиновые шарики используются только для хранения, и только в квартирах, где живете, поэтому предположения о двадцатилетнем заключении безосновательно.

— Сказал житель Нью — Йорка, который вырос в квартире с контролируемой арендной платой, — сказал Джимми. — Многие люди хранят вещи на складе, когда уезжают. А когда возвращаются, то забирают их.

— Значит, моя теория верна? — с надеждой спросила она.

— Боже милостивый, Лора. Хочешь печеньку? — Руби, огрызнулась.

— Ты летела экономом?

— Да, вообще — то, и спасибо, что спросила.

Лора взглянула на сестру. Единственной строчкой макияжа было черное пятно под левым глазом, а волосы с одной стороны выглядели растрепанными. Она обняла Руби за плечи.

— Ты выглядишь как тряпичная кукла, но я люблю тебя.

Руби отпихнула ее.

— Итак, — вмешался Джимми. — Место для хранения.

— Что? О, место для хранения. Мы находим, где он хранит свои вещи, и заглядываем туда. — Она посмотрела на мужчину, чтобы понять, о чем он думает, но его лицо ничего не выражало.

К ней подошла доктор с взъерошенным хвостиком, торчащим из — под голубой шапочки.

— Она еще под наркозом, но операция прошла хорошо. Были некоторые трудности, но с ней все будет в порядке. Через полчаса мы переведем ее в палату.

Все трое испытали такое облегчение, что следующие тридцать минут они не говорили ни о чем, кроме расположения ванной комнаты, цвета обивки и положения заходящего солнца.

Дядя Грэм и его дочери Донна и Дайан пришли с цветами и воздушными шарами. Дядя, как обычно, шутил, а девушки были одеты в сочетание «Target» и «Proenza Schouler». Лора представила Джимми как мамино друга, и все они попытались проникнуть в ее палату,

когда выходила медсестра. Подошел лечащий врач, по возрасту не старше Лоры.

Доктор отсек половину толпы.

— Четверо за раз, пожалуйста, — сказала она с широкой улыбкой утешительно властным тоном.

— Я, Руби и Джимми пойдем, поздороваемся, и она вся твоя, — сказала Лора дяде.

Когда они вошли, мама лежала, отвернув от них голову. Лора подумала, не убило бы ее и Руби то, что Джимми оставался снаружи на пятнадцать минут, пока они ее прихорашивают. Не ради Джимми — он казался достаточно милым парнем, — а для мамы, которая хотела бы, чтобы ее видели в лучшем виде.

Джимми остался у двери, пока Лора и Руби обнимали и целовали. Мама, уставшая и капризная, прогнала их, жалуясь на слабость и боль.

Когда они успокоились, мама прошептала: «Джимми пришел?»

— Он прямо за дверью, — сказала Руби. — А дядя Грэм и девочки в холле.

Мама перевернулась на спину.

— Он может придти сначала один?

Лора втянула Джимми, а Руби поднялась, чтобы уйти.

— Один вопрос, — сказала Лора. — У папы было место для хранения вещей?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что. — Она вела себя так, как если бы это был настоящий ответ, полный смысла от начала до конца, передающий тот факт, что она ожидала ответа без объяснения причин.

— Бывало, он хранил вещи в дедушкином гараже. Его используют как склад. — Она пожала плечами, морщась от усилия.

Лора взяла Руби под руку.

— Мы вернемся после обеда. — С этими словами она вытащила сестру в коридор.

— Чем тебе это помогло? — спросила Руби.

— Дедом отца был Дейл Карнеги. Он умер в Форест — Хиллз, Куинс. Мы недалеко, нам только нужно попасть внутрь.

— Это не то же самое, что придти в ресторан.

Лора втащила ее в лифт.

***

Они без проблем сели на поезд до Форест — Хиллз, и быстро поймали такси на станции. Так же легко нашли резиденцию Дейла Карнеги с помощью простого поиска в Интернете и вычислили ближайшее хранилище. Потом стало сложнее.

Ближайшее место выглядело как свалка. Семья Карнеги не могла иметь ничего общего с таким местом. Кроме того, офис был закрыт. Такси отвезло их в два других места, они грязные и загаженные, крысами. Руби, всю дорогу жаловалась на боли и усталость.

— Можем купить тебе кофе, — сказала Лора.

— Я поеду к маме.

— Она хочет немного побыть с Джимми, а ты мне никогда не говорила, что они вместе, но ладно. Мы вернемся после и немного посмотрим телевизор, затем пойдем домой, и начнем снова завтра утром. — Едва она закончила фразу, как перед ними возник четвертый склад, похожий на крепость. Освещенный прожекторами, подчеркивающий резьбу по камню, бывший склад выглядел как замок на холме, за исключением того, что он находился

в квартале от ВQE.

— Остановитесь! — крикнула Лора, и такси резко остановилось.

— Можете подождать? — спросила Лора.

— Счетчик работает. — Таксист вытащил из бардачка толстую книгу, потертую, с мушкетом на обложке. Лора подумала, что, должно быть, хорошо иметь несколько минут, чтобы прочитать книгу.

Она повернулась к сестре.

— Ну, давай же. Это не даст тебе заснуть. Мы можем найти что —нибудь полезное.

Руби, оглянулась, глаза налиты кровью, мешки под глазами. На этот раз она не была похожа на девушку с обложки.

— Я не такая любопытная, как ты.

— Но мама любопытна. Она будет притворяться, что ей это неинтересно, но если мы с чем — то вернемся, это будет как подарок на Рождество.

Руби, вздохнула и вышла из машины. По дороге до двери они придумали свою легенду.

***

Офис был хорошо освещен лампами с теплым светом, пол был покрыт бордовым покрытием. Лора уронила ключи на глянцевое дерево стойки рецепции, и женщина за ней с улыбкой оторвалась от пасьянса. У нее были жесткие черные волосы и слишком много румян.

— Здравствуйте, — сказала Лора. — Мы ищем квартиру Джозефа Карнеги? Он наш отец.

— У вас есть ключ? — девушка нажимала на клавиши компьютера, как будто играла на пианино.

— Был, но Руби потеряла его.

— Я не теряла его. Ты одолжила мою сумку и потеряла его из — за ..., еще раз, как его зовут?

— Помолчи.

Руби, повернула измученное лицо к девушке с пасьянсом.

— Папа дал ей номер секции, а мне код, чтобы мы хоть иногда собирались вместе, ведь мы должны дружить. Поэтому ей пришлось бросить ... как его звали, опять — таки? Правильно. Никого это не волнует. А потом она потеряла номер, а мне все равно нужно быть здесь, потому что именно ей нужно свадебное платье мамы, потому что она выходит замуж за этого ...

— Стоп, хватит. — Руби, перестала нравиться девушке еще во время монолога — она смотрела так, словно хотела прибить Руби, но была вынуждена слушать. — Меня не волнуют ваши личные проблемы, мисс. Можете предоставить какое —нибудь удостоверение личности?

У Лоры не было ни водительских прав, ни паспорта, они никогда ей не требовались до тех пор, пока не пришлось доказывать свое родство с отцом. Руби, швырнула паспорт на стол, а Лора потеряла щеку.

— А вы, мисс? — спросила девушка у Лоры.

— Мой паспорт был в сумке с номером секции. — Лора попыталась выглядеть как можно более подавленной.

Девушка посмотрел на паспорт Руби, затем на ее лицо.

— Наша политика разрешает доступ к кодовой панели для родственников. Имя у вас

совпадает. Так что я пропущу вас, но надеюсь, что вы не забыли принести код.

Руби, натянуто улыбнулась, как будто ей хотелось забрать свадебное платье так же, как достать мокрую тряпку из унитаза.

Девушка с пасьянсом сделал копию паспорта Руби, написал номер на желтом квадрате бумаги и отправил их к лифту.

Когда двери закрылись, Руби сказала:

— Почему я всегда должна быть стервой?

— Обувь подходит, а я не ношу тридцать восьмой.

— Я видела тебя на работе в таких же туфлях.

— Они мне большие.

Двери лифта открылись на четвертом. На секунду их встретила только тьма, затем над дверями со щелчком включился свет.

Руби посмотрела желтый квадратик в руках, а затем на выгравированные на латуни надписи в углу стены.

— Нам сюда, — сказала она.

В коридоре было темно. Когда она сделала шаг вперед, со щелчком загорелся еще один свет.

— Датчики движения, — сказала Лора. — Жуть.

— Ну, давай же, пошли. — Руби, схватила Лору под руку. — Я хочу вернуться и увидеть маму. — Она потянула ее вперед, и Лора последовала за ней, огни над ними щелкали и цокали, освещая ближайшие десять метром, двери с каждой стороны и окно в конце коридора. Они уже видели, что с него открывается потрясающий вид на ВQE.

— Вот и все, — сказала Лора. На клавиатуре были маленькие красные и зеленые лампочки, обе мигали.

— Ты хоть знаешь, сколько цифр?

— Неа. И его рядом нет, чтобы спросить. Как всегда.

Руби, скрестила руки и оперлась на дверной косяк. Лора начала с маминого дня рождения. Потом с собственного. Потом с папиного. Отказ, отказ, отказ. День рождения Руби. Снова отказ. Она указала дату двухнедельного переворота, хотя, вероятно, он произошел после установки кода. Пусто. Она добавила годовщину мамы и папы. Мимо.

— А как насчет адреса в Адской кухне? — спросила Руби.

Лора попробовала. Ничего. Они ни к чему не шли, и ответы были прямо там, прямо за этой дверью. Просто прочная металлическая сердцевина стояла между ней и каким — то более теплым, более личным знанием ее отца.

— Боже, день рождения принцессы был прямо в этой папке, а я даже не посмотрела на нее. — Как она могла это пропустить? Как она могла не отсканировать все или не запомнить? Почему она не обратила внимания? Именно это имел в виду Джимми — все догадки ни к чему не приводят, если ты не можешь смотреть открытыми глазами.

— Что? — спросила Руби.

— Забудь. Погнали. Я не могу понять.

— Не думаю, что мы снова сможем сюда попасть.

Лора вернулась к лифту, над ней щелкали огни. Она чувствовала себя вымотанной и опустошенной, сердце тяготило неудачи. Нажала кнопку лифта с такой силой, как будто та ее хотела ударить. В глазах стояли слезы разочарования.

Руби догнала ее и обняла за плечи.

— Трудные дни, Лала.

— Заткнись, — прошептала Лора. Она полезла в сумку за салфеткой. Запах нафталиновых шариков ударил прямо в лицо, и вместо того, чтобы искать ткань, лежащую на самом дне, она потянулась за своим письмом и вырвала его из конверта.

Наверху была дата, и накануне вечером она заметила странную запись, но не придала ей значения, сосредоточившись на всем остальном.

— Сначала он ставит год, четыре цифры, затем месяц, затем день. Так как ты делаешь в таблицах.

Она побежала обратно к секции так быстро, выключатели не могли угнаться за ней. Она нажала на клавиши. День рождения папы. Нет, Руби. Нет. Затем она попробовала тот, который, как она знала, был правильным. День рождения Лалы, первое ноября, двадцать шесть лет назад.

Загорелся зеленый свет, дверь щелкнула.

— Вау, — сказала Руби. — Я впечатлена.

Лора взялась за ручку, потянула вниз, но не смогла найти в себе силы толкнуть дверь.

— Что? — спросила Руби.

— Я боюсь.

— Перестань. — Руби, навалилась на дверь, и она распахнулась. Внутри загорелся чувствительный к движению свет.

Комната была пуста.

От угла к углу, от стены к стене. Ничего.

Лора схватила Руби за предплечье, чтобы она не зашла глубже в помещение.

— Посмотри. — Она указала на пол. Там остались следы от веника. — Его недавно убрали. И я чувствую запах нафталина. — Она осмотрела стены. В некоторых местах на верхнюю часть стены падал коричневый блеск, и как только она увидела их, она разглядела формы, которые они создавали на нижней, более чистой части стены.

— Коробки, сложенные в высоту. Куча всякой всячины, и здесь, и здесь были вешалки для одежды. Высокие стойки для брюк и костюмов.

— Я думаю, ты рада, что он пуст. — Руби, скрестила руки на груди.

Лоре стало стыдно из — за того, что вытащила ее. Сестра устала и беспокоилась, но вела себя очень хорошо.

— Мы должны идти.

Руби, направилась по коридору, и Лора уже пошла за ней, когда заметила блеск чего — то оранжевого. В углу лежала каплевидная бусина — кабошон. Она подняла ее.

— Боже мой, — сказала Руби.

— Это правда, — сказала Лора. — На фальшивом платье были акриловые бусины. А это кристалл. Почувствуй вес. — Она уронила его в ладонь Руби.

— Оно здесь было, — сказала Руби.

— В хранилище папы. Другое дело, как оно попало к Джобет Чард — Фиалле.

Глава 13

Они принесли маме немного бульона из «Таормины» взамен больничных грязных помоев и немного разбавили его водой, чтобы был не такой соленый. Джимми вернулся в Бэй — Ридж, чтобы принять душ и проверить почту.

— Перестань на меня так смотреть, — сказала мама.

— Я просто не хочу, чтобы ты облилась, — ответила Руби, подкладывая салфетку под мамин подбородок.

— Вот так все начинается? Сначала ты думаешь, что я обольюсь, а потом наймешь сиделку, чтобы мне зад подтирала?

Руби убрала салфетку и помогла маме приподняться.

Лора, уставившись на приглушенный телевизор, медленно изводила себя. Ей хотелось пойти в «Ирокез», с ноги открыть дверь и спросить Джобет, при каких обстоятельствах она получила платье от отца. Хотелось озвучить, что она не сестра Варнавы Чарда, потому что имени ее в реестре не значилось, а также поговорить о том, как так могло случиться, что принцесса жонглировала тремя мужчинами на крошечном острове: монархом, финансистом и гомосексуалистом. Лора чувствовала, что заводится, имена, истории и новые воспоминания крутятся, как будто на последнем цикле стирки. Хотелось что —нибудь сломать. Какая — то новая деталь должна была все это объяснить.

Лора вздохнула, пытаясь успокоиться. Как бы сильно она ни чувствовала себя лишней в палате, прикосновение маминой руки помогло понять, что, прийти сюда был правильный выбор.

— Что происходило между Барнардом и Генриеттой Осей? — спросила Лора. — Ты много с ними общалась? Каким был их брак? Барнард упоминал имя сестры? Допустим, Джобет?

— Лора! — воскликнула Руби.

— Боже мой, Лора. Хочешь вызвать у меня еще один сердечный приступ?

— Прости.

Мама сжала ее руку.

— Я шучу. Дай мне подумать. Барни и Ретта. Приятные люди. Он был откуда — то со Среднего Запада. Ретта сопровождал принцессу всюду. Барни был больше, я не знаю, интеллектуалом — качком? Если в этом есть смысл. Он проводил много времени в финансовом районе. Редко выходили с нами в свет. Но с самого начала было ясно, что они работают на великого принца, и сообщают все, что делает принцесса. Это вызывало напряжение. И я не знала почему. Думаю, теперь понимаю.

— Честно говоря, мама, на данный момент я не знаю, был ли у папы роман с принцессой, или это был Барни, и что — то еще происходило с папой, может быть, было какое — то деловое соглашение.

— Твой отец. Деловое соглашение. Похоже на него.

Папа, инженер, не мог их из квартиры с контролируемой арендной платой на Адской кухне, не мог отправить своих детей в частную школу без заявления мамы о финансовой помощи. У него, должно быть, была голова ученого и сердце художника.

— Почему принцесса была такой шлюхой?

— Лора! — рявкнула мама.

— Ну, давай! Что она за человек?

— Человек, который должен был произвести на свет наследника мужского пола, и чей муж не мог ей этого дать, вот кто.

Лора смягчилась. Не хотелось, чтобы у мамы случился еще один сердечный приступ из — за оскорблений в сторону старой подруги.

— Почему мужчина? — она спросила.

Мама села, морщась.

— Можешь принести мне воды?

Руби налила воды, мама выпила.

— Нет нужды рассказывать мне об этом сейчас, мам, — сказала Лора. — Можешь рассказать завтра.

— Я в порядке.

Пришлось поверить на слово.

— Значит, великий принц, знал, что они планируют переворот, или свержение, или что — то еще, поэтому он приказал Барни и Ретте наблюдать за ними.

— А в чем смысл? — спросила мама. — Она не могла стать великой принцессой. У них их никогда не было.

— Ну, если бы наследников — мужчин не было? Просто представь? Вдруг я завтра убью Сальвадора? Что случилось бы?

— Принцесса бы вышла замуж за того, кто бы пришел к власти. — Мама вернула чашку Руби. — Эти люди выросли в пузыре, и они верят тому, что им говорят с рождения. Все, что они думали о себе и своих жизненных возможностях, было сформировано пребыванием при бруниканском дворе. Нельзя их просто взять и вывезти оттуда. Они не могли представить себе жизни вдали от Брунико, даже после того, как прожили здесь месяц. Я помню, как часами разговаривала с Самуэлем о жизни за пределами острова. Он продолжал оправдываться, что бруниканский доллар не котируется на международном уровне, и он потеряет все свои деньги. Его отправят в ссылку. Однажды я просидела с ним всю ночь, пока вы, девочки, спали. Я умоляла его: «Побудешь бедным какое — то время, но не зарывай свой талант». Но он меня просто не слышал. То, как они мыслили невероятно.

Лора вспомнила альбом, тексты песен, а также горе и боль в каждом аккорде.

— Он был влюблен в тебя, мама.

— Знаешь, я тоже так думала. И это чувство было взаимным. Потом твой отец сказал, что они пара, и я поверила в это. Идиотка. Он прикрывал принцессу. Сэмюэль позволил это сказать, чтобы защитить и ее. Бруниканец до глубины души. — Она вздохнула. — Теперь это не имеет значения. — Ее голова снова упала на подушки.

— Так, слишком много разговоров, — сказала Руби, укладывая маму. — Мы уезжаем. Давай, Лала. Погнали.

Лора бросила на нее самый грозный взгляд, какой могла, но встала и поцеловала маму на прощание.

Когда они вышли в сырую декабрьскую ночь, проверила свой телефон и нашла сообщение от Джереми.

— *Я в Нарите.*

Десять минут назад. Она могла связаться с ним во время остановки в аэропорту Токио.

— Ты поедешь со мной? — спросила Руби.

Они стояли у тротуара, шаркая ногами от холода, натягивая перчатки и кутаясь в шарфы.

— Думаю, я остаюсь в городе.

— Его здесь даже нет, поэтому, понятия не имею, зачем тебе туда. И я, наконец, проснулась.

— У меня есть идея. Но мне нужно позвонить Джереми, прежде чем он сядет в самолет.

— Отлично. — Руби указала на кофейню через дорогу. — Я пойду туда. Заходи, когда

закончишь.

Лора кивнула и набрала номер, когда Руби скрылась за дверьми кофейни. Как только она услышала его голос, поняла насколько скучала. Если бы он уже не был на пути сюда, и если бы мама была здорова, она бы не за что не позволила бы себе такого.

— Я не была в офисе весь день, — сказала она.

— Все в порядке. Мы на высоте. Как твоя мама?

— Понятия не имею. Врачи говорят, что после операции она стабильна, и, похоже, все в порядке. Она с операции всего несколько часов назад, так что пока выглядит слабой. Рассказала пару слов о бруниканской свите, а потом устала.

— Где ты сейчас находишься?

— На тротуаре, на углу Семнадцатой и Первой. Меня ждет Руби. Хочет, чтобы я вернулась с ней, но я хочу обнять твою подушку. Я скучаю по тебе. Это так глупо. Четыре месяца назад не имело бы значения, где ты находишься, а теперь мне кажется, что я не могу спать без тебя. Прости. Я ненасытная?

— Ты мне нравишься и такой сентиментальной. Пятнадцать часов и я буду дома. В следующий раз мы сделаем все по— другому. Мне тоже плохо спать без тебя.

Она обрадовалась, услышав такое. В этой беготне и с больной мамой ей удавалось не концентрироваться на его отсутствии, на пустоте без него.

Его физическое присутствие, его дыхание на ее плече ночью, его ноги, переплетенные с ее ногами, жалобы на крепость кофе, и его голос за завтраком, когда они говорили о фабриках и обрезках — все это было в ее памяти. А когда Джереми уехал, это было словно, кто — то перенес вокзал на другую сторону или спрятал одну туфлю. Лора могла перейти на другую сторону или найти целую пару, но это вызвало бы у нее замешательство, ощущение, что что — то не так, а не там, где должно быть. Лужа, через которую нужно прыгать. Сломанный грифель карандаша. Запутанная нижняя нить машинки.

— Ты поедешь прямо в офис? — спросила Лора. — Мне нужно с тобой много обсудить. О пропавшем платье, ты же знаешь, я не могла его оставить.

— Конечно, — сказал он с легкой усмешкой. — А ты говорила с Барри? — Джереми сказал это, как будто это ничего не значило, как будто они обменивались милыми фразами о разлуке друг с другом или новостями о знаменитости, но в начале вопроса сквозила напряженность, говорившая как предложение Барри давило на него.

Она резко вздохнула, как будто ее на чем — то поймали.

— Да уже. Он рассказал о сделке тоже самое.

— Хорошо. Мы можем поговорить об этом, когда я вернусь. Я позвоню тебе из «Кеннеди». Не забывай, что любишь меня.

— Не смогла бы, даже, если бы попробовала.

***

Лора проскользнула за стойку напротив Руби со своей чашкой кофе.

— Он едет? — спросила Руби.

— Прямо сейчас в Нарите.

— Ок. С его стороны это не так уж и плохо.

— Я расскажу ему, что такого высокого мнения о нем. — Лора глубоко вздохнула, давая Руби понять, что собирается сменить тему. — Что, если я перестану работать с Джереми?

Руби взяла круассан.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы я устроилась на работу в другом месте?

— Как будто это когда —нибудь случится.

Молчание Лоры было многозначительнее слов.

Руби отодвинула тарелку и наклонилась вперед.

— Ты серьезно?

— Вся моя жизнь вращается вокруг него. Он был моим первым начальником, моей первой любовью. А теперь он поддерживает мою компанию, управляет мною днем и владеет мной ночью. Мне неудобно. Нет, прости. Это не неудобно. Очень удобно. Слишком удобно.

— Он с ума сойдет.

— Я знаю. И знаю вот еще что. Если бы Грейси в какой — то момент отказала в инвестициях, он бы ее бросил. Поэтому мне страшно.

— Если он так с тобой поступит, Лора, значит, он сделает тебе одолжение.

Конечно, Руби была права, потому что это качалось не ее. Было легко говорить о том, чтобы сорвать пластырь, когда содрали кожу не с твоего колена, когда мозг работал на полную мощность, а в теле не бушевали гомоны, крича: «Не позволяй ему уйти! Не отпускай его!»

— Помимо всего этого, — сказала Лора, — есть проблема с «Портняжками». Ему нравится линия, но если он достаточно разозлится и оставит нас, мы вернемся к исходной точке. И если из — за моей новой работы нам будет трудно обойтись без его персонала ...

— Я вернулся в «Толлридж». Или хуже.

— Мне жаль. Мы можем привлечь Пьера.

Руби замахала руками и склонила голову.

— Стоп. Ты уходишь из JSJ или нет?

— Я еще не решил. И не пытайся решать за меня. — Кофе уже остыло, а она прекрасно знала, что Руби попытается убедить ее пойти тем или иным путем. Хотя ей было любопытно, что скажет ее сестра, идея расстаться с Джереми так захватывала ее, что она не хотела слишком много об этом говорить. Вначале ей нежно оказаться в спокойном состоянии, в котором она могла бы принять решение «Да» или «Нет». Это подвешенное состояние было ее подвешенным состоянием. Это было Лорино состояние, и она не собиралась позволять кому — то за нее решать.

— Сейчас девять часов, — сказала Лора, взяв чек. Она работала в два раза больше, чем Руби, и зарабатывала в три раза больше, поэтому платила за все чеки.

— Должны ли мы все бросить? Давай еще кое — куда забежим, прежде, чем завтра окунемся с головой в работу это будет весело.

— Отлично. Я уже проснулась. Куда мы идем?

— В «Ирокез».

***

Настоящее платье хранилось на складе отца, и как — то попало к Джобет, чему пока не было объяснения. Но она знала папу, а это было уже кое — что. Лоре не терпелось найти его, потому что время шло, а платье так и не было найдено. Связь с Джереми терялась, а след отца становился холоднее.

Когда они вышли на улицу, Руби, туго обернула шарф вокруг шеи.

— Я думаю, что папа хотел стать верховным принцем.

— Может быть, принцесса и хотела этого, но папа не похож на мистера Альфа. Бросил бы он все, чтобы жениться на человеке не того пола или стать правителем небольшого островного государства? Нет. Если бы он был таким, мы бы выросли на Парк — авеню.

— Разве ты не хочешь быть принцессой?

— Ни за что.

— Нормальные люди хотели бы быть членами королевской семьи. Поэтому они и королевские особи. Все хотят быть ими.

Лора хотела ей возразить, но спор не имел смысла. Если Руби хотела верить, что их «обычный» папа стремился стать папой «Великим принцем», Лора была рада подыграть ей, пока та не осознает свою неправоту.

В здание они вошли так же, как и в прошлый раз, через парковку и коридор. Сначала Лора заблудилась, но потом нашла дорогу и постучала в дверь. Когда ответа не последовало, они приложила ухо к двери и снова постучала. Звук был глухим и отдавался эхом.

— Давай попробуем с другой стороны, — предложила Лора.

Руби последовала за ней, шагая по ковру, как зомби. Открывшееся у сестры второе дыхание явно заканчивалось, и усталость брала верх. Они нашли 7D. Дверь была приоткрыта.

— Подозрительно, — сказала Руби, прикоснувшись к двери и слегка толкнув ее. Внутри не было света.

— Может быть, она упала где — то, — сказала Лора.

— Может.

Удовлетворившись таким оправданием, девушки открыли дверь. Комнату освещал свет уличных фонарей, проникающих через голые окна, создавая тусклые трапеции на потолках и стенах. Луна изменяла эти формы, превращая их в треугольники на полу. Помещение было похоже на внутреннюю часть огромного калейдоскопа.

— Привет? — позвала Лора. — Джобет?

Двери туалета были открыты, на вешалках болтались проволочные плечики, а пластиковые пакеты для химчистки были скручены и брошены на пол. Кухня осталась без изменений, за исключением того, что все личные предметы исчезли, вплоть до мусорных ведер и сливного отверстия. Руби позвала Джобет, но ответа не получила. Квартира была пуста.

— Ну, — сказала Руби, — это отстой.

Лора прошла по коридору и нашла коричневую кожаную обувную коробку с белой вышивкой, стоящего внизу единственного в квартире шкафа без вешалок и полиэтиленовых пакетов. Коробка стояла точно в центре дверного проема, параллельно всем сторонам вокруг него. Не случайное размещение.

— Руби!

Руби прибежала из — за угла и остановилась перед шкафом.

— Ой! Винтажная обувная коробка Хосе Инуэго. Они продаются на eBay примерно за семьсот долларов.

— Что, если в нем есть обувь?

— Никто бы не их так не оставил.

— Я примеряла пару, когда была здесь с ней. Туфли принцессы. Они были в этой коробке.

— И что ты тогда на них пялишься.

— Если там есть туфли, то она оставила их мне, значит, она меня ждала. Чувствую себя невероятно забавно и неловко одновременно.

Руби толкнула коробку носком. Она сдвинулся. Руби снова толкнула ее. Коробка сдвинулся дальше.

— Я думаю, там есть обувь. — Р взубимахнула ногой вверх, и крышка коробки упала на пол. Там, безусловно, была обувь — пара четырехдюймовых туфель на шпильке Хосе Инуэго, которую едва носил их первоначальный владелец, а когда — то и Лора стояла в них на кухне.

Лора подняла коробку. Туфли лежали внутри льняной папиросной бумаги. Она обыскала оберточную бумагу и нашла свежий круглый клементин. Это мог быть один из тех маленьких фруктов, которые Лора помогла собрать в холле, и маловероятно, что он попал туда случайно.

— Если ты их не возьмешь, возьму я, — проворчала Руби.

Лора взяла их. В конце концов, она была всего лишь человеком.

***

Судя по сообщению от Джимми, маме понадобится завтрак. Ей было разрешено желе и мало что еще. Естественно, клубничное желе из больницы было для мамы слишком сладким, и Лора с Джимми разработали свой рецепт в одиннадцать вечера по телефону, смешав лимонное желе с полупрозрачным желатином, ведь маме нужно было чем — то питаться. Он был хорошим парнем, этот Джимми. Пора, чтобы и маме повезло в любви.

В полночь Лора стояла посреди безупречной кухни Джереми, пытаясь понять, есть ли у него миски, миксеры и мерные чашки, и если да, то где, черт возьми, он их поставил. Джереми был не очень хорошим поваром, поэтому его кухня всегда оставалась кристально чистой. Там варили кофе, за столом пили вино, а еду на вынос хранили в холодильнике. Они дважды занимались любовью на острове кухни, один раз на полу, и сотни, раз сидели на барных стульях. Но больше комната не использовалась.

Найдя необходимые миски и ложки, она без церемоний приготовила желе. Никакой музыки. Ни телевизора. Только ее мерные чашки, мешки с порошком и кран.

И, конечно же, на прилавке лежала коробка с парой обуви за две тысячи долларов. Как только миска оказалась в холодильнике, Лора достала туфли. Они были настолько великолепны, что, когда она их надела, пришлось напомнить себе, что создавали их не для нее и не для принцессы. Они были сделаны красиво, а все красивые вещи создавались с иллюзией, что они сошли с конвейера для вас и только для вас. Туфли соблазняли Лору своим оттенком цвета, неповторимым запахом и красотой изгибов. Чалый цвет кожи рядом с деревянной вставкой на подошвах создавал визуальную тональную гармонию, придававшую коже ног Лоры оттенок, сияющий здоровьем. Форма каблука удлиняла ее ноги, изгибая икры таким образом, чтобы идеально уместить в мужской ладони.

— Хорошие туфли, — сказала она, повернувшись боком к зеркалу. — И правда, хорошо.

Хорошие туфли, которые можно оставить в пустом шкафу в надежде, что кто — то, кого она однажды встретила, наткнется на них. Такое могла сделать женщина, которая была бы уверена, что сможет купить себе еще одну такую пару. Женщина, у которой было столько денег, что она могла позволить себе делать такие подарки.

Джобет собиралась получить деньги по страховке за платье, не так ли? Сколько миллионов? Не меньше, чем залог Джереми. Это сильно ударит по его финансам, ведь он и так остался без поддержки, только на своих собственных деньгах.

Слышала ли Джобет, что Лора пыталась найти платье? Может быть, Кангеми об этом упомянул? Неужели Джобет позвонила детективу и сообщила, что к ней без приглашения пришла девушка и начала расспрашивать? Джобет пытается купить ее молчание парой хороших туфель? О нет. Так не пойдет, совсем не пойдет.

При одной этой мысли Лора почувствовала липкий пот на ступнях и пощипывание в том месте, где кожа туфель касалась пальцев ног. Подушечки стоп были горячими от трения, а ей только нужно было, сбросить туфли и засунуть их обратно в коробку.

***

На Лоре была желтая блузка из дамасского шелка с воротником — стойкой и новой застежкой, которую разработали они с Руби. Молния в ней закрывалась почти неслышно. Такая вещь стоила сорок долларов за два с половиной сантиметра.

Для утверждения им требовалось разрешение Джереми, но он, увидев рубашку на Келли, прикоснулся к ней и сказал: «Меня зарежут, если я не сделаю так же для своей коллекции».

Лора почувствовала, как Руби напряглась от таких слов, буквально означавших, что он может воспользоваться их разработкой.

Он отошел, обращаясь к ним, сказал.

— Делайте. Вы должны ее использовать. Сделайте коротким рукав, чтобы удешевить стоимость, но сделайте с этой застежкой.

Лора надела на модель образец с коротким рукавом. Слишком хорошо она его знала.

Она тщательно накрасила лицо. Заразительная улыбка стала обязательной на протяжении всего утра. Джереми возвращался домой, и хотя обстоятельства его досрочного возвращения были менее чем оптимальными, он все равно собирался вернуться через несколько часов.

— Как ты сегодня хорошо выглядишь, — сказала мама, подперев голову подушкой. — Важное свидание?

— Спасибо, и да.

Лора подложила матери под подбородок тканевую салфетку и принялась кормить ее завтраком. Желе получилось идеальным, достаточно светло — желтым, чтобы считаться белым и почти безвкусным. Лора принесла его в больницу в маленькой фарфоровой чашке, которую она нашла в задней части нижнего шкафа Джереми, и теперь скармливала его маме с ложечки из нержавеющей стали, обнаруженной так же в его шкафу. Мама казалась сегодня слабее..

— Что они дают тебе от боли? — спросила Лора.

— О, я это не пью. У меня болит от них голова.

— Мам, правда?

Мама похлопала ее по руке.

— Когда будет слишком больно, я приму лекарства. Я справлюсь с этим.

— Сестра Барни исчезла, — сказала Лора. — Уверена, когда страховая будет выписывать компенсацию, она объявится, но вчера вечером там была и — пуф. Её нет. Как испарилась.

— Руби сказала, что ты нашла бусину? — спросила мам отводя ложку ото рта.

— Кабошон в форме капли.

Мама кивнула. Она разбиралась в бусинах.

Лора спросила: — Ты слышала, что случилось с Барни и Генриеттой?

Мама покачала головой.

— Я расскажу, но звучит это противно.

— Мне только что сердце разрезали.

— Барни застрелил Генриетту пятнадцать лет назад, примерно в тоже время пришел Сосо, а затем он покончил с собой. Я не хочу сваливать все это на тебя, но ты что — то, да понимаешь в этом во всем.

— Мне ничего не приходит в голову. Прости.

— Как тебе завтрак?

— Очень вкусно.

Лаура поскребла дно чашки.

— Разве ты не рада, что перестала тусоваться с этими людьми? Я имею в виду, представь, ты сбегаеть в Брунико с Самуэлем, взяв с собой Руби и меня, и, возможно, тоже сходишь с ума. Или тебя убивают. А что потом?

Мама откинулась назад. Она выглядела усталой.

Лора взбила подушку и помогла ей встать.

— Иди на работу, — сказала мама. — Ты меня скоро с ума сведешь.

Глава 14

Ситуация с электронной почтой была ужасающей. Джереми, должно быть, работал всю ночь, чтобы компенсировать пропущенное Лорой, пока мама была в больнице, потому что прочел каждое письмо и ответил каждому по необходимости. Выкройки и заказы перенаправлялись в «NewSunnyGarments», возникали сбои, задержки и недоразумения. Опечатка на маркировке резинки обойдется им дорого, как и итальянский прокладочный материал, для которого не была рассчитана пошлина на ввоз из ЕС в Китай. Федеральные сети хотели вернуть деньги за вещи, которые они выставили на продажу на неделю раньше, чем было заключено соглашение, и возникла задержка с нанесением этикеток на блузки.

Но ничто не могло испортить настроение Лоры. Она сделала все, что могла, и летящей походкой шла на примерку к десяти тридцати, когда зазвонил телефон:

— Привет, Барри. Я иду на примерку.

— Ты меня хочешь, — сказал он. — Позвольте пригласить тебя сегодня вечером, и я найду еще больше причин.

— Дин будет ревновать.

— Ты беспокоишься не о Дине, дорогая. — Голос Барри перестал быть шутливо — подразнивающим. — Давай перестанем дурачиться. Мне нужен ответ. Если я за бортом, просто скажи это. Мне нужно начинать продавать акции.

Лора остановилась перед дверью в примерочную.

— Нет. Ты не выбыл из игры. Но Джереми приедет через несколько часов, поэтому я не смогу встретиться сегодня вечером. Может быть завтра, в обед?

— О, милая, это просто ...

— Я еще не решила, Барри. Так что не разводи панику. Это просто не категоричное «нет».

— Что ж, я люблю вызовы.

К полудню ее волнение по поводу возвращения Джереми полностью улеглось. Она сидела в конференц — зале с видом на Бродвей, идеальный блеск стола отражал полумрак на улице.

Игги из Теософской студии, стоял по другую сторону шестиметрового стола, и показывал свои геометрические принты, их поставки планировались на зимнюю коллекцию следующего года. Студии печати нанимали художников, чтобы они придумывали узоры, основанные на определенных тенденциях или собственном вдохновении. Сотни распечаток складывались стопкой в папки, и продавец возил их по городу. Один оттиск мог стоить от семисот до двух тысяч долларов. Лора хотела сначала увидеть все принты, потому что, обычно в конце готовых папок обнаруживался промышленный брак. Игги, которого знала Руби через общего друга, всегда приходил к Джереми первым. Он передвигал листы размером шестнадцать на двадцать, как слайд — шоу, по столу, пока Лора стояла над ними. Один откладывался в одну кучку, другой в другую; кучки превращались в стопки. Лора выбирала то, что нравится ей, а затем передавала Джереми или Руби для разбора и редактирования. Она потягивала кофе, болтая о или иной модели или дизайнера, которые были проданы или продали.

Когда дверь открылась, казалось, подул океанский бриз.

— Добрый день, — сказал Джереми.

— Привет, — сказала Лора.

Он даже двигался как ветер, пожимая руку Игги и шагая вперед, чтобы встать над оттисками, в своем идеальном свитере с воротником — шалькой поверх рубашки и галстука.

Она медленно двинулась к нему, наклонившись, как она надеялась незаметно, и почувствовала, как он медленно движется в ее направлении. Они походили на сходящиеся лодки.

— Ты пропустил растительные орнаменты, — сказал Игги. — Начнем сначала?

Джереми повернулся к Лоре.

— Что — nibудь приглянулось?

Ей приглянулось. Изгиб челюсти и жар глаз ошеломлял, и Лора заскучала по нему в десять раз больше, особенно, когда он стоял рядом.

— Я отложила некоторые в сторону для «Saint JJ». Но ничего для «JSJ». А то, что выбрала для «Портняжек», даже смотреть не смей, иначе Руби тебя убьет.

Игги рассмеялся, но Джереми потянулся за ее стопкой. Он сделал это специально, чтобы они могли быть рядом на одну секунду.

Лора подняла свои принты и прижала к груди.

— Не дам.

Игги достал свою последнюю стопку оттисков и начал показывать образцы, начиная с конца, откинув первые экземпляры. Джереми кратко рассказывал о своей поездке и рейсе домой. Стоя бок о бок, положив руки на стол, его мизинец легко коснулся ее, и девушка почти забыла про настоящее искусство, что раскладывалось перед ней. Когда сделка была заключена, они попросили Трейси проводить Игги.

— Как твоя мама? — спросил Джереми, когда они остались одни в конференц — зале за закрытой и запертой дверью. Он стоял в паре метров от нее, помятый и небритый.

— Больна, слаба и страдает. — Лора ненавидела себя за то, что ее тянуло к нему, за то, что она хотела, чтобы его руки обнимали ее, за то, что представляла только его тело под одеждой, пока говорила о мамином состоянии.

Он шагнул вперед.

— Тебе нужно к ней? Здесь я обо всем позабочусь.

— Там Руби. — Она двинулась к нему, протягивая руку.

Джереми схватил своей рукой её руку и притянул ближе еще на шаг. Его ладонь была теплой, другую руку он прижал к ее щеке. И поцеловал. Отросшие волосы над его верхней губой царапнули ее кожу, настолько ощутимо, что девушка вздрогнула. Джереми толкнул ее к столу.

— Нет, подожди, — выдохнула она. — Сейчас середина дня. Здесь куча народа.

— Я скучал по тебе.

— Не забывал о тебе ни на минуту.— Он уткнулся лицом ей в шею, теряясь от удовольствия, что дарил контраст его мягких губ и жесткой щетины, Лора не знала, оттолкнуть его или притянуть ближе.

— Тебе нужно увидеть эти заводы, — прошептал он. — Фабрика на сороковой — примерочная по сравнению с ними. В цехах чисто как в операционной, что даже страшно становится.

— Джереми ...

Он отстранился.

— Прости. — Но улыбка говорила, что он ни о чем не жалеет. Совсем.

— Нам есть о чем поговорить, — сказала она, касаясь кончиками пальцев его щеки.

Он провел пальцами по волосам и прислонился к столу.

— Спасибо. Да. Во — первых, красивая рубашка. Хочу снять ее с тебя. И мы теряем деньги. А у тебя мама, которой ты сейчас очень нужна. Поэтому ты переходишь на неполный день. И если они не найдут платье, я потеряю целое состояние. И Барри глотку перегрызу. Ни капли не сожалея. Он думает, что может попытаться переманить тебя, и мы после этого останемся друзьями.

— Почему нет? Это просто бизнес. Это не личное.

— Для меня бизнес — это личное. Помнишь? — он поцеловал ее, но словно уловив привкус обмана на губах, отстранился.

Он собирался что — то сказать, но в дверь постучали. Лора открыла ее, испытав при этом невероятное облегчение. Это была Трейси с ее стандартной улыбкой с пол лица.

— Тебе звонят, Лора. Какой — то Джимми.

— Соедини, — сказала она. Трейси ушла.

— Это новый парень мамы, — сказала Лора. — Прости, но мне нужно проведать ее.

Она побежала обратно в офис так быстро, как только могла, и схватила телефон.

— Джимми?

— Привет.

— Что случилось? Она в порядке?

Джереми медленнее зашел за ней в кабинет и закрыл дверь.

— Да. Помнишь парня из бруниканского бара? С усиками? Сосо?

— Да.

— Он был здесь. Хотел узнать у твоей матери насчет платья.

— И что?

— Я сказал, что он может спрашивать все, что хочет, но в моем присутствии, и он ушел.

Возможно, он может заявиться к вам домой, так, что будь осторожна.

— Хорошо. Спасибо за предупреждение. — Она повесила трубку.

Джереми оперся локтями на стол, придавив какую — то бессмысленную выкройку, такую важную пару дней назад. — Что случилось? — спросил он.

— Мне надо идти.

— Она в порядке?

— Имею в виду, мне нужно съездить в центр. Не в больницу. Мама в порядке.

Он наклонил голову, боднув ее в плечо.

Она хотела ответить, но не знала, с чего начать.

— Просто платье. Это такая длинная история. Не знаю, как тебе объяснить.

Он снял куртку со спинки стула.

— Можешь объяснить по дороге.

Она подумывала отказать ему, потому что было ясно, что Сосо не хотел разговаривать с мамой в присутствии Джимми, и если с ней будет Джереми, скорее всего тоже откажется. Но что она могла ответить? Сказать что это безделица? — Он не поверит. Или что это личное, и он должен отступить, что подорвало бы доверие между ними? Или что это не имело к нему никакого отношения, что было явно ложью, поскольку утрата платья напрямую могла лишить его денег и разрушить все планы, отбросив назад, чего она даже не могла понять?

Он засунул рукава в пальто, и да, она хотела, чтобы он приехал, но у ее непокорности была причина, и звалась она — эго.

— Хорошо, но я главная, — сказала Лора. — Розыск вещей, раскрытие преступлений, все это — моя специализация.

— Слушаюсь, босс. — Он придержал для нее дверь.

***

Они сели на поезд, идущий в центр. Это дало Лоре еще пару минут, что подготовиться к объяснению. Ей это было нужно, потому что по дороге он дважды заходился в приступах кашля, сжимая шест одной рукой и прикрывая рот другой.

Начала она с рассказа Стью о Сэмюэле Инвей, перешла к маме, которую чуть не арестовали, затем поведала о Бернардe Несторе, квартире в «Ирокезах», бруниканскому кафе на Гансевоорте, сердечному приступу и складскому помещению.

Он прервал ее.

— Ты выяснила все это сама? И не пропустила ни одного электронного письма или встречи?

— Конечно, нет. Пока у мамы не случился приступ. После, знаю, пропустила много.

— Твоя самая преданная сотрудница Венди написала мне по электронке, что ты заказала информационные этикетки у Барри Тилдена. Нашего конкурента. С ее слов.

— Да. — Она не чувствовала необходимости объясняться или оправдываться. Она не сделала чего — то неправильного. Вместо этого она выпрямила спину, приподняла подбородок на несколько градусов и посмотрела ему прямо в лицо.

— Блестящее решение, — сказал Джереми. — Не должен был я в тебе сомневаться.

— Ты это делаешь в последний раз. — Она погладила его лацкан, и ей так захотелось положить голову на его грудь, но поезд остановился, и им пришлось выйти.

— Просто чтобы ты знал, — сказала она, когда они взбежали по лестнице на станцию, — Сосо не стал разговаривать с мамой в присутствии Джимми, поэтому, даже не знаю, стоит ли тебе заходить.

Он молчал, пока они не вышли на улицу. Там им сразу же пришлось поднять воротники, защищаясь от ветра, а Лора сунула руку ему в карман, чтобы согреться.

— Почему бы нам не сделать так: я пойду с тобой, а если он захочет, чтобы я ушел, выйду и подожду снаружи. Таким образом, он будет думать, что мы будем делать все, что он скажет — предложил Джереми.

— Ты не уйдешь. Я тебя знаю.

— Ты босс, помнишь?

Они прошли несколько кварталов, разделяя на двоих карман и шаги, направляясь к бывшему Мясному району, где уже в помине не было мяса. Улицы стали неровными, ухабистыми и скользкими из — за на леденевшей сырости декабрьского воздуха. Разноцветные фонари висели на балконах и в окнах. Улица утопала в веселой музыке, смешивающейся с гудками машин и плачами сигнализаций.

— Этот парень заставляет меня нервничать, — сказала она. — С ног до головы кожа и мех, и он, вероятно, лично убил каждое животное, которое на нем надето.

— Ты не вдохновляешь меня оставлять тебя с ним наедине.

— Думаю, Сосо украл платье для великого принца и хочет отправить его обратно. Мне кажется, оно должно было сгореть во время пожара. Или они хотят, чтобы так думали, но я не знаю почему. Может там что — то зашито. Может быть, на платье есть какая — то ДНК, которую они не хотят раскрывать. Может быть, бусины — это бриллианты. Но чтобы заменить платье в музее — нужны ресурсы. Ресурсы, которые могут быть или у крупной компании или у очень богатых людей или у правительства. У обычных людей, такие, как папа, или Джобет, или мама, если на то пошло, нет ни связей, ни денег.

— Ты не знаешь, может у твоего отца есть.

— Нет, если он пишет записки детям, которых не видел двадцать лет, на старой бумаге, пахнущей нафталином.

Джереми остановился и притянул ее ближе, поцеловав посреди улицы.

— Что это было?

— Ты чертовски умная, и я буду целовать тебя в любое время, черт возьми.

***

Сегодня работал тот же официант в набивной рубашке, не сильно отличавшейся от той, что была два дня назад. При дневном освещении он оказался красивым парнем — ему за сорок, он преждевременно облысел, с залысиной на макушке, но с правильными чертами лица и хорошими зубами. Кафе было более переполнено не бруниканской публикой, и Лору с Джереми посадили у бара. Около кассы лежала большая кожаная шляпа, что говорило, что Сосо здесь, но Лора решила посидеть и понаблюдать, прежде чем отправиться на его поиски. Не хотелось бы пустыми разглагольствованиями о платье спугнуть его.

Официант положил перед ними две салфетки и кивнул Лоре.

— Да правит великий принц!

— Да правит. — Она подняла два пальца.

— Молоко в оба? — уточнил мужчина.

Она взглянула на Джереми.

— Конечно, — сказал он.

Лора принялась наблюдать за официантом, вдруг он зайдет в подсобку или возьмет телефон, но мужчина только достал два стакана.

— Ты бывал в Брунико? — спросила Лора Джереми.

— Нет. Таким важным меня считаешь только ты.

— Еще несколько лет, ДжейДжей, и ты не сможешь покупать собственную продукцию.

— С тобой рядом смогу.

Подали вино, бледно — розовое сверху, и кроваво — красное на дне. Выглядело неприятно.

— Не торопись, — сказала она. — Прошлый раз оно мне сильно в голову ударило.

Он отпил глоток и изобразил ухмылку, чтобы скрыть крайнее отвращение. От этого ей захотелось громко рассмеяться, но это бы привлекло внимание, и Лора сдержалась. Джереми взглянул на нее, ставя стакан.

— Что ты ответила Барри?

Хотелось солгать сквозь зубы и сказать, что она отвергла мысль о сотрудничестве с кем — либо еще, но он видел ее насквозь и доверял ей как святой. Обман мог бы стать необратимым.

— Ничего.

Она взглянула в окно, прерывая разговор и уходя от его пристального взгляда, полного вопросов и чего — то еще, чего она не хотела видеть в его взгляде. Того, чего она точно не заслужила. Это мог быть гнев, или боль, или обида.

— Это Сосо, — воскликнула она, подскакивая со стула с последним «о». Брюниканец несся по бульжникам без шляпы, кожаные фалды пальто развевались на зимнем ветру. Она пошла за ним, не ускоряясь, стараясь выглядеть не слишком взволнованной. Или как будто она хочет схватить его прямо посреди улицы.

— Сосо, — сказала она, положив руку ему на плечо. — Я слышала, ты искал мою мать?

— Мисс Лала. — Его тонкие усики отросли, а под налитыми кровью глазами появились мешки, размером с кошельки для мелочи, но он стоял прямо. — Да, я заходил к ней.

— Возможно, я смогу вам помочь?

Она больше чувствовала, чем видела Джереми позади нее, и взгляд Сосо через плечо подтвердил его присутствие. Будь он проклят.

— Не думаю, — ответил Сосо. — Мне ничего не нужно. — Он повернулся и пошел прочь.

Лора бросила взгляд назад. Джереми стоял, засунув руки в карманы, с совершенно безобидным видом.

— Мистер Осей, — крикнула Лора, догоняя мужчину. Ей нужно было рискнуть. Она говорила тихо.

— Джереми — владелец платья. Нам нужно найти настоящий, иначе он потеряет много денег, больше чем, некоторые люди способны заработать за всю жизнь. Это может стоить ему бизнеса. Пожалуйста. У меня такое чувство, что вы что — то знаете о местонахождении этого платья. Пожалуйста, скажите, что я ошибаюсь.

Сосо на мгновение задумался.

— Трудно противостоять такой женщине как вы. Прощу. — Он протянул руку в сторону кафе. — Вы и ваш друг можете поговорить со мной в моем офисе.

Глава 15

Сосо сел за стол и достал из буфета три чашки для эспрессо. Официант в набивной

рубашке принес чайник, кивнул Лоре и проскользнул обратно в многолюдное кафе. В офисе был непроглядный полумрак, даже днем, что пришлось включать лампу с красным абажуром. Джереми сел в кресло сбоку, немного позади нее и откинулся на спинку, скрестив руки, говоря попой, что он не собирался наступать ей на пятки.

— Вы были очаровательной маленькой девочкой, — сказал Сосо, наливая эспрессо. — А теперь устрашающе красивая женщина.

Лесть, казалось, была у мужчины в настройках по умолчанию, поэтому она не придала этому значения.

— Спасибо за комплимент. Знаете, я ничего не помню о том времени, кроме того, как проглотила булавку в мастерской «Scaasi».

— Да! Я тоже это помню.

— Я бы не смогла, сказать, настоящее платье или нет, если бы не знала, как мама собирает изделия. Бусины пришиты неправильно, платье полностью подделка, и отчет Ллойда, вероятно, подтвердит это.

— Это будет позор.

— Если только мы не найдем настоящее платье.

— Или если мы сможем убедить Ллойда, что платье, которое у нас есть, настоящее. Единственный человек, который может это сделать, — это твоя мать, поскольку она над ним работала. — Он отпил кофе и посмотрел на нее поверх чашки, как будто только что выдал лучшую идею из всех возможных прямо перед ней. — Таким образом, твой друг получит свои деньги, а те, кто пытался всучить нам фальшивку, останутся не у дел.

— Чем это лучше чем настоящего платья?

— Забудьте о настоящем. Оно возвращается в Брунико с великим принцем и будет уничтожено, как и все ее вещи. Мы ничего не можем сделать. — Он пожал плечами, как будто бы и рад помочь, но не может.

Ладони Лоры вспотели. Платье казалось, было так близко, что его можно было коснуться. Он знал, где оно. Ей просто нужно было на него надавить.

— Или ты думаешь, что отправите его обратно, и они вас не убьют?

Джереми позади нее тихонько зашевелился. Он, вероятно, не понимал, о чем речь, ведь Лора не рассказала все, что вычитала в файлах полиции. Просто было слишком много информации, чтобы рассказывать ее в поезде, и она не считала, что переживания Сосо по поводу иммиграционных властей, обеспечивающих его статус беженца, нужны для поиска платья.

— Если он чувствует себя в безопасности, значит, и я тоже в безопасности, — ответил Сосо. — Если я докажу свою преданность, то уверен, смогу вернуться. Мне так обещали.

— Вы меня извините, но великий принц — сволочь.

— Будь мы сейчас на Брунико, тебя бы за это казнили. — Но Сосо улыбнулся и она не могла понять, что это значит.

— Но мы находимся на пересечении Гансеворт и 9-ой в Нью — Йорке, и мы не казним людей за то, что называем вещи своими именами. Так что я не знаю, почему вы захотели вернуться на крошечный остров, где десять месяцев в году чертовски холодно, чтобы вами мог править тот, кто, как вы думаете, убил ваших друзей и который держал свою жену взаперти... и за что? Потому что она пыталась свергнуть его?

Сосо сложил пальцы вместе и посмотрел на нее.

— Попытка свергнуть принца весьма серьезное преступление.

Казалось, что у нее остался последний шанс завоевать его доверие.

— Разве эта ложь не доказывает, что ему нельзя доверять? С вами будет тоже, что и с Варнавой и Генриеттой, как только выйдете из лодки. И никто не узнает, что вы не просто споткнулись и упали. Или они скажут, что вы покончили жизнь самоубийством, как Самуэль. Или он закроет тебя на двадцать лет, а затем выследит, когда ты выйдешь, как моего отца. Почему ты ему доверяешь? — на минуту повисло молчание, во время которого Лора изображала беспомощное любопытство на своем лице вместо сжигающей злости.

— Ты из Нью — Йорка, милая? — спросил Сосо.

— Из Манхэттена.

— А что, если бы ты никогда не смогла туда вернуться?

— Люди всегда куда — то переезжают. Это происходит постоянно.

— А если бы это случилось с тобой?

— Нет. — Ее честный ответ был резок, и мог стоить ей разговора, но он, напротив, расслабил мужчину.

Он отодвинулся от стола и вытащил толстую книгу с полки за спиной. С громким хлопком швырнул фолиант на стол, открыв, казалось бы, случайную страницу. Джереми наклонился вперед, чтобы посмотреть, а Лору успокоило, что он смолчал, хоть и был внимателен.

Сосо ткнул на фотографию пляжа как с открытки.

— Это Брунико. — Полоса острых скал отделяла каменный особняк гостиницы от мягкого песка у воды. Он перевернул страницу, показывая реки и ручьи, окруженные скалистыми скалами и островками липкого мха, множество заснеженных гор, а затем мост, тоже каменный, построенный в таком же стиле, как и отель. Мост пересекал широкий приток, становясь частью ландшафта. Она взглянула на Джереми, гадая, заметил ли он сходство между ними и видел ли когда — нибудь менее привлекательное место для отдыха. Но его лицо осталось нечитаемым.

— У вас есть фотографии инаугурационного бала? — спросила Лора. — Вы там были?

— Был. Мы с Генриеттой были при дворе с детства. А это я с принцессой.

Принцесса и здесь затмевала всех. Хотя Сосо и другая женщина, похожая на Генриетту, стояли рядом с ней, казалось, что их даже не видно в том свете, что излучала Филомена. На ней было простое синее платье, закрепленное на плечах, с ниспадающей на передний шов складкой.

— Где она сделала это платье? — спросила Лора.

— На Брунико. Шафрановое платье требовало особого мастерства. Во всем остальном мы обходимся своими силами.

Лора снова взглянула на Джереми. Он уставился на фотографию великого принца и Филомены вверху страницы. И снова принцесса заняла половину фотографии своими длинными черными волосами и солнечной улыбкой.

Затем Сосо указал на каменный коттедж, окруженный деревьями и кустами.

— Мой дом. Это моя жена. Моему младшему сыну сейчас два года. Я не видел его восемь месяцев. Я хочу домой. — Дом стоял на заливаемом дождем куске скалы под низким серым небом. На краю крыши черной линией расположились вороны. Такой дом мог полюбить только бруниканец, хотя, возможно, Сосо думал о Манхэттене точно так же.

Лора перевела взгляд от моста, к отелю, а затем к каменному коттеджу.

— Послушайте, у вас есть какой — нибудь лагерь для заключенных или что — то

похожее? Общественные работы?

— В тюрьмах народу очень мало.

— А дом вы заказали у моего отца? — Она указала на дом, оформленный в том же стиле, что и мост и гостиница.

— Это он предложили сделать. И я хочу вернуться к этому всему.

— Вашему сыну два года. Вы подали заявление о предоставлении статуса беженца пятнадцать лет назад.

— Можно тайно приплывать и покидать остров, если знаете маршрут, и у вас есть лодка. — Сосо закрыл альбом и положил обратно на полку. — Я хочу снова увидеть своих детей и жену. Если мне придется солгать, чтобы вернуться, я сделаю это. Мне нужна была твоя поддержка, и твоей матери тоже. Но если вы не можете или не хотите, понимаю. Я прошу только, чтобы вы мне не мешали.

— Позвольте сказать, — вмешался Джереми. — Настоящее платье мне так же необходимо, как и вам, но ты же не хочешь, чтобы Лора лгала ради тебя. И мать тоже. Грустно или нет, но я не встречал Карнеги, способную солгать.

Все — таки Джереми никогда не был свидетелем того, чтобы Лора заходила в ресторан без бронирования или на склад без кода доступа. Однажды ей придется рассказать ему, что при подходящих обстоятельствах, в присутствии Руби, с подготовленной историей, прекрасной актерской игрой и меньшим количеством откровенной лжи, она способна на многое.

Сосо, который до этого момента игнорировавший Джереми, смотрел на него серьезно.

— А ты? Ты умеешь лгать?

— Прекрасно, но только тогда, когда это действительно важно. Здесь же мое слово здесь ничего не значит.

— Тогда мне очень жаль, — сказал Сосо. — Больше обсуждать нам нечего. Приходите в любое время, когда вам захочется бруниканского вина. Лодка приходит с новыми бутылками каждые две недели. А я очень скоро покину это место.

***

Лоре казалось, что она идет в своем привычном темпе, пока Джереми не схватил ее за руку.

— Притормози, тигрица!

— Ты видел такую наглость? Во — первых, сказать, что мой отец сидел в тюрьме последние двадцать лет по неизвестным мне причинам, а потом попросить нас солгать, когда настоящее платье у него, в его чертовом здании, или, по крайней мере, он знает, где оно. Чтобы верховный принц мог его уничтожить? То есть... у меня нет слов. Ты меня слышишь, Джереми? Нет слов.

Он обнял ее за плечи и в обычном темпе повел к вокзалу.

— В таком состоянии мы не можем появиться перед твоей мамой. Ты доведешь ее до еще одного приступа.

— Я не пойду в больницу. У меня примерка.

Он резко остановил Лору посреди улицы, вызвав пробку из людей, тащивших разноцветные пакеты с рождественскими товарами. Она ударилась лодыжкой о коляску, и Джереми оттащил ее на край тротуара.

— У тебя одна мать, и ты ей нужна.

— Со своими ты даже не разговариваешь, — буркнула она и почти сразу пожалела об этом. Но он не стал поднимать болезненную для него тему родителей и сестры посреди улицы, а лишь обняв ее за плечи, повел в северную часть города.

— Мы вызовем такси до больницы.

— Нет, Джереми. Я не пропущу доставку, потому что мы просто будем сидеть и ничего не делать. Там все равно Руби, а значит, я должна делать ее работу не хуже своей.

— Тебе стало бы лучше, если бы я провел примерку?

— Ты же не приехал, чтобы за меня проводить примерки.

— Нет, я вернулся, чтобы сидеть с тобой в больнице. Но если моя работа делает тебя такой беспокойной, то я выполню ее сам. Хорошо?

Джереми вышел на проезжую часть и сразу поймал такси. Это была его особая магическая способность. Открыв заднюю дверь, сказал:

— Кстати, спасибо за бруниканское вино. У меня уже болит голова.

— Всегда, пожалуйста, и спасибо, — ответила девушка, садясь на заднее сиденье.

Он закрыл дверь и помахал отъезжающему такси.

***

Лора мало бывала в больнице, помимо того случая с избиением бандитом и переломом плеча. Мама была там уже два дня, а казалось, что месяц. Джимми и Руби сидели по обе стороны от кровати, Руби печатала что — то в телефоне, а Джимми держал маму за руку с капельницей, пока они смотрели телевизор. Вышивка крестиком с желтой птицей лежала у мамы на коленях, уже наполовину выполненная. Поднос на колесиках был полон чашек, тарелок, оберток, смятого пластика и пустых контейнеров для желе.

— Привет мам. — Лора поцеловала мать в лоб. — Как дела?

— Завтра меня не выпустят.

— Они сказали когда?

— Нет. Я здесь с ума схожу.

— А это... — Лора выудила из сумки набор для вышивания с рождественской елкой. — От Кангеми. Детектива.

— Она сведет нас с ума, — сказала Руби, отрываясь от телефона. — Мы получили посылку от «New Sunny»? У меня есть кое — какие наработки.

— Нет, но у меня есть образцы принтов. Хочешь, съезди, посмотри? Я останусь здесь. Джереми занимается подготовкой мартовской поставки.

Руби согнула ноги, затем разогнула их, посмотрела на маму и положила телефон в карман.

Мама махнула рукой.

— Иди уже. Мне надоело слушать клацанье этого телефона.

Поцеловав маму на прощание, сестра обещала вернуться позже.

Лора вышла за сестрой в коридор.

— Что говорят врачи?

— Идет на поправку. Она сводит меня с ума. Продолжает выдумывать теории о бруниканской свите двадцатилетней давности. Кого — то она мне напоминает.

— Ты что —нибудь ей рассказывала о складе? — спросила Лора.

— Нет! Хочешь, чтобы у нее еще один приступ случился?

Лора вздохнула и оперлась на стену. В вихре бруниканских интриг и предложений

работы она почти забыла, что мама чуть не умерла. После ухода Руби, она осталась в холле и уставилась на зеленые и желтые клетки плитки на полу. Если бы Джереми не вызвался проводить примерку, она бы зашла к маме на час во время обеда или после работы, была бы выгнана из палаты часов в девять ее медсестрами, а затем просто вернулась бы в офис, и в больнице Лора бы появилась только на следующее утро. И она бы не провела с мамой ни минуты своего времени, если бы это не было бы удобно совместить с работой. Даже трудоголик Джереми знал, что главное — сидеть в комнате.

Она подошла к двери. Джимми заснул в своем кресле, подперев голову рукой. Мама уснула сидя, слегка приоткрыв рот, опустив руки ладонями вверх. В одной руке у нее была стопка игральных карт, а на коленях лежал пасьянс.

Воспоминание встряхнуло Лору как пощечина. Она была во втором классе. В квартире было очень холодно, хозяин еще не включил отопление. Она от чего — то сбежала по коридору. Может, от Руби. Может быть, от дополнительной домашней работы. И сорвала веревку для белья. На нем висело все ее нижнее белье, и Лоре пришлось самой судорожно его вешать на место, пока мама не увидела. Мама все время злилась. Мама была пугающей.

Она никогда не вспоминала маму такой злой, пока не оказалась в дверях этой больничной палаты. Виной тому игральные карты. Они всколыхнули память. Когда Лора училась во втором классе, мама часто раскладывала пасьянсы и много кричала. Однажды утром Лора проснулась и прошла на цыпочках на кухню. Мама спала на кухонном столе, а игральные карты были сложены в маленькие стопочки. Они были повсюду на столе, у стойки и даже на стульях. Неудачные комбинации покрывали пол. Лора попыталась незаметно приготовить хлопья, но она опрокинула стопку карт, лежащих на стуле. Мама проснулась и начала рычать как лев, пока Лора не убежала в свою комнату, решив снова пойти в школу без завтрака, но не расстраивать маму своим присутствием.

Воспоминания об этих картах напомнили ей о некоторых вопросах, которые следовало бы задать раньше, и, поскольку мать все равно спала, их можно было задать сейчас.

***

Лора села на пустой стул у стены и легонько пнула Джимми ногой.

Он фыркнул, оглянулся и потянулся к поясу, на котором, скорее всего когда — то носил пистолет.

— Как мило, что ты пришла, — сказал он с нескрываемым сарказмом.

— В каком участке ты работал?

— Везде. Ред — Хук, Вест Сайд, сверху до низу. — Он снова обхватил голову рукой.

— Когда ушел на пенсию?

— Хочешь разбудить мать?

— Я виделась с Сосо.

Он встрепенулся. Сел прямо в кресло и взглянул на маму. Она не шевельнулась.

Лора наклонилась вперед и понизила голос.

— Я ходила в кафе. С Джереми.

— Мало пользы.

— Сосо знает, где платье. Он отправит его обратно в Брунико.

Джимми не изменил своей расслабленной, полусонной позы, но многозначительно посмотрел на нее.

Лора продолжила.

— Он так сказал и хотел, чтобы кто —нибудь подтвердил, что платье в Метрополитене настоящее. Затем он сказал, что бруниканское вино прибывает на лодке каждые две недели. А поскольку, у нас нет торговых соглашений с Брунико, судно должно быть частным. И если на нем привезут вино, то, вероятно, на нем же и отправят платье.

— Ты ей дашь когда —нибудь отдохнуть?

— Она спит. Что ты хочешь от меня?

Он сел и выудил телефон из кармана.

— Я схожу поужинать. Должен вернуться до того, как она проснется. — Он что — то набрал в телефон. — Она скажет тебе идти на работу. Не оставляй её, ладно? Она тебя очень любит. Думает, что любишь свою работу больше, чем ее, и что в этом нет ничего страшного. — Он снял куртку со спинки стула. — Я отправил сообщение приятелю из полиции порта. Он посмотрит, есть ли у нас частные корабли, зарегистрированные в Брунико. В девять нас выгоняют. Разве справедливо?

— Ты не веришь, что я останусь?

— Тебе ужин взять?

Лора вздохнула.

— Конечно. Я буду здесь.

Глава 16

Лора понятия не имела, как тяжело будет сидеть и ничего не делать. Она прибралась, поиграла на мобильном и посмотрела в окно. Сто раз проиграла в голове месяц пребывания бруниканского двора. Задалась вопросом, нет ли у нее незаконнорожденных братьев и сестер королевских кровей. Как бы она ни была уверена, что папа все эти годы сидел в тюрьме, а не строил дороги и мосты, вероятнее, это была не тюрьма строгого режима и даже не обычная тюрьма. Он должен был быть занят каким — то делом, но с минимальным уровнем контроля, чтобы принцесса могла бы посещать его для создания братьев и сестер. Возможно, именно это и имел в виду принц — производство наследника, которого он, возможно, не мог сделать сам.

Она почувствовала укол жалости к папе, застрявшему в чужой стране, им манипулировали, заставляли делать что — то, чего он не понимал, против человека, которого он не знал, посадили в тюрьму на два десятилетия, запретили общаться с семьей и заставили построить место, которое отняло у него всю жизнь.

Чувствовать к отцу что — либо, кроме гнева и ненависти, было некомфортно. Ей не хотелось доставать эти чувства из коробки, куда она сама их положила. Они лежали в маленьком черном отсеке сердца, и убери их оттуда — и будет уродливая пустота. Он мог бы найти способ связаться с ними. Он мог обменять письмо на дом Сосо. Он мог бы потрудиться, чтобы полюбить ее и Руби, но он этого не сделал. Он потерпел неудачу. Она его презирала.

Лора сунула чувства обратно в коробку, но створки не закрылись. Сомнения, которые она испытывала, и пробелы в истории, которую она сама себе рассказывала о нем, не давали успокоиться душе, как и многие годы. Вспомнились и сломанные туфли, в которых она ходила в седьмом классе. Те, у которых подошва оторвалась от носка, и из — за которого она споткнулась, и о том, как они с Руби пытались приклеить ее обратно. Вспомнилась и Руби, которую отстранили за то, что она ударила Брэндона Фербена в лицо, когда он заржал над ее

падением. Папа должен был быть там. В ее детстве были только Руби и мама, иногда слишком подавленная, чтобы встать с постели. Он должен был защитить ее. Ему следовало хорошенько склеивать детские туфли и бить ее обидчиков за насмешки над ней. Коробку чувств почти удалось закрыть, когда мама проснулась.

— Привет, — сказала Лора. — Джимми пошел ужинать.

— Больничная еда не так уж плоха.

— Как ты себя чувствуешь?

— Больной. — Мама потянулась к кувшину с водой и чуть не пролила его.

Лора подхватила его и наполнила стакан.

Мама сделала глоток и спросила: — Почему ты не на работе?

— О ней позаботится Джереми.

— Хорошо. — Она хлопнула Лору по руке.

Лора смотрела, как она пьет, по краю чашки стекала небольшая полоска воды. Она вытерла и забрала чашку обратно.

— Мам, я хотел тебе кое — что сказать.

— Ничего слишком серьезного, хорошо?

Но Лора не слушалась мать с подросткового возраста, и не собиралась начинать. Особенно, когда ей было что сказать.

— Я люблю тебя, мам. И прости меня за все. Мне жаль, что я не ценила, то, что ты для нас делала. Я всегда думала, что есть только я и Руби, а ты вроде как, знаешь, просто на работе, потому что терпеть нас не можешь. И я бы не винила тебя в этом, вытерпеть нас было сложно. Мы были как дикарки.

— Ты училась в Далтоне, дорогая.

— По сравнению с другими детьми? Рубашки у них были белые и накрахмаленные. А брюки всегда со стрелками. Боже мой, как ты это сделала? Как ты удерживала нас от отчисления? Я не могу себе представить, сколько труда было вложено в это. Никогда не представляла. Я никогда не думала о тебе или о том, чего ты хочешь, и никогда не спрашивала, мама, а как насчет парня? Как насчет того, чтобы найти кого — то, кто бы тебя любил? Знаешь, я просто думала, что ты мама и ничего больше, и тебе ничего не нужно, и, даже не знаю, что пытаюсь сказать. Только что мне очень жаль. Столько времени потратила на то, что не считала тебя, кем, кроме мамы.

Женщина слабо улыбнулась.

— Ты всегда слишком строга к себе. — Она выглядела более уставшей, чем сразу после операции и Лора подумала, не пора ли начать беспокоиться.

Девушка положила голову на мамины колени, и почувствовала нежные прикосновения к волосам.

— Вас держали в Далтоне, потому что ваш дядя Грэм попросил своего босса из «Navershim & Laungle» составить хорошее исковое заявление. И я знала, ты любишь меня так сильно, как только возможно.

Вошел Джимми, шурша пакетами.

— Все еще здесь? Я купил тебе феттучини Альфредо.

Лора встала и убрала со стола.

— Я что похожа на Руби? Я это есть не смогу.

— Можешь съесть мой салат, — сказала мама.

— Нет, не может, — возразил Джимми.

— От полиции порта есть ответ? — спросила Лора, снимая крышку с горячего контейнера, заполненного жиром, сыроподобным нечто и крахмалом.

— Не понимаю о чем вы.

Лора бросила взгляд на полицейского, он в ответ постучал по часам. Судя по всему, он не будет отвечать на вопросы, пока не закончатся часы посещения.

— Подумал, мы должны рассказать Кангеми. Не хочу попасть в неприятности.

— Не беспокойся об этом, — сказал он и взял маму за руку. — Хочешь прогуляться или еще чего — nibудь после еды?

Мама вздохнула, теребя свой салат.

— Наверное, надо. — Ее взгляд остановился на белом соленом комке Лориной пасты.

Лора закрыла контейнер, отложила в сторону и взяла телефон.

— Что делаешь? — спросил Джимми.

— Смотрю, как прошла примерка.

Он выхватил у нее из рук телефон.

— Эй! — Лора потянулась к нему.

Он снова постучал по часам, затем указал на маму.

— На самом деле, Джимми, я... — начала мама.

Лора прервала:

— Все в порядке, мама. Давай, доедай салат. Мне бы тоже не помешала прогулка.

***

Прогулка заключалась в хождении взад — вперед по коридору с кронштейном для капельниц. Лора хотела над этим пошутить, но не хватило слов и вдохновения. К тому же, она прекрасно знала, что маме неловко находится в таком затруднительном положении перед Джимми, а он не стерпел бы тщеславия. Никогда бы не показал, что его что — то не устраивает.

Без четверти девять они свернули в коридор. Лора услышала, как в кармане Джимми загудел ее телефон. Потом он зазвонил, но полицейский его проигнорировал. Трудно представить, что на работе произошло что — то настолько ужасное, что не потерпело бы пятнадцати минут. Она надела на лицо мягкую, слегка счастливую гримасу, чтобы мама не заподозрила, что она хочет вырвать телефон из штанов Джимми.

Когда они уложили маму, поцеловали ее на ночь, а медсестра выгнала их, было девять пятнадцать. Лора стояла в вестибюле с Джимми, наблюдая, как люди шагают под высоким потолком, и в ярком свете на их лицах отражается беспокойство. Как бы кто не украшал больницу, как бы ни старался с помощью деревянной отделки и теплового света сделать это место привлекательным, больница оставалась больницей. В месте, построенном для сдерживания болезней, паники и смерти, никогда не будет вестибюля, кричащего о самообладании.

Джимми протянул ей телефон.

— Ты была молодецом.

Она схватила его и проверила сообщения. Руби спрашивает о маме. Джереми сообщил, что примерка прошла нормально, но очередной промах Хайди стоил им кучу денег. Он также напомнил ей, что она его любит.

— Собираешься на работу? — спросил Джимми.

— Что ответили из порта?

Сразу он не ответил, но, позвякивая ключами, осмотрел вестибюль.

Лора теряла терпение.

— Я ждала, пока..

— Пошли. — Он прошел вглубь больницы, по коридору и вышел к двери промышленного вида с затвором посередине.

Ей практически пришлось бежать, чтобы не отставать, но она была уверена, что лучше не спрашивать подробностей. Если он чувствовал, что ему нужно куда — то идти, лучше было не расспрашивать. Совсем. Они вышли на подземную стоянку.

— Ты взял машину? — среди ее знакомых было мало людей, у которых были машины или они были бы им нужны, и еще меньше тех, кто возил бы ее по Манхэттену, платя непомерную плату за парковку и воюя с пробками.

— Ненавижу метро, — ответил он, выключив сигнализацию квадратного внедорожника. — Залезай.

Она открыла пассажирскую дверь и забралась на сиденье. Джимми сел за руль.

— Мне писали из порта, — сказал он. — И связали меня с кое — кем, кого ты знаешь.

— Кангеми? Дерьмо. Значит, у тебя ничего нет. Я снова пришла к началу.

— Да. К детективу Кангеми, кстати, которому ты нравишься. Что вы с Джереми сделали для этих трех девочек? Он мне об этом рассказал. После такого он вам дает полную свободу действий. Итак, что у меня есть. Бруниканская парусная лодка пришвартовалась у пирса Челси. Она называется «Любимая Айла». И сейчас она не в доке.

Лора прикусила нижнюю губу, хотелось что — то сказать, но сначала нужно было подумать. Спросить ли, например, размер лодки или имя человека, с которым можно было бы поговорить, расспросить, когда лодка приходит и уходит? Должна ли она попросить подвезти ее туда? Попросить поехать он с ней? У нее в голове крутились все эти вопросы как тесто в тестомесе, смешивая их с тестом — тем, чего она на самом деле хотела, а именно: поблагодарить его, а затем пойти и разобраться во всем самой.

Джимми завел машину и тронулся.

— Они следили за ней, но ничего не предпринимали. Я рассказал ему то, что вы узнали о складе и всем остальном. Кангеми попросил быть осторожными. Он говорит, что ты многого не знаешь, и думаю, он прав. — Мужчина оплатил парковку и шлагбаум поднялся. Дождь лил сплошным потоком, переполняя желоба и канализацию.

— То, чего я не знаю, вероятно, привело в город великого принца.

— Ты снова попадешь в беду.

— Почему ты идешь на восток? Я собираюсь на работу. Можешь подбросить меня к поезду L.

— Ты не будешь работать. Я тебя слишком хорошо знаю. И я не буду говорить твоей матери, что пустил тебя одну на пирс.

***

Пирсы «Челси» считались опасными, еще, когда их просто выложили бетонными плитами поверх деревянных свай, покрытых отбросами. И хотя их аренда по — прежнему была дорогая, за последние десять лет стоимость с «баснословно дорого» упала до «доступно для конгломератов и монархов».

Джимми припарковался в переулке в зоне погрузки. Полицейские на пенсии, очевидно, не получали пропусков, но когда она решила уточнить, какой секретный код укажет, что владелец незаконно припаркованной машине полицейский, в ответ услышала лишь

недовольное бормотание. Девушка поплотнее обернула шарф вокруг шеи. Кашемир не выдержит дождя. Еще одна испорченная дорогая вещь. Она чувствовала себя вакциной от роскоши.

Они перебежали Вестсайдское шоссе и направились к трехэтажному спортивному комплексу длиной в кварталы, уходящему далеко в Гудзон. Обогнув самый южный конец комплекса, над которым вырисовывалось тренировочное поле с роскошными сетками, не позволяющим мячам для гольфа податься в реку. Дождь прогнал игроков в гольф, но не мог заглушить шум грандиозного события внутри комплекса. Музыка сотрясала пирс. Она бывала там на одном или двух мероприятиях. На первом, с Руби, и началом в час ночи. Тогда это было скопище танцующих мужчин и разлитых в пластиковые стаканчики напитков. На втором, была посуда из серебра, и она сопровождала Джереми. Оба мероприятия оставили теплые воспоминания, но повторять ни одно из них она не хотела.

Джимми остановил ее под навесом. Он вынул из кармана клочок бумаги и указал через сетку на два длинных пирса с другой стороны.

— Хорошо, пять Б. Это ряд А. Значит, нам нужен следующий. — Он считал пальцем. — Ищем. Один, два, три, четыре, пять. Пусто. Ок? Мне отвезти тебя на работу? Сейчас десять часов вечера.

Пирс был забит лодками, причудливыми, в основном с мачтами и высокими корпусами, раскачивающимися под ледяным декабрьским дождем.

— Да. На пересечение Сороковой и Одиннадцатого. Образцы, которые нужно проверить у меня с собой.

— Ты чокнутая, знаешь же это?

— Да.

Она пошла обратно к шоссе. Если лодки не было, значит, платье было где — то в Нью — Йорке, возможно, даже что — то рядом. Однако, как только лодка придет, шафрановое платье будет перевезено в Брунико и уничтожено, и все секреты, которые оно хранило, уйдут вместе с ним.

Она оглянулась на пирс, в основном, чтобы запомнить место, чтобы можно снова вернуться сюда после работы, просто проехать на такси, чтобы посмотреть, пришвартована ли лодка. Забор из проволочной сетки был около двух метров высотой. Легко перелезть. На самом деле это скорее психологический барьер, но сможет ли она перебраться через него позже, если там окажется лодка.

Она потянула Джимми за рукав.

— Это ряд В? Потому что, похоже, что это буква D, а значит это буква C, а ряд ближе к нам — В. А там стоит лодка. — Под дождем было трудно разглядеть, но она была уверена, что выбрала правильный ряд. Лодка представляла собой трехмачтовый парусник. На мокрой палубе маячила размытая фигура. Она ничего не знала о парусном спорте, так что парень мог поднимать паруса, бросать якорь или ремонтировать какую — то деталь, о существовании которой она даже не подозревала.

Джимми прищурился, затем отступил.

— Мы позвоним Кангеми. — Он достал телефон.

— Собираешься звонить детективу по убийствам, который скорее съест свою туфлю, чем будет бегать вокруг этого платья? Чтобы сказать ему что? Лодка пришвартована? Ему уже все равно. Он, наверное, сейчас преследует какого —нибудь убийцу в переулке.

— Тогда просто пойдем сами. — Он вышел из — под навеса под проливной дождь.

— Ты скучаешь по этому, — кричала она сквозь ветер.

— Почему?

— Вот почему ты пытаешься наставлять меня. Вот почему ты здесь. Именно поэтому ты в первую очередь выследил эту лодку. Потому что ты скучаешь по той жизни, которая была у тебя до пенсии. А сейчас все поменялось.

Он зашагал к ней, подзывая пальцем быть ближе.

— Разве ты не говорила мне, что все, что я делаю, имеет значение.

— Ты скучаешь по этому значку. Ты скучаешь по тому, чтобы быть главным. Иначе, зачем нужно было отгонять ломом репортеров от моих дверей?

— Потому что я забочусь о твоей матери. А ты? Ты заноза в заднице.

На секунду его осветили фары фургона, несущегося по в стречке. Лора прикрыла глаза. Джимми тоже посмотрел на машину, а она развернулась и скатилась по пирсу к пристаням А / В. Фургон был белого цвета с зеленой полосой по бокам.

— Это фургон, который забрал платье у Джобет, — сказала Лора. — Оно было у бруниканцев с самого начала. Настоящее так и не попало в музей.

— Ок, и что ты хочешь делать?

— Настоящее платье в том фургоне.

— Что ты будешь делать? Я спрашиваю тебя снова, потому что ты вся на взводе и не сосредоточена.

Она снова посмотрела на фургон и лодку. Свет фар потух, и эти двое казались не более чем черными пятнами на фоне дальних уличных фонарей шоссе.

— Я хочу пойти посмотреть. Может быть, мы найдем платье. Или, если мы сможем разглядеть номерной знак, может быть, сообщим об этом Кангеми. Давай, Джимми. Чем ты планируешь заняться? Пойдешь в пустой дом и будешь задаваться вопросом, что бы было, если бы прошел тридцать или десять метров вперед?

— Нет, — сказал он. Но «нет» не значит «нет». Его тело наклонилось к лодке, как будто ветер собирался унести его. Все, что ему было нужно, это небольшой толчок. А у нее, к сожалению, помимо просьб и мольбы, закончились боеприпасы.

Без зонтика и капюшона она смирилась с испорченным кашемировым шарфом и побежала мимо Джимми под дождь. Зацепилась палицами за забор, подтянула одну ногу и просунула ее в сетку. Но она больше не ребенок, и в ячейку сетки не пошло и пол кроссовка, но этого оказалось достаточно, чтобы оттолкнуться и нащупать пальцами верхнюю ячейку. Снизу слышались шаги Джимми, но нога уже была перекинута через верхний край, и острые кончики сетки впились в бедро. Она умела лазить через заборы. Внизу ее ждало мягкое приземление в лужу. Как итог, порванные леггинсы и мокрые кожаные сапоги на высоком каблуке. Когда она попадала в передряги на Адской кухне, хороших вещей у нее не водилось. Сейчас, по — видимому, ничего не изменилось, но она уже была по другую сторону забора. Посмотрела на Джимми. Он покачал головой.

— Что случилось? Не могу больше перелазить через заборы?

— Тебя за это арестуют, — сказал он.

— Не в первый раз. — Она пошла к ряду В, волосы насквозь промокли, туше расплылась, кончики пальцев сморщились от воды и холода. Позади нее задрожал забор, Джимми бежал за ней вслед по лужам.

— Ты заноза в заднице, — сказал он, догнав ее. Лора улыбнулась.

Подойдя к фургону, они притормозили, а затем спрятались за множеством широких

свай. Если она немного повернет голову, то увидит фургон между сваями, две лодки и, казалось, бесконечные диагональные канаты. Двери были открыты, и мужчина в плаще и строительных сапогах разговаривал с лысым мужчиной в большом капюшоне.

— Это официант из кафе, — прошептала она. — Тот, что был в набивной рубашке.

— Грузят вино, — сказал Джимми, оглядываясь по сторонам.

Как по команде, вышел другой мужчина с ящиком. Он отдал его официанту, который засунул его в кузов фургона. Трое мужчин. Есть ли еще? Сколько человек нужно в команду, чтобы переправить трехмачтовую яхту из Брунико в Нью — Йорк?

Между тремя неясно просматриваемыми мужчинами завязался разговор, после чего они заглянули в заднюю часть фургона.

Краем глаза Лора увидела слабый свет; Джимми достал телефон.

— Что, черт возьми, ты делаешь? Они нас увидят.

— Я делаю то, что ты должен делать: пишу сообщение Кангеми. Его ребята либо смотрят не на тот причал, либо не видят из — за дождя.

Она оглянулась на троих парней. Набивная рубашка указал в их направлении.

Она присела ниже и выглянула с другой стороны.

— Дерьмо.

Все трое мужчин уставились в ее сторону, часть их лиц была прикрыты капюшонами и шляпами. Мужчина в строительных ботинках закрыл двери фургона. Официант пробежал в сторону. Третий мужчина оказался женщиной, и она побежала обратно на лодку.

— Они уходят! — крикнула Лора, вставая.

— О нет, не надо, — воскликнул Джимми, пытаясь схватить ее.

На бегу она слышала собственное дыхание под шарфом, который прилипал к ее лицу, как маска. Испорченные кожаные сапоги хлопали по лужам, каблуки стучали по тротуару. Каблуки у сапог были не такие уж и высокие, но достаточно высокие для опасной беготни под дождем. Удивление от ее бегства должно было пройти через полсекунды, и Джимми должен был скоро ее поймать.

Фургон пронесся по дороге, а Лоре пришлось проскочить под шлагбаумом. Джимми не мог быть таким быстрым. Ему было за шестьдесят, и он был не в форме. Даже стало страшно, вдруг у него тоже случится сердечный приступ как у мамы. Но прежде чем она успела остановиться, фургон повернул налево на шоссе Вест — Сайд и остановился на светофоре в полквартила от нее.

Шоссе было заполнено машинами, а видимость была ужасной. Но платье было в кузове фургона. Она могла поставить на это свою жизнь. Репутация для мамы. Деньги для Джереми. И путь к папе для нее.

Она выбежала на проезжую часть. Водитель белого седана «Мерседес» ее вообще не заметил, и Лора успела отступить, и он только задел пуговицы на пальто. Конечно, она была одета в матово — черный бомбер, такой модный среди дизайнеров Нью — Йорка, но этот выбор сейчас мог стоить ей жизни. Она распустила волосы, собранные в хвост, надеясь, что ее светлые волосы хотя бы немного заметнее, потом вспомнила, что на ней была желтая рубашка. Она стянула куртку — еще одна хорошая вещь, которая вот — вот станет половой тряпкой. Желтая рубашка практически светилась в темноте. Она снова вышла на улицу, подняв руки.

«Тойоту» неопределенного цвета занесло, но она остановилась, задев Лору капотом. Внедорожник «Форд» притормозил и остановился. Она отступила перед двухтонным

снарядом, который не смогла идентифицировать, и бросившись через его следы, добежала до железобетонного отбойника посреди трассы под проклятья водителей, которых только что чуть не убили ее. Послав всех к черту, девушка побежала в белому фургону с зеленой полосой. Если Лора будет ждать, ей снова придется кидаться на движущиеся машины, но красный свет, на который остановился фургон, остановил и весь остальной транспорт.

Позади нее, на западной стороне улицы, на тротуаре, Джимми что — то крикнул, вероятно, «Стоп» или «Не надо». Она лавировала между остановившимися машинами, стуча в капоты, чтобы водители знали, что рядом человек, протискиваясь между железными конями в полной мере ощутив, что такое «бампер к бамперу», и даже не представляла, что будет делать, когда доберется до фургона.

Светофор переключился. Фургон был третьим от светофора, а она отставала на половину машины. В боковом зеркале она увидела лицо мужчины в ботинках. Он был лысым с кожей цвета мокко и густыми черными усами. Они встретились взглядом через зеркало, когда Лора направилась прямо к нему. Должно быть, он догадался, что что — то не так, потому что, когда свет изменился, он резко газанул вперед, почти врезавшись в машину перед ним. Лора забралась на передний бампер машины позади фургона. Несчастный водитель засигналил, выкрикивая ругательства, но Лоре удалось схватиться руками за двери фургона.

Фургон тронулся, послышался лязг. Фургон свернул, пытаясь уйти направо с центральной полосы, и задняя дверь распахнулась полностью. Ящики и коробки разлетелись по всему шоссе. Машины начали изворачиваться, визжа шинами по скользкому от дождя асфальту.

Лора выкатилась по обледенелой мокрой улице, ее рука ударилась о тротуар. К ней неслось такси. Было уже поздно двигаться. Замерев, закрыв глаза, Лора подумала: «Я умру раньше Джереми, и он так будет злиться». Такси затормозило, окатив девушку водой. Шина остановилась в полдюйма от ее лица, обдав горячим от трения паром.

Она перекатилась и увидела, как фургон проскочил на тротуаре и ударился о столб, скребнув по нему, прежде чем окончательно повалить. Полицейские появились из ниоткуда, мигая огнями, как будто они все время наблюдали за доками.

Лора оглянулась на потерпевших и убедилась, что никого не убила. Всего лишь промокшие и рассерженные. Она побежала к фургону, споткнувшись о разбитые бутылки с бруниканским вином, деревянные осколки и содержимое ящика. На пешеходном переходе виднелась манекен для одежды на проволочной основе с шестом посередине, обитый состаренным холстом. На бедрах было выбито «ФИЛОМЕНА», и хотя у манекена были покатые бедра, так любимые в прошлые десятилетия, форма тела, во всем ее стройном, безгрудом чуде, определенно была мужской.

Это должно быть был настоящий манекен.

Принцесса Филомена была мужчиной.

Глава 17

Лора не могла удержать в руках ложку, что выглядело так же нелепо, как и ее клацающие зубы. Одна ее рука была крепко зафиксирована под одеялом, а вторая дрожала так сильно, то в рот к ней не попала бы и капля супа. Джереми перевязал ей руку сразу же,

как только привез и посадил на диван. Джимми хотел отвезти ее домой после того, как ее допросил бы Кангеми, но Лоре не хотелось ждать, пока детективы и парамедики освободятся. Она позвонила Джереми, он приехал и увез ее на такси, пока никто не видел. Они никогда ни словом не обмолвились о том, чтобы она поехала в Бруклин на ночь.

— Открой, — сказал он, протягивая ложку.

Она попыталась, но зубы снова щелкнули с каким — то рычащим звуком, совершенно непригодным для поедания супа.

Он снова подтолкнул к ней ложку.

— Я бы в рабство пошел ради такой банки супа.

Она набрала полный рот невероятно успокаивающего, но все же обжигающего куриного супа.

— Горячий.

— Да. Я таким его и делал. На плите. Сам подогрел. И открыл банку. А мой большой палец больше никогда не будет прежним после такого. Посмотри. — Он подул на суп и положил ей в рот еще одну ложку. — Ты позвонила маме? Вероятно ей будет интересно, что ее муж не бросил ее ради другой женщины.

Лора пыталась, как только оказалась в такси с Джереми, но руки начали дрожать так сильно, что она чуть не уронила телефон.

— Она все равно спит.

— В больнице никто не спит. Поверь мне. Это как на Центральный вокзал. Каждую смену кто — то приходит, чтобы измерить твое давление. — Он протянул еще ложку. — Тебе нужно сходить к ней утром. Первым делом.

Она сглотнула.

— Теперь понятно, почему подклад платья шился отдельно. Оно было для мужчины, и этот манекен. В Метрополитене платье должно было выставляться так же на таком же манекене, но если бы кто — то его увидел, то сразу же обо всем догадался бы. Должно быть, это величайший секрет во всем мире. Принцесса Филомена была мужчиной. Я даже не могу поверить в это, когда говорю. Но папа сбежал с ней, и знаешь что? Бьюсь об заклад, она собиралась раскрыть правду, а он бы с одной половиной придворных кричал: «Да, давай это сделаем! Будем современными». А другая половина, которая была бы за великого принца, говорила: «Нет, нам нужно оставаться бруниканцами». Затем они посадили папу и заставили его строить для них дома и мосты.

— В этой истории есть сотня дыр. Зачем твоему отцу пришлось отправляться туда и создавать там проблемы? Почему бы ему не нанять адвоката? Почему принцессу не бросили в тюрьму?

— Она больше никогда не путешествовала.

Джереми пожал плечами.

— Не знаю. Ты что — то упускаешь. — Он скормил ей остатки супа и поцеловал, прежде чем встать, убрать посуду. — Это твои туфли? — Он указал ложкой на шпильки Хосе Инуэго.

— Наверное. Это длинная история.

— Надень их завтра.

— Мне они не нравятся.

— Ты их не для себя одеваешь, а для меня. — Он обошел кухню, ополоснул кастрюлю и спустил ее в посудомоечную машину. Идеальный домохозяин.

— В фургоне не было платья. Знаю, было темно, и я могла многое не разглядеть, но там были одни ящики из — под вина.

— Плохо. Мы потеряем много денег. С этой точки зрения, мы в дыре. Могу только подсократить зарплату, но потом все равно придется увольнять сотрудников. — Он вытер руки полотенцем и вернулся к ней.

— Можешь урезать мою. Я и так получаю слишком много.

— По словам Барри, нет. — Он заполз на диван и притянул ее вместе с одеялом к себе. Объятия были крепкими и такими правильными. Он подходил ей как хороший пиджак, сшитый на заказ с учетом ее изгибов. Его губы прижались к изгибу ее шеи.

— Ты хочешь уволить Хайди, — сказала она.

Его дыхание опалило ее щеку, губы заскользили по линии челюсти.

— Если они не найдут то платье, мы не сможем позволить себе оставить ее или Тиффани. Чистая математика. Мы по —прежнему останемся на плаву, если сократим этих двоих и меня. Мы сможем продолжить работать.

— Это когда —нибудь станет проще?

— Нет. — Он поцеловал ее. — У тебя все еще холодные губы.

— Перестань жаловаться и согрей их.

Они снова поцеловались, Лора попыталась вылезти из — под одеяла, чтобы обнять Джереми, но он в ответ ее лишь крепче обнял. Чем больше она извивалась, тем крепче он держался, пока они, смеясь, не упали с дивана.

***

Лора принесла маме пачку журналов и еще одну вышивку рождественской елки. Поднимаясь в лифте, она поняла, что совершенно забыла о рождественских подарках во всей этой бешеной погоне за платьем, маминых проблем с сердцем и бруниканским двором. Джереми, неверное, прикупил ей здание на Лексингтон — авеню, а она даже не задумывалась, что ему подарит.

— Ой, смотри, — сказала мама, когда увидела журналы. — Еще совет, как заставить мужчину полюбить меня. — Она указала на другую стопку на столе рядом.

— Ты слышала? — спросила Лора. — О принцессе?

— Джимми позвонил мне вчера вечером. В этом есть хоть какой — то смысл, если он вообще здесь может быть. А так же рассказал, что ты перепрыгнула через забор и чуть не убила в пробке, а потом убежала с Джереми, не дав врачам тебя осмотреть. Не хочешь рассказать, о чем вообще думала?

— Я думала об одеяле и горячем душе. И не хотела отвечать ни на какие вопросы.

— Например, почему попала в эту аварию?

— Похоже, ты поправляешься. — Лора поправила простыни и взбила подушки. — Лицо порозовело. Или ты красилась?

— Этот румянец на моих щеках — раздражение. Я хочу выбраться отсюда и снова вернуться к нормальной жизни.

Лора села на край кровати.

— Ты что —нибудь знала о принцессе? Может, когда работала над платьем?

— Мы шили на манекене, а делала только юбку и верх. К манекену была прикреплена изнаночная часть, которую нельзя было снимать. Я такая глупая. Если оглянуться назад, все было так очевидно. Вся грудь и бедра были на внутренней части, А она ее просто одевала.

— Тебе лучше? Он же не ушел к другой женщине?

Мама взглянула на нее, казалось, задумавшись над ответом.

— Хотелось бы сказать, что пережила это пятнадцать лет назад. Но буду честна. Когда я поговорил с Джимми по телефону, почувствовал такое облегчение, что расплакалась. — Она улыбнулась и потерла глаза. — Чувствую себя ребенком, но стало легче.

— Мам, у тебя была тяжелая неделя. — Лора положила руки на руки матери, и они так молча и просидели до прихода Джимми.

***

Лора и Руби склонились над машинкой одновременно пришивая льняную вуаль к подолу, что бы был виден необработанный край, и удаляя наметку, когда завибрировал Лорин телефон. Звонил Барри. Трубку она поднимать не стала, но решила выйти на обед, о котором почти забыла.

В кабине лежал блокнот с нацарапанными в нем требованиями к контракту. Они были смешны. Никто бы на такое не согласился. Оплата аренды жилья. Перелеты первым классом. Пособие на одежду, которое покрывало бы расходы на питание семьи из четырех человек. Пять недель отпуска, как будто она им воспользуется. Она посмотрела в окно на Томсон — стрит, когда не смогла придумать другого требования, которое заставило бы Барри рассмеяться ей в лицо.

Придя, в ресторан на пять минут раньше, она специально выбрала столик у окна, чтобы смотреть на Барри, когда он все это будет читать. Заведение специализировалось на местной кухне, что для Нью — Йорка означало Вестчестер, Нью — Джерси, Пенсильванию и множество других кулинарных спекуляций. Пшеницу нельзя было выращивать в радиусе ста миль, поэтому происхождение хлеба не упоминалось в намеренно смятом рукописном меню. Официантка в бандане выглядела слишком здоровой, чтобы тоже быть местной. Лора возненавидела окружающую ложь, такую естественную для ее общества, что в конце списка написала «увольнение по желанию». Если она попадет в гнездо гадюк, хотелось иметь возможность сбежать из него без последствий.

Как будто она когда —нибудь собиралась бросить Джереми... она просто забавлялась обедом с другом, наслаждаясь профессиональным флиртом.

Она вносила последние штрихи в свой список, буквально ставя точки над «i» и перечеркивая «b», когда стул перед ней отодвинулся, и кто — то присел напротив.

— Болтушка. — Шелдон Померанц небрежно разложил салфетку у себя на колени. — Я даже не узнал тебя. На минуту я подумала, что пришла твоя сестра. — Все такой чрезмерный во всем, его костюм был через отглажен, галстук шире на несколько миллиметров, но ему было плевать. Это настораживало.

— Шелдон, рада тебя видеть.

— Как всегда отлично врешь. — Адвокат улыбнулся, как кошка, неожиданно увидевшая толстую мышь. — Барри задержался в банке. Они и, правда, хотят посмотреть на одежду. Как будто в ней что — то понимают. Заказ делала? — Он махнул рукой официантке в небольшой желтой бандане. Они сделали заказ, и когда она ушла, Шелдон положил локти на стол и перешел к делу. — Итак, Барри озвучил тебе цифру. Устраивает или нет?

— Устраивает. Но у меня есть и другие требования. — Она сунула ему листок с глупым списком условий, на которые он никогда бы не согласился.

Он вынул очки, причитал, положил листок на стол. — Это все?

— Да. Пока что.

Он снова взглянул на нее.

— Посobie на одежду. Покупать будешь по оптовым или в розничным?

— Оптом.

Он посмотрел на нее поверх очков.

— Розницей. А товар поступает со склада после выполнения заказов.

Если делать покупки по розничной цене, пособие сократится вдвое. Но большинство людей носит одежду несколько лет.

— Согласна, — сказала она. — И это включает заказы по лицензии. — Таким образом, это покрывало бы ее траты на обувь и аксессуары, сделанные по заказу сторонними фабриками. Лицензионные вещи стоили дороже по ваучеру.

— Только на товары, поступающие через склад, — сказал Шелдон. — Если доставка, оплачиваешь сама.

— Я понятия не имею, что это исключает.

— Духи и нижнее белье.

— Отлично.

— Как твой парень отнесется к тому, что ты будешь заниматься делами Барри??

— Он большой мальчик. Сам справится. — Она понятия не имела, сколько Джереми выдержит, если выдержит вообще. Самый спорный вопрос, но Шелдону об этом знать не обязательно.

Он отодвинул бумагу в сторону.

— Я не вижу проблем.

— Грэм Смирски будет править контракт и вести переговоры от моего имени. Так что давай будем честными..

— Давай.

— Никаких уловок. Никаких троянских коней. Никаких сюрпризов.

Шелдон снял очки и улыбнулся широкой белозубой улыбкой.

— Я бы и не мечтал об этом, потому что Грэм Смирски — единственный адвокат в этом городе, которого я уважаю. А также потому, что это будет самая приятная сделка, которую я когда — либо подписывал.

Лора прошла взглядом по лицу адвоката, но ничего не заметила. Оно оставалось бесстрастным, даже можно сказать счастливым. Только счастье это у него часто граничило с жестокостью, которую он всегда проявлял, когда был в ярости.

— Почему ко мне такое отношение? — спросила она. — Из — за дяди или еще почему — то?

— У нас есть прошлая история. Переговорил с Барри, отправился сюда. Новый клиент. Больше денег. И ты мне нравишься.

— Ценю это. — Она обдумала свой следующий шаг. — Мы все еще честны?

— Конечно.

— Ты пытался подать в суд на Джереми за подделку его собственной линии и удержание прибыли. Но потерпел неудачу, потому что Грейси отделила JSJ от ваших корпоративных интересов. Уверена, тебя это задело, и я бы не стал поднимать этот вопрос, если бы мы сейчас не подписывали контракт на мою работу. Я не уверена, что он будет чистым и не навредит Джереми или в нем ты пропишешь лазейки, чтобы отомстить ему через меня.

Шелдон откинулся на спинку стула, вытянув ноги, будто занимая больше места в комнате, увеличивая свое доминирование. Посмотрел на нее, как будто впервые увидел в этом ресторане во время переговоров по контракту, а не в мастерской во время расследования убийства.

— Он трахал мою жену девять лет. За мои деньги. Ты думала об этом?

— Ему было девятнадцать. И это она его использовала. Ты думал об этом? — Начала было Лора, но на полуслове решила с ним не враждовать. Он пришел, потому что его прислал Барри, и сидит напротив женщины, которая заменила его жену в постели Джереми через несколько месяцев после ее убийства. Это был просто бизнес, даже если она и считала его полным придурком.

Он усмехнулся, будто бы она была семилетней девочкой, рассказавшей лучший анекдот в истории.

— Она сделала его тем, кто он сейчас есть. — Отсмеявшись, он продолжил резким и колючим голосом.

Лора наклонилась вперед как на лезвие ножа.

— Вот как ты заключаешь сделки, Шелдон?

Он слегка кивнул, словно признавая, что она права, но в то же время, не давая утвердительного ответа, чтобы позже опровергнуть все сказанное.

— Эта сделка заключается сама собой. Ты все время говоришь «нет», но вот твой список тебе противоречит. Послушай, давай не будем тратить время на прошлое. Тему поднял я — моя вина. Но смотри, как ты все вывернула. Пришел говорить о деле и обговорить детали. Главное, у тебя есть контракт, и твой дядя будет доволен им.

Она все еще могла придти в себя до того момента, пока ручка не коснулась бумаги. Отказ не улучшит ее репутацию, но что за репутация, если вы не можете ее испортить?

— Мне нужно его увидеть, прежде чем подписать.

Принесли еду, и Шелдон отполировал свои приборы тканевой салфеткой до блеска прежде чем прикоснуться к блюду.

Лора чувствовала себя такой же сильной и компетентной, как и когда — либо, и хотя мотивы и слабости Шелдона были очевидны, она сразилась с ним лицом к лицу и не проиграла. Она задавалась вопросом, пытается ли себя убедить, что еще не ушла к Барри, или только боялась сказать Джереми, что уходит из его бизнеса.

***

Когда она садилась, в такси раздался звонок.

— Привет, Стью, — сказала она. — Как прошло твое свидание?

— Отлично, спасибо. Но я не звоню по поводу моей сексуальной жизни.

— О, был секс. Очень...

— Я проводил небольшое дополнительное расследование по делу Грейси Померанц, — прервал он, — и обнаружил, что она и Джереми пытались вывести компанию на биржу пять лет назад. Они отозвали заявку, и, похоже, что это произошло потому, что не смогли обойти проблему раскрытия информации о состоянии здоровья руководителей.

Она откашлялась.

— И что?

— И она была больна? Могло ли это способствовать ее смерти? Думаю, вскрытие что —нибудь нашло бы.

Лора ничего не знала об продаже акций. Она знала только, что Грейси не позволила бы Джереми расти темпами, которые обеспечили бы внешние инвесторы. Так что либо Джереми прокрался мимо своей покровительницы, либо это была ее сиюминутная слабость. В любом случае было очевидно, что Стью нарыл информацию о состоянии здоровья. Это было катастрофой.

— Стью, честно говоря, я понятия не имею.

— Это она или Джереми. Ты мне рассказать ничего не хочешь?

— Ага, — сказала она. Он ждал, как хороший репортер. — Тебе лучше пользоваться презервативами со всеми этими девушками, иначе тебе нужно будет рассказывать о своем здоровье.

— О, Лора, ты не умеешь врать.

По спине девушки пробежал холодок. Если из — за нее станет известно о болезни Джереми, она не переживет этого. Такси остановилось на 38-й улице.

— Мне нужно идти, Стюарт. Не забывай одевать свои причиндалы. — Она выключила телефон, прежде чем ляпнуть глупость.

Глава 18

Руби сменила цвет январских продаж на оранжевый и теперь, их выставочный зал стал похож на закат на бруниканском флаге. Лоре перемены нравились. Коллекция стала выглядеть очень красиво, и стало понятно, что появление отца повлияло на Руби так же как сильно как и на Лору.

Лора все еще не приняла предложение Барри Тилдена, но серьезно задумалась о том, как это повлияет на Руби. За «Портняжек» сестра получала больше, практически достаточно для безбедного существования, в противовес Лоры с символической зарплатой, которая компенсировалась возмутительно большой зарплатой от Джереми за работу в «JSJ». Конечно, поскольку их способности к работе сильно различались, Лора работала столько же часов в неделю, сколько и сестра, и если бы она переехала, ничего бы не поменялось. Просто нужно будет как — то все успевать. Она не первая. Принять это было легко, но беспокоилась она не о себе. Она беспокоилась о Руби, а потом о Джереми.

Словно услышав ее мысли, зашел Джереми.

— Я на 40-ю. Ты со мной?

За окнами уже темнело, и сумрачный офис освещали лишь огни соседнего здания. Девушка, до этого перемещавшая маленьких бумажных кукол по пенопластовой доке, остановилась.

— Не могу. Мы с «Портняжками» отстаем от графика, и я не могу кому — то передать эту работы. Никогда не думала, что Руби настолько экспериментатор. Я ее сдерживаю. Это, мягко говоря, неожиданно.

Он стянул ее куртку со спинки стула и накинул на плечи.

— Это потому, что ты начинаешь заниматься деловой стороной бизнеса. Пойдем. Ты передвигаешь эту юбку с места на место уже двадцать минут.

Лора положила слишком короткую юбку в начало и выпалила то, о чем давно думала:

— Тебя не беспокоит, что кто — то должен был умереть, чтобы мы были вместе?

— Нет. Нисколько.

Она сразу почувствовала, что упоминать об этом было ошибкой, и его ответ стал тому доказательством.

Он коснулся ее подбородка большим пальцем.

— Тебя это напрягает?

— Есть немного.

— Отлично. Тогда позволь мне объяснить. У нас был десятилетний контракт, который должен был быть пересмотрен через год, за исключением того, что она имела право оставить текущие условия по своему усмотрению. Я не мог провести с ней ни минуты, но мне нужно было сохранять спокойствие. У меня есть активы, и фабрика принадлежит мне. Я мог бы открыть другую компанию, но она могла бы забрать мое имя. В конце концов, мое имя — это все, что у меня есть, что чего — то стоит. Она дала понять, что примет это через секунду. Итак... — Он глубоко вздохнул. — Мне пришлось организовать это так, чтобы договор вообще мог быть предметом переговоров, а затем я мог исправить пункт о товарных знаках и авторских правах. И для этого просто... мне нужно было усыпить ее бдительность. Как — то так.

— И ее смерть означала, что ты всего этого избежал.

— Чувствую себя не очень, когда говорю об этом.

— Что ты собирался сделать, чтобы ей было достаточно комфортно, чтобы позволить тебе убрать этот пункт?

— Честно? — Он развернул ее и застегнул верхнюю пуговицу на пальто.

— Честно.

— Честно говоря, — сказал он, поглаживая линию плеч ее куртки, — поскольку ничего этого никогда не происходило, я не думаю, что должен говорить, и я лучше пальцы под оверлок подставлю, чем буду об этом говорить.

Ответ был принят без колебаний. Оверлоки — дьявольские машины, а его пальцы слишком ценны.

***

В модельном квартале Лору с Джереми СМИ было не достать. Улицы были заполнены людьми, бежавшими в метро, вызывавшими такси и ожидающими автобусов. Конец дня для многих для них был полуднем, поэтому они, взявшись за руки, шли к фабрике навстречу холодному ветру. Случайные знакомые обменивались с мужчиной лишь кивком или быстрым рукопожатием, а благодаря его присутствию, то и она тоже. Они шли достаточно быстро, не отвлекаясь на разговоры или слишком долгие приветствия, и чем дальше они проходили на запад, таких приветствий становилось меньше.

— Собираешься зайти к маме? — спросил Джереми.

— Не сегодня. Звонила ей, она сказала, что устала от меня. Думаю, ей надоело, что я задаю вопросы об отце.

— Надеюсь, ты его найдешь, Лала.

Против этого имени из его уст Лора не возражала, потому что Джереми приобнял ее за плечо, когда произносил его.

— Ага. Мне кажется, что чем больше пытаюсь понять, тем меньше вариантов, где он может быть. То есть, я знаю, что он где — то здесь. По крайней мере, был несколько дней назад. И чем больше времени уходит на его поиски, тем меньше вероятность, что он останется здесь.

— Думаю, он сам тебя найдет.

— Если бы он хотел со мной встретиться, то оставил бы в письме номер.

— Если бы он не хотел, чтобы его нашли, отправил бы его по почте. Со штампом, а не оставил у двери.

— Ну, я бы все равно не знала, что ему сказать. За исключением: «Я тебя ненавижу». И спросила бы, где платье. Потому что он знает. На прошлой неделе отец просто свалил меня наповал, и выяснилось, что великий принц в городе. Он точно замешан.

— Ты говорила, что платье было у великого принца.

— Он принимает меры, чтобы его уничтожить или перевезти. Подумай, Джереми. Он не будет делать это сам, так же как и ты не собираешься стирать свою одежду. Но он, вероятно, здесь из — за вчерашнего происшествия, подчищает следы. Не хочет, чтобы кто — нибудь знал, что его жена — мужчина. Иначе потеряет свою корону и все деньги, что с ней связаны.

— Какой смысл быть принцем, если не можешь изменить законы?

Как обычно, он был прав. Прагматик.

— Ты знал, — спросила она, — что я выросла в пяти кварталах от фабрики на 40-й улице? «Адская кухня» находится именно там. На восток и чуть выше. По другую сторону туннеля.

Он обернулся.

— Так это была ты.

— Помнишь, девчонку без отца, которая пачкала штаны по три раза на недели?

— А ты помнишь, ребенка в прозрачной пластиковой маске, который таскал с собой кислородный баллон?

Она глубоко вздохнула, прежде чем сказать:

— Да.

Когда он остановился, Лора зажмурила глаза. Она не хотела, чтобы Джереми вспоминал все те ужасные вещи, но она и ее окружение были жестоки к нему, и пришло время отвечать за свои действия. Открыв глаза, Лора увидела, что он стоит перед ней, уставившись в ее лицо, словно решая сложную математическую загадку.

— Джереми, если я посмеялась над тобой или причинила боль, мне очень жаль. Я почти не помню. Это не оправдание, но... — Но ничего. — Я помню, как ты проверял ткань на погрузочной платформе, когда тебе было восемь или девять лет. И я помню тебя по очереди из лимузинов, когда тебе было лет тринадцать. Я вспоминаю тебя таким, каким ты был. Ты был ребенком, которого мы боялись. Это все, что я помню, и то, только потому, что вернулись воспоминания об отце.

Обычно ему даже не приходилось говорить, чтобы она догадалась, что ему нужно. Лора перестала беспокоиться и посмотрела в глаза мужчине.

— Ты знал, — сказала она.

— Я узнал тебя. Расскажу тебе один случай. Ты была в переулке за фабрикой. Я закашлялся. Может, мне было девять? Десять? Я ждал, пока спустится моя мама с моим ингалятором.

— Что я сделала?

Он развел руками и сделал такое выражение лица, которое сказало ей, что он не хотел говорить.

Она закрыла лицо руками.

— Это был однажды или повторилось?

— Ты была ребенком и выглядела напуганной, — сказал он, отмахиваясь. — Был и другой раз.

— Ты уходишь от ответов.

— В «Steinloff and Stohler».

— Не могу поверить, что ты все это время знал.

Он на секунду прикрыл глаза, как будто ему нужно было сосредоточиться.

— И на перспективу, мне было девятнадцать. У меня была фабрика, утопающая в долгах, но она была моя. Я занимался сексом, который... даже несмотря на то, что она была замужем, для меня, тощего, болезненного ребенка — был пределом мечтаний. Я смог создать свой модный дом. Я был на вершине мира. Так... ты со мной?

Её с ним не было. Для нее это стало откровением, но для него это было очевидно с самого начала. Она не знала, с какого начала — когда он увидел ее на собеседовании, или когда они начали вместе спать, или в любое другое время между ними — но времени было достаточно, чтобы узнать помнила ли она его, встречалась ли с ним в переулке, пока переживала потерю отца, а он страдал от неудачной генетической рулетки.

— Я на тебя зла, — сказала она и остановилась, скрестив руки и привстав на ступеньку соседнего здания. Чтобы пройти, ему придется снести ее как бульдозер.

— Ну что ты. Честно. Ты бегала с бандой детворы рядом с фабрикой. И все вы были с другой стороны туннеля. Твоя няня и ее парень вот кто был настоящей занозой в моей заднице. Ты и твоя сестра были слишком молоды, чтобы меня беспокоить. Вплоть до истории со «Штейнлоффом и Стоклером», которую ты вспомнила бы, если б перестала злиться.

Она возвышалась на две ступеньки над ним. Джереми поставил ногу на первую ступеньку и посмотрел на нее снизу вверх своими карими глазами, обрамленными пушистыми ресницами, с потрескавшейся нижней губой. Все те годы, что они были знакомы, она так его и не узнала. Запомнила лицо, походку, как вести бизнес, восхищалась его пронизательность и талантом, но никогда не заходила глубже.

— Ладно, — она продолжила. — «Steinloff and Stohler».

«Steinloff and Stohler» был крошечным магазинчиком на 37-й улице, где продавались обрезки, фурнитура и подручные материалы с огромной наценкой. Это место не менялось уже лет. Там было темно, многолюдно и как на военном объекте. Лора бывала там больше тысячи раз, и если бы она когда —нибудь встретила там Джереми Сент — Джеймса, она бы помнила это.

— Может, пойдём? — он спросил.

— Нет.

— Отлично. — Казалось, ему неловко смотреть на нее. — Я покупал коробку с нитками. В то время уже был с Грейси в отношениях. Мне казалось, все замечательно. В магазине стоит девушка и рассматривает машинные иглы. Сколько ей? Не знаю. Шестнадцать?

— Если ты говоришь обо мне, просто скажи, что это я.

— Дело было ближе к вечеру. Летом. И на тебе был красный верх от бикини под большой рубашкой поверх него. Он просвечивал. И цвет явно выгорел на солнце. Никогда этого не забуду. Большая юбка крупной вязки, и я уверен, что под ней у тебя были такой же красный низ.

— Решил вести себя как свинья?

— Я хотел залезть тебе под юбку и стянуть с тебя это бикини. Это делает меня свиньей?"

— Не могу поверить, что ходила в таком виде.

— Тебе как будто было все равно. Это было... я имею в виду, это было невероятно.

— Тем летом мы с Руби часто ходили на пляж. Кажется, меня перестало заботить, как я выгляжу. — Она чувствовала себя защищающейся и незащищенной, не помня о юном Джереми, который хотел сунуть руки ей под одежду.

— У тебя были взлохмаченные волосы. И ты была вся в песке. Похожая, на последнюю уличную крысу, но с какими изгибами.

— Знаешь, я училась в частной школе.

Он проигнорировал ее оправдание своей неряшливости.

— Я давно не видел вас, ребята. После того, как умер отец и компанию возглавил отчим, я не часто покидал фабрику. Но да. Я тебя узнал. Знаешь, подумал... Я могу с ней поговорить. Правильно? Теперь я большая шишка. Боже, я был... — Он улыбнулся и отвернулся, затем снова посмотрел на нее. — Ты была так красива. Я подошел к тебе и вытащил иглы «Tasken». Сказал что — то глупое, вроде: «Возьми вот эти. Они немецкие».

— По сто долларов за дюжину.

— Ага, ну, я понял, что ты меня не помнишь. Так что я все продолжал говорить, почему они лучшие, а ты притоптывала ногой. Я был так взволнован тем, что ты меня не помнишь, что говорил и говорил. Всякие глупости, если честно, почему иголки хорошие, что у меня собственная коллекция, и тебе стоит заглянуть как —нибудь на завод. Боже, это так неловко. — Он не мог смотреть на нее. Джереми. Смущенный. По поводу того, что произошло десять лет назад.

Она спустилась со ступеньки и, обняв ладонями его лицо, сказала.

— Хорошо, и что случилось.

— Ты слушала мою болтовню. Затем спросила: «Покажи мне их?» Я протянул иглы, ты вложила свою руку в мою. — Он взял ее руку ладонью вверх и положил сверху. Затем сомкнул пальцы. — Схватила коробку и убежала.

— О Боже!

— Ты их украла.

— Я их принесла обратно через полчаса.

Лора вспомнила, как украла иглы, и вспомнила, что в магазине был парень, который ей их дал и болтал с ней, но больше она о нем ничего не вспомнила. Он казался просто еще одним, который стал бы клеиться к Руби, если бы она была там. Просто еще один придурок, попавший под перекрестный огонь ее гнева на отца. Их было десятки. Она решила, что ему не нужно об этом знать.

— Я заплатил за них, — сказал он.

— О, Джереми, я просто хотела тебя позлить.

— А я подумал, что ты хотела, чтобы я заткнулся.

— Не затыкайся. Никогда не затыкайся. — Она поцеловала его, продолжая обнимать за щеки.

Он слегка оттолкнул ее, чтобы сказать.

— Я думал, заново начав жизнь, я смогу заполучить таких девушек как ты. Не знал тогда, что попаду в ловушку с Грейс.

— Красный «Saint JJ», твой красный. Не темно — малиновый, а..

— Выгоревший на солнце. Да, именно.

— Почему ты мне не сказал?

— Ну, Лора. Каким ты знала меня раньше. Худым и болезненным. С маской. — Он на секунду прижал руку к нижней части лица, затем убрал и протянул к ней руки. — А тот парень, который тебе нужен: в стильном костюме, в правильной обуви. Не худой. Не больной. Всегда знает, что сказать. Всегда оплачивает счет. Всегда выполняет свою работу. И не лжет.

Когда он сидел с ней в тот дождливый день, через неделю после их первой совместной ночи, и описывал свой распорядок дня и свою болезнь, он казался таким нервным. Она объяснила это его тщеславием. В каком — то смысле она была права. Это было тщеславие, но он, должно быть, боялся, что его рассказ пробудет в ней воспоминания и она уйдет.

— А разве я не могу любить обоих? — она спросила.

— Нет. Тот ребенок исчез, и он тебе не нужен.

— У меня тоже есть такой ребенок. И ты так и не рассказал о ней. — Она коснулась его носа и прошептала. — Один или два раза?

Он прошептал в ответ.

— Я заберу этот секрет в могилу.

Что — то в том, как они целовались на этой темной улице, разделяя на двоих дыхание и вздохи, что — то в прикосновениях губ и касаниях рук, поставило его на свое место в ее внутреннем мире. Такое же удовлетворение она почувствовала, когда в первый раз рукав встал в пройму. Они подходят. Они были вырезаны и аккуратно поставленным на те места, где должны быть, где служили бы той цели, для которой были созданы.

— Поехали домой прямо сейчас, — предложил он.

Она хотела пойти с ним домой. Она хотела, чтобы он раздел ее и затащил на свою кровать. Ей хотелось не спать всю ночь, прижавшись к его обжигающей коже.

— Они только что выложили шерстяной креп для «Венчестера». Если он расползется или сместится..

Он снова поцеловал ее, и она пошла бы с ним домой, а ткань проверила бы утром, когда исправить что — то было бы слишком поздно, но он отстранился.

— Слава Богу, что мы работаем вместе, — сказал он. — Кто бы еще с ними такими мирился?

***

Первая часть производственного цикла «Портняжного сэндвича» располагался на четвертом этаже, и Лора с любовью настраивала каждую катушку ниток, следила за каждой заточкой лезвий, проверяла каждую иглу. Ткань раскладывали на раскройных столах за двадцать четыре часа до раскроя, давая ей «отдохнуть». Когда она посмотрела на пурпурный шерстяной креп, сложенный в десятисантиметровую стопку, не могла поверить, как ей повезло. Она стояла перед столом, с благоговением склонив голову, перед тем, что должно сейчас произойти, с благодарностью всему тому, что привело ее сюда. Всем тем жертвам, бессонным ночам и ссорам с сестрой. Она даже была благодарна своему агенту Пьеру Севиньону, что поучаствовал в том, чтобы она здесь стояла, смотря на подготовленную к раскрою ткань. Лора была благодарна, своей сестре, Джереми, Бобу и Иванне Шмиллерам, а также Карлосу, раскройщику, который в качестве одолжения сформировал идеальный

производственный цикл. И так же она была благодарна Грейси, которая, вероятно, ненавидела ее, ведь Джереми ее любил, а смерть спонсора сделала возможным раскраивать эту пурпурную ткань.

Джереми оставил ее одну, пошел посмотреть собственные цеха. Он установил трафаретную печать на верхнем этаже, чтобы делать быстрые заготовки, и сшивать их на третьем, а так же нужно убедиться, что магазин готов принять поставку. Через вентиляцию послышался его кашель, и Лора напомнила себе, что до Рождества надо ее почистить. Ей показалось, что она почувствовала жар на его губах, и она понятия не имела, что делать, если он заболит.

— Джей — Джей? — позвала она его.

— Лала? — Имя эхом разнеслось по красному кирпичу шахты.

— Я закончила.

— Буду через секунду.

Когда Лора вернулась в мастерскую, нашла там Руби, смотрящую на шерстяной креп почти так же, как и Лора несколько минут назад.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Лора.

— Ты в это можешь поверить? Завтра мы начинаем производство.

Девушка подошла к сестре.

— Иногда не могу.

— Ты все проверила?

— Все готово.

— Спасибо, Лора. Спасибо, что знаешь, что делать.

— Спасибо, что доверяешь мне.

Руби замешкалась, прежде чем вытащить конверт из заднего кармана.

— Это было дома.

Лора взяла его. Кремовая бумага была плотной и ручной работы. На лицевой стороне было написано «Лора Карнеги» от руки авторучкой, а на обороте — оранжевая сургучная печать.

— Да они должно быть надо мной издеваются.

— Открой его. Я умираю от любопытства.

Лора взломала печать и открыла письмо, чувствуя себя так, как будто объявляет лауреата Оскара. Внутри, шариковой ручкой почерком восьмиклассника было написано: Сальвадор, великий принц королевства Брунико, просит вас явиться на Уэст — Энд — авеню, 538. О своем прибытии сообщить на стойке регистрации.

— Черт побери, — пробормотала Лора.

— Эй, разве не круто?

Что было не круто, так это то, что она хотела пойти домой с Джереми и переплестись телами как кусочки пазла. Ее тело исстрадалось по нему. Ткань могла подождать, но она увидела в этом повод отложить их разговор о предложении Шелдона. Было не правильно делать вид, что у них все хорошо в такой ситуации. И вот, как подарок, еще один серьезный повод его отложить его.

— Ты идешь со мной? — спросила Лора.

— Разумеется, — сказала Руби. — Потом я встречаюсь с Элейн по делам в Обществе самореализации.

— Подожди, я поговорю с Джереми. — Лора услышала его кашель в заднем коридоре,

прежде чем увидела, как он спускается по бетонной лестнице. Она ждала его внизу, решив, что не готова сказать ему, что встречалась с Шелдоном. Может, не сегодня вечером. Может, никогда.

— Мне нужно идти, — сказал он. — Я не заболею, если побуду дома пару дней.

Прежде чем Джереми успел произнести еще хоть одно слово, которое перечеркнуло бы все ее планы и оставило бы с ним, она протянула ему конверт.

Он открыл и прочитал. Он поджал губы, возвращая ее ей.

— Не хочу, чтобы ехала туда одна.

— Звучит, как будто я в ад собираюсь. Я беспокоюсь за тебя.

— Как — то все жизнь с этим живу. — Он взял ее за руку. — Когда мы вернемся, сможешь меня полечить.

— Со мной Руби. Она избивала за меня людей еще в детстве. Право, иди домой.

Он внимательно смотрел на нее, как будто смотрел числа с лотереи, которые обозначали его проигрыш. И он позволил ее руку выскользнуть, как будто между ними была ложь. Девушка поняла, она зашла слишком далеко. Он думал, что ее отталкивает то, что она знает об их общем прошлом? Или что она вспомнила какой — то другой неприятный случай?

— Я уверена. — Лора старалась говорить как можно увереннее. — Он принц. А Руби есть чем заняться после этого, так что я не задержусь.

— Прекрасно, — сказал он.

Но это было не так. Нисколько.

***

Руби, хорошо ориентировалась в «Ирокезе», ведь много лет провела в этих круговых коридорах.

— Итак, — пробормотала Лора, — полагаю, Джобет узнала от своего брата, что у Брунико здесь квартира. И разыграла из себя этакую «милую старушку». Ей нужно было знать, как войти, и, возможно, ее брат сказал, где лежат ключи. Но это не точно. А потом она, должно быть, узнала, что приезжает великий принц, и слиняла. Теперь вопрос в том, платье она нашла здесь, и затем решила подарить его, когда узнала, что в Метрополитене организована выставка? Или она привезла его откуда — то еще?

— Думаю, было в хранилище, — сказала Руби, когда они открыли стеклянные, украшенные бронзой двери в вестибюль.

— Я знаю. Но не могу понять. Как она могла получить доступ к складу?

— Может, у нее тоже были ключи?

— Думаешь, они знают друг друга? Джобет и папа?

— Почему бы нет? Папа хранил платье на складе, а она его подарила. Имею в виду, папа знал Варнаву, верно? Так почему не знать его сестру?

Швейцар сидел за столом с толстенной книгой, которой можно было дверь подпирать. Она взглянула на обложку. «Темный город». Его она не читала, так что ей это ничего не дало. Руби, могла вести себя на равных даже с особами королевских кровей, подошла к столу, как бы флиртуя с охранником. Она кивнула Лоре, передавшей ей запечатанное воском письмо.

— Не могли бы вы сообщить о нашем приходе в 7Да и b, пожалуйста?

Швейцар отложил книгу и снял трубку.

— Можете ли вы встать так, чтобы вас видела камера? — Он указал на шар на потолке. Руби и Лора стояли перед ним, а швейцар тихо разговаривал по телефону. Он повесил трубку и указал на Лору.

— Пройти можете только вы.

— Нет, — сказала Лора. — Она тоже должна пройти. Это важно.

— Почему?

Она перевела взгляд от Руби к швейцару. Это было важно, Руби будет с ней в целях безопасности. А плевать на свою безопасность она не собиралась.

— Мы сестры, — сказала Лора. — В чем проблема?

— Я, то могу пропустить вас обоих, но вас так же вместе и отправят назад, потому что один лишний. Лично мне все равно, но всякий раз, когда у нас здесь политики или королевские особы, то все на ушах стоят. Поверьте мне. Вы будете в безопасности.

Руби положила руку Лоре на предплечье.

— Все хорошо. В любом случае. С тобой все будет хорошо.

Швейцар указал на холл.

— Лифт там.

Лора молча смотрела в камеру в лифте. В лифте она была одна, нарушив обещание. Она отправила больного Джереми домой, хотя он пытался делать то, что должен делать ее парень. Им нужны были правила, обоим. Границы. Но время между первым поцелуем и обменом ключами от дома прошло, а они их так и не обсудили.

Возле квартиры ждал мужчина в синей форме. Он проверил ее сумку и открыл дверь в 7Да.

Внутри стоял густой запах ладана — не столько сандалового дерева или саше, но и того едкого вещества, которое используют в церквях. Окна были занавешены задернутыми шторами, через которые пробивался свет уличных фонарей, оставляя блики на полиуретановом деревянном полу, пустого, от угла до угла, без какой либо мебели. В темноте это было похоже на шаг в пустоту.

— Привет? — позвала Лора.

Было слишком темно. Слишком тихо. Пахло церковью. Она почувствовала нарастающее чувство надвигающейся гибели. Из холла она увидела мерцающий синий свет. Понадобилась секунда, чтобы понять, что это флуоресцентная подсветка в туалете.

— Боюсь, здесь негде сесть. А другая часть квартиры закрыта. — Князь остановился на пороге. Его черный костюм сидел идеально, но Лора с уверенностью определила, что он был изготовлен с использованием пяти ниточного оверлока и с каким — то традиционным рисунком. Снова бруниканские мастера. Кончики его блестящих туфель находились на самой границе комнаты и холла.

— Ничего страшного, — сказала Лора.

— Ты его дочь?

— Его? Да. Джозеф Карнеги — мой отец. Я... гм. Правда, я его не помню.

— Ты младшая?

— Не намного. — Разговору шел в никуда. Она с таким же успехом могла простоять здесь все время. — Могу я спросить, зачем я здесь? Имею в виду, что у меня есть дела, которые мне нужно сделать, и, знаете ли, это Америка, так что на самом деле нам не нужно бежать рысью через весь город только потому, что принц оставил у двери затейливый конверт.

Он слегка повернулся влево, и Лора впервые увидела обе стороны его лица. Ему было около шестидесяти, красивый и ухоженный, с лишь одним недостатком, который объяснял, почему на телевидении он всегда был в профиль. С левой стороны лица длинной линией тянулся глубокий шрам от полузакрытого глаза до угла рта, словно от ножевого пореза.

— Тогда почему вы пришли? — спросил он.

— Я любопытная дурочка.

— Это верно. Что вы хотите узнать? — Он улыбнулся, но полностью только одной стороной лица.

Она откашлялась. Неужели он заставил ее тащиться в самый центр города, чтобы просто помучить?

— Почему вы оставили конверт под моей дверью и делали ли вы так раньше? Допустим, в прошлый понедельник? Заставляли ли моего отца писать какие — то дурацкие письма и подкидывать их мне?

— Нет. Но однажды мы проследили за ним до вашего дома и записали ваш адрес. — Он отвернулся, словно о чем — то задумавшись. — Вам здесь нравится? В Нью — Йорке?

— Мне нравится.

— Здесь очень сложно кого — то найти. Оченьлюдно. Не могу дышать, думать. Вам так не кажется?

— Мне все ясно, спасибо. — Она направилась к двери. Этот мужчина просто играл с ней, а у Лоры это вызывало беспокойство.

— На тебе ее туфли, — окликнул ее Сальвадор.

Остановившись, Лора покачнулась на каблуках. Надеть туфли Филомены было плохой идеей? Неужели она только что оскорбила его?

— Не думаю, что Филомена надевала их больше одного раза. Они совсем новые. — Ее зрение, наконец привыкло к свету, и в полутьме стало ясно видно как сузились его глаза.

— Для вас она — принцесса Филомена.

— Она была красивой.

— У меня есть ее платье, — сказал он. — Так понимаю, ты его ищешь.

Он дождался, пока она вернется, прежде чем подать руку. Он, должно быть, знал, что она сделает все, чтобы вернуть платье.

— Чего вы хотите?

Великий принц вошел в комнату. Лора отступила на полшага. В его движениях не было ничего опасного, но девушка была к ним готова. Она не готова, чтобы он оказался так близко. Не сейчас, когда он, вероятно, предал отца. И этот непонятный шрам.

— Платье, — сказала она. — Я знаю, сейчас я знаю, как оно должно выглядеть. Так что догадаюсь, если вы подсунете мне очередную подделку.

— Мы уничтожили манекен, который ты видела. Даже если кому — то об этом расскажешь, тебе не поверят.

— А я никому и не скажу. По крайней мере, никому, кто разболтал бы всем. — Она сделала паузу и произнесла. — Филомена была более женщиной, чем я, если вам нужно знать правду.

Принц, казалось, был доволен ее ответом.

— Я никогда в жизни не встречал никого ей подобного. Я точно знал, кто она, но вплоть до размера туфель она была идеальной.

Он посмотрел на нее многозначительно, как будто она знала что — то, чего не должна

была знать, хотя она и догадалась, что знала. Он не хотел говорить об этом вслух. Он не хотел произносить напыщенные, многосложные слова: трансвестит, транссексуал или что — то еще, что было у нее под платьем.

— Я понимаю, — сказала она, пытаясь вложить в свой голос то же самое, что и было написано на его лице.

— Я никогда не видел более совершенной вещи, чем она. Знаете, как мы познакомились?

— Слышала, что она аргентинка.

— Она была гидом в Национальном музее в Буэнос — Айресе. Мой отец взял нас в путешествие. Я был мальчиком лет двадцати. Она была... ну, вы ее видели. И знаете, я мог быть тем, кто я есть, а она, тем, кто она есть. Я никогда не рассказывал о своем отце.

Он, казалось, уменьшился в росте, осунулся. Она ничего не знала об отце этого мужчины, но, очевидно, с ним было бы трудно сладить, приходилось жить как в стеклянной клетке.

— А годы спустя, — сказала Лора, — было уже слишком рассказать правду. Вы слишком долго лгали.

Он сделал еще один шаг в комнату, оставаясь вне света флуоресцентной подсветки, позволяя темноте взять верх.

— К тому времени, как она приехала в Нью — Йорк, она была сыта по горло такой жизнью. И она встретила твоего отца. Джозефа. Она шептала его имя, когда я нашел их на кухне для персонала в ночь своей инаугурации. Я чуть не убил его.

— Мне очень жаль, — сказала она. А затем она сделала то, что сделал бы совершенно другой человек. Тот, что не боялся общаться с монархами и богатыми людьми, с теми, кто выше тебя по статусу и увереннее. Она протянула руку и коснулась его лица. — Это сделал мой отец?

— Той ночью.

— Почему ты не убил его?

— Моя жена согласилась остаться со мной, если я этого не сделаю. Но теперь она мертва.

Из разговора с Сосо она знала, что верховный принц разыскивает папу, но не знала почему. Пока она не взглянула в голубые глаза великого принца, она не понимала, на что он пошел, чтобы найти ее отца.

— Это случилось двадцать лет назад, — сказала Лора.

— Нет. Тогда это началось. И прямо у меня под носом. — Сальвадор оперся на одну ногу и склонил голову. — Я не хочу причинять ему боль. Когда она умерла, я просто... я перестал, так сильно беспокоится о прошлом. Я снова женился. За годы ваш отец купил не только платье, но и многие другие вещи моей жены. И я хочу их вернуть.

— Я не знаю, где он.

— Но он знает, где ты. И если он увидит меня с тобой, он выйдет из тени.

Глава 19

Лора в Бога не верила. Даже не верила в существование божественной искры в людях. И никогда не называла себя «духовной», а не религиозной» и не искала смысла в своем бытии.

Она воспринимала себя как тело, а ее личность, навыки и все, что делало ее Лору, было продуктом сложных нейромедиаторов и миелиновых реакций в ее мозгу; реакций, невозпроизводимых в другом человеке и определяемые сочетанием ее генетики и очень специфических вещей, которые происходили с ней в ее жизни. Она уважала красоту этого. Она уважала жизнь. Она не хотела, чтобы кто —нибудь пострадал.

Но когда верховный принц Брунико сообщил, что собирается использовать ее, чтобы заманить отца, Лора вспомнила о молитве. Она даже пыталась это сделать, и ей было трудно обойтись без Бога, которому можно было бы молиться. Она представляла, что разговаривает с мамой, но мама просто обняла бы ее, а это было не то, что ей нужно.

— Мы обнаружили, что ваш отец сбежал на лодке, — сказал верховный принц. — На лодке моей жены. Он украл ее. И у него нет паспорта. Мы предупредили власти, что он здесь, и что он убийца.

— Он кто?

— Как думаете, кто убил принцессу Филомену?

У Лоры отвисла челюсть, и она поспешила прикрыть рот.

Принц только улыбнулся.

— Вы думали, это сделал я? Вы думали, я убил любовь всей своей жизни, а его оставил в живых?

— Вы сами это сделали. Вам нужно было жениться на женщине... с женскими органами, чтобы завести наследника.

— Но я этого не сделал.

— Я вам не верю.

Он взял ее за руку и склонился, словно пытаясь выразить искренность своих слов.

— Мы не причиним вреда ни вам, ни вашему отцу. Я не хотел бы нарушать законы здесь. Это вызвало бы неудобства. Тебя нужно увидеть с моими людьми. Мы объявим о твоих намерениях поехать в Брунико. Может, ты сделаешь там еще одно платье.

— Хорошая попытка.

— Он найдет тебя, прежде чем ты сядешь на корабль.

— Ваш план — полнейшая чушь. Он бросил меня двадцать лет назад. Зачем ему приезжать и искать меня сейчас? — Лора подумала, что если быстро позвонить Кангеми из ванной, то все закончится. Она будет рядом с Джереми и ломать голову, как ему сказать, что Шелдон Померанц готовит контракт.

— Он найдет вас, потому что вы будете со мной.

— Вы здесь не великий принц. Вы никто. И не можете приказывать мне делать то, что я не хочу.

— Я думаю, ваш парень заплатил за платье какой — то залог? Хотите вернуть его в целости и сохранности? Мы заменили внутренности, но лицевая часть в превосходном состоянии. Так что его можно вернуть владельцу в любой момент.

Выбор был между папой и Джереми. Между мужчиной, который бросил ее двадцать лет назад, и мужчиной, который может это сделать завтра. Ей захотелось послать их обоих к черту. Мужчины — это проблема, а ей они не нужны. Лоре нужно просто вернуться к маме, пожелать спокойной ночи и сесть на поезд до Бруклина. Но тогда, если план верховного принца сработает, она сможет встретиться с отцом, и хотя Лора не знала, чего ждет от этой встречи, она хотела с ним встретиться. И тогда удастся вернуть платье Джереми, он сможет превзойти ее ожидания и останется с ней, даже если Лора уволится. Шансы на то, что все

пойдет так хорошо, были невелики, но она не могла не рискнуть.

— Я пью джин, — сказала Лора. — Хороший джин. Не пытайся подсовывать мне какое —нибудь пойло.

Великий принц протянул руку.

— Ваш телефон. Вы можете отдать его мне или его конфискуют.

— Со мной пойдет сестра. Нет сестры — нет сделки, и можете хоть сжечь платье, мне все равно.

Сальвадор остановился, поглядел на нее здоровым глазом.

— Конечно. Но придется потерпеть присутствие Сосо Осея и других. — Он протянул руку ближе.

— Снова королевская свита, — сказала она, передавая свой телефон. — Приятно знать, что ничего не меняется.

***

Руби уперла руки на бедрах. Она застряла в вестибюле, сидя на кожаных диванах уже полчаса в компании Сосо, Набивной рубашки (которого, очевидно, звали Гектор), мужчины в строительных ботинках (одетого лучше и по имени Артуро) и Кэтрин, красоткой чуть за тридцать, примерно на пятом месяце беременности наследником престола. Если, конечно, наследником был мальчик.

Лора потянула Руби к себе, чтобы сопровождающие их не услышали.

— Они хотят избавиться от папы, и для этого хотят использовать нас. Лично я считаю, что план ужасен, но не думаю, что у нас есть выбор. Если мы не пойдём, я потеряю платье, и у нас не будет возможности предупредить папу, что его ждет. И, прежде чем ты что —нибудь скажете, он не заслужил, чтобы мы помогли ему. Я знаю это. Но он папа, а у меня есть сердце.

— Сегодня вечером у меня дела! — сказала Руби, как бы давая понять, что у нее сердца нет.

— Нет.

— Знаешь, как трудно получить приглашение на этот благотворительный вечер?

— Знаешь, сколько ночей с Джереми я пропустила, включая ночь перед поездкой в Китай из — за этой неразберихи? А сколько международных звонков?

— Очень похоже на твои проблемы.

Выражение лица сестры Лоре нисколько не понравилось. Это был взгляд, который подразумевал, что ничего из этого ее не тронуло.

— Если это платье исчезнет, то Джереми заплатит штраф, а если ты забыла, то давай напомним: он наш инвестор, и его финансовое состояние влияет на финансовое состояние нашей маленькой компании. Мы не будем приносить ему прибыли еще пару сезонов. Так что поверьте мне, если ему придется освободиться от нас, чтобы спасти свою задницу, он это сделает, и я все равно буду спать с ним после этого, потому что это бизнес. И, в отличие от всего остального в моей жизни прямо сейчас, меня не смущает как это выглядит. Понятно?

Руби обдумывала это на секунду, прежде чем сказать:

— Ты рулишь.

— Ты идешь или нет?

— Лучше бы это была самая потрясающая ночь из всех, что я когда — либо видела.

— Ничего не обещаю. Не думаю, что эти ребята лучшие тусовщики.

***

Первым на повестке дня стоял пункт «Быть кем — то замеченным». Но не абы кем, а тем, кто немедленно твитнет, опубликует в Facebook и разместит в блоге фотографии, во многом из — за того, что они не знали, как папа получает информацию. Сальвадоре, было совершенно ясно, что если она когда — нибудь захочет снова увидеть это платье, случится все именно сегодня вечером или же никогда.

— Значит, нужно в «Ланаи», — сказала Лора. Руби, согласилась.

Посольство погрузилось в два лимузина, и отправилось в центр города, в модное полинезийское заведение. Кэтрин осталась в «Ирокезах», что казалось разумным, учитывая, что Лора намеревалась сиять, как рождественская елка, и не хотела случайно обидеть беременную женщину, надев туфли покойной жены ее мужа.

Гектор и Артуро сели в лимузин поменьше, а Лора, Руби, Сосо и Сальвадоре, сели на заднее сиденья лимузина побольше. Сиденья были обращены друг к другу, и у Лоры открывался прекрасный вид на Сосо, вытянувшего ноги в черных кожаных штанах.

— Итак, — сказала Лора, — теперь, когда я застряла с тобой в машине, может, расскажешь мне, что ты ждал от Филомены? Она не могла родить для вас наследника, а на Брунико нет наследника, который мог бы занять ваше место. Какой был план? Хотели раскрыть ее как мужчину и передать ей титул в случае вашей смерти?

Сосо бросил беглый взгляд на принца, который смотрел только на Лору.

— Так и есть, — ответила Лора, а затем сказала Сосо, — и ты об этом знал.

— Конечно, но мы говорили об этом только с самыми приближенными.

— Это мы выяснили на собственном горьком опыте, — пробормотала Руби.

— Моя первая жена была женщиной там, где это было важно, в ее сердце. — Сальвадор ударил себя кулаком в грудь. — Бруниканский народ никогда бы не принял как кого — то другого.

— Может, они примут женщину на престоле?

Он вздохнул, качая головой.

— Любые изменения в конституции подписываются верховным принцем.

— А ты на такое никогда не пойдешь.

— Никогда.

— Что, если ваша новая жена носит дочь?

— Нет. — Он сказал это с такой уверенностью, что Лора поняла о проведенных тестах по определению пола ребенка.

Возникал логичный вопрос: «Поджег твоих рук дело?», и сразу возникает другой вопрос: «Как вы до этого додумались?». Однако ни тот, ни другой Лора задавать не стала. Это было бы грубо. Да и ответа она знать не хотела, не после того, как узнала, что была зачата от мужчины, которому ее мать даже не нравилась.

— Значит, вы не могли развестись с Филоменой, потому что тогда бы ваши подданные изгнали вас. Очевидно, вы убили ее, чтобы остаться единственным наследником. — Только когда Лора это произнесла, до нее дошло что все было не так, но отступить было поздно. Нужно отступить, прежде чем снова вернуться к расспросам.

— Это твой отец устроил пожар. Это случилось через несколько дней после его освобождения. Как вы думаете, почему я его ищу, юная леди?

Лора пристально посмотрела на него. Он считал, что папа убил Филомену, и в этом

была логика. Он вышел из себя и обратил гнев на людей, сделавших его заложником такой сложной политической ситуации, заставивших его построить государство, которое он ненавидел. Но сначала он приобрел платье и отправил его сестре Варнавы. И для чего? Из — за страховых? Возможно, учитывая, что папа оставил принца без гроша в кармане и свалил.

— Вам, американцам, кажется, что ваш путь — единственно правильный, — сказал Сальвадор. — Брунико был таким, какой он есть, пока им правят. Мы проявляем стойкость, за исключением одного инцидента. А наши тюрьмы почти пусты.

— За исключением моего отца, который, вероятно, построил тюрьму до того, как вы его туда посадили.

— Серьезно? — Руби, отвела взгляд от окна и саркастически усмехнулась.

— Можем мы перейти к той части, где ты скажешь мне, что он сам напросился, прежде чем я умру от неизвестности?

Сальвадор улыбнулся. Наблюдая за разговором между ним и, Руби, Лаура увидела не свою надоедливую сестру, а чью — то дочь, дочь человека, насолившего высокопоставленному принцу и ставшего жертвой его гнева. Потому что, если бы папа не застрелял на Брунико двадцать лет, он бы вернулся домой к своим детям. Да, было бы неудобно, и он бы постоянно уезжал в долгие поездки, но он бы был. И красивая, капризная девушка, сидящая напротив Лоры, не стала бы жертвой чувства собственного достоинства Сальвадора, а стала бы тем, кем бы она должна была, стать не будь в ее жизни постоянных драк и борьбы.

— Да, Сальвадор, — сказала Лора, — вы украли у нас отца на целых двадцать лет.

— Это серьезное обвинение.

— Слишком сильно сказано, — сказала, Руби, заставив Лору на полсекунды замолчать.

Верховный принц был королевской особой, и к тому же старше их, и все же он был полным тупицей.

— Для ясности, — сказала Лора, — мы сказали, что поедем с вами, но не сказали, что будем паиньками. Можете и дальше шантажировать меня платьем, но факт в том, что даже у вас его нет. Если бы оно у вас было, то находилось бы в грузовике, но у вас был только манекен для транспортировки. Оно у моего отца, и вас это действительно тревожит, потому что он может использовать его, чтобы разоблачить вас.

Они остановились перед «Ланаи», позади лимузина, в котором находилось остальное сопровождение. Принц больше не захочет находиться в закрытом пространстве с двумя сестрами наедине, решила Лора. Это было к лучшему. Ей не нравился ни он, ни его шрам, ни то, что он ожидал от них раболепства. Ей не нравилось, что он никак не отреагировал на обвинения в аресте отца, ее не заботило его благоговение перед отсталыми законами, которые касались только двенадцати сотен бруниканцев.

Дионн Фрескан стояла снаружи, подпрыгивая в своем шарфе из искусственного меха и обычной матово — черной куртке — бомбер. Одной рукой она держала сигарету, а другой стучала по телефону, сдерживая ухмылку своим язвительным ртом и легким смехом.

— Можете выбрать эту, — пробормотала Руби, увидев Дионну. — Вам идут знаменитости С — класса.

— Итак, ваше высочество, — сказала Лора. — Видите, эту леди. Убедитесь, что она вас заметит, и дайте ей секунду, чтобы написать об этом.

Принц положил руку Лоре на спину, и ей захотелось его придушить, ведь их неизменно ловил чей — то фотоаппарат. Джереми либо посмеялся бы над этим, либо пошутил, но

остальная часть швейного квартала обязательно перемыла, косточки хихикая. За пятнадцать минут она из мелкого коньюктурищика превратится в известнейшую шлюху. Она напомнила себе, что ей легко с Джереми и его поддразниваниями. Были мужчины, которые в отношении меньшего вели бы себя хуже.

Их немедленно усадили за барную стойку, обещая, что подготовка дополнительного стола займет всего несколько секунд. Лицо Сальвадора не раз показывали по телевизору, и его присутствие на «Ланаи» должно было сделать ресторан знаменитейшим за считанные минуты. Было бы обидно, если бы принц не сел до того, как об этом сообщил бы TMZ.

Руби села рядом с Лорой и заказала напитки, как будто ее не волновал счет, которого хватило бы для выплаты студенческой ссуды, если уж преувеличить. Бутылки были спрятаны за ширмой из какой — то оптоволоконной сетки, которая отображала красивые природные пейзажи. Когда бармен касался экрана, выскакивал поисковик, а когда он вводил название определенного ликера, экран открывался точно в том месте. Все это не могло быть проще и быстрее, чем работать в баре для дайвинга, где можно было взять семнадцатилетнюю бутылку «Чинар», не открывая экран и не мучаясь с написанием. Футуристические экраны вкупе с состаренным деревом и темно — синим дамасским текстилем делали это место настолько дорогим, что бармены могли компенсировать разницу во времени своими дополнительными чаевыми.

Через два стакана джина и полчаса времени, Лора сидела за застекленной ширмой, забрав у какого — то хорошего парня или девушки место, зарезервированное месяц назад. Сальвадор сел по одну сторону от нее, а Гектор — по другую. На столе стояла еда и вино. Сосо принес молоко, которое было доставлено с кухни. Португальский смешивался с английским, и Руби с Лора пришлось хорошенько притвориться, что бы сделать вид, что разбирают хоть какие — то слова. Но человек, для которого они устраивали спектакль, шел через комнату в матово — черной куртке — бомбере.

Лора дернула принца за лацкан.

— Вы сказали остальным людям, почему нас нет?

— Нет.

— Почему нет?

Сальвадор только ухмыльнулся. Сволочь. У Лоры не было ни секунды, чтобы возненавидеть его, потому что к ним подошла Дионна Фрескан с широкой пластиковой улыбкой из — под больших пластиковых очков.

— О, мой Бог! — воскликнула она. — Как поживаете, дорогие?

Идеально. Лора толкнула Гектора, и он подвинулся, чтобы она смогла выбраться из ширмы. Руби, уже выбралась, и рассадка пошла к черту, когда двое друзей Дионны начали болтать с теми членами свиты, что сидели ближе всего. Посыпались воздушные поцелуи, вспыхивали широкие улыбки. Лора в очередной раз напомнила себе, чему учил ее Джереми. Она улыбалась сквозь фальшь и неприязнь всего этого, ни отражая на лице ничего, кроме внимания и наслаждения общением.

Это отрезвило ее. Казаться счастливой при виде Дионн требовало слишком большой концентрации для опьянения.

— Вы пришли с наследным принцем Брунико? — спросила Дионна. — Выходите на мировой рынок.

— Он — верховный принц, — сказала Лора. — И мы пошли просто выпить, дурочка.

Будто почувствовав, что Лора переигрывает, в разговор вклинилась, Руби.

— О боже, Дионн. Видела твою статью о нас. Я задолжала тебе выпивку.

Должно быть, статья вышла в «W». В суматохе Лора ее пропустила и была этому рада. Сосо посмотрел на нее и протянул в ее сторону свой бокал. Она натянуто улыбнулась. Оглянулась на Сальваторе, он кивал одному из друзей Дионны, тараторящему со скоростью милью в минуту. Он выглядел несчастным и смущенным, его глаза метались по сторонам, вероятно, в поисках папы. Лора решила, что лучший способ разозлить его — это завязать разговор, которого он не услышит.

Она протиснулась мимо Дионны, одновременно что — то печатающую на телефоне и хихикающую с Руби, и подошла к Сосо Осей.

— Какой у него план? — спросила она Сосо на ухо.

— Хорошо провести время.

— А у тебя?

— Пойти туда, где больше воздуха.

— Есть что —нибудь на примете?

— На самом деле, я полагаю, что здесь есть крыша?

— Прекрасно.

По обеспокоенному лицу Сосо, несмотря на то, что он не знал, что задумал принц, Лора догадалась, что ему в этом спектакле роль не отведена. Лоре было нужно узнать обо всем, что задумал Сальватор. Ведь узнав его планы и помешав им, она сможет придумать как спасти платье и, возможно, придурка — отца, которого она еще не встретила.

Сосо извинился, и они двинулись в путь.

Руби догнала их на лестничной клетке.

— Куда ты направляешься?

— Там становится тесно, и нахождение рядом с Дионну меня сыпь высypает.

— Пожалуйста, никто не поднимается по лестнице, кроме туристов. — Она провела Сосо и Лору обратно через ресторан, где они подобрали остальных из свиты, как пух. Лора не на это надеялась, но этот стол ей уже надоел.

Судя по всему, любой, кто был кем — либо, поднимался на крышу только нелегальным путем, по пожарной лестнице. На полсекунды Сальвадора действительно сбило с толку, когда они вышли на улицу, спустились по подъездной дорожке между зданиями и поднялись по пожарной лестнице на крышу. Это было долгое путешествие: участники вечеринки спускались, когда поднимались вверх, несли очки в стиле «Ланаи», которые выглядели сколами от глыбы льда, и курили сигареты, как преступники. Четыре этажа спустя сделав, круг вокруг металлической лестницы Лора вышла на террасу на крыше. Это было едва ли законное строение с деревянным навесом, обвитым неподстриженным виноградом с одной стороны, и полуэтажом с барной стойкой и ванными комнатами. Диджей кружился, глядя на набережную Нью — Джерси за его спиной, его пальцы были видны сквозь прорези на кожаных перчатках. Это был поток свежего воздуха с закусками, которые подавали вечно улыбочивые актеры, на подработке. За ней шла свита: Сальвадор, Руби, Сосо, Гектор и Артуро. На мгновение они, казалось, потеряли Дионну, и Лора решила воспользоваться моментом, чтобы поговорить с Руби.

— Туалет.

Руби пошла охотно, но Лоре все же пришлось ее немного протащить.

Ванная на крыше была лишь немного хуже, чем та, что внизу. Не было санитара с духами, косметикой и чистыми полотенцами, только немного мрамора и зеркал на каждой

вертикальной поверхности, на случай, если вам понадобится разглядывать себя со всех сторон.

— Господи, — сказала Руби. — Какого черта мы ждем? Мне никогда в жизни не было так скучно.

— Скука тебя не убьет. Видела папу? Кого —нибудь похожего на него?

— Как думаешь на сколько быстро сможет до сюда добраться? Может быть он в Квинсе. Дай ему время.

— Сосо рассказал ему, я чувствую.

В кабинке за ними спустили воду в туалете, оттуда вышла женщина и бочком протиснулась к раковине.

Лора узнала ее сразу:

— Джобет?

Джобет внимательно взглянула на Лору:

— О, привет!

— Что ты здесь делаешь?

— Ужинаем. Решили побывать на крыше.

Туфли Лоры внезапно показались ей очень тяжелыми.

— Я ходила на квартиру, чтобы снова с тобой встретится. И я... ну, я логически подумала. Тогда, это действительно казалось разумным. Но прямо сейчас, как бы вам объяснить, это больше похоже на воровство.

Лора посмотрела себе на ноги, и Джобет проследила за ее взглядом:

— О, — воскликнула Джобет. — Туфли!

— Я точно готова пойти домой босиком. — Лора посмотрела на Джобет в зеркало.

— У меня было ощущение, что ты вернешься, — сказала Джобет. Она улыбнулась Лоре через зеркало, рядом с ней стояла Руби, красивая, как картинка. Джобет не предпринял никаких шагов, чтобы объяснить, почему она оставила туфли, а также что она делает в «Ланаи» или свое исчезновение из бруниканской квартиры в «Ирокезах». Может быть, она ждала прямого вопроса, а может быть, она чувствовала, что ей не нужно объяснять свои поступки кому — то, кого она видела лишь раз.

У Лоры было слишком много вопросов и, возможно, десять секунд, чтобы их задать, но ее разум не позволял ей что — либо выразить словами, потому что, когда женщина стояла рядом с Руби, Лора краем глаза уловила форму щеки и подбородка, линию век и ахнула. Она никогда не могла разглядеть в лице Джобет то, что было так ясно в тот момент.

— Папа?

Глава 20

Тишину, повисшую в уборной, можно было резать топором. Отец откашлялся, и в голосе послышались мужские нотки.

— Ах, ты... — Руби остановила себя от ругательств. На лице сестры застыло такое же выражение то ли заботы, то ли усталости, какое возникло, когда кто — то обозвал Лору дешевкой.

— Руби, не..

Но Руби уже занесла руку, и было невозможно остановить самую изысканную девушку в

этом заведении. Она могла стать моделью, если бы захотела. Ей даже ретушь не понадобилась бы. Руби ударила отца кулаком так сильно, что он отлетел на Лору, которая сломала диспенсер для полотенец, задев его при падении. Катюшка дорогой мягкой бумаги покатила к ногам Руби, обутым в ботинки на платформе.

— Ой, — все, что успел сказать папа, прежде чем Руби бросилась на него и оседлала, чтобы он не мог двинуться с места. Ей удалось ударить его еще дважды, прежде чем Лора смогла подняться и оттащила Руби назад.

— Отпусти меня! — крикнула Руби. — Я его убью.

— Ради всего святого, Руби! Нас выгонят.

— Мне все равно!

— Да плюнь, потому что принц все равно убьет его. — Лора повернулась к отцу, который, казалось, не воспринял эту драку серьезно. Руби испортила только часть макияжа на его лице, размазав вечерние тени и помаду. — А ты.

— Привет, Лала. — Он стер немного макияжа. Его голос был непривычно мужественным.

— Лучше держи это дерьмо на лице, если хочешь выбраться отсюда в целости и сохранности. Я не знаю, о чем ты, черт возьми, думал, когда это делал.

— Я должен был тебя увидеть. Нужно было извиниться. Я просто... — Отец выпрямился и привел в порядок грудь. — Я уезжаю сегодня вечером. Навсегда. Хотел сказать тебе, что всегда любил вас, обоих.

— Чушь собачья, — сказала Лора. — К чему эти переодевания? К чему тупые записки без штемпеля и возврата? Почему шафрановое платье? Говори, или я спущу Руби.

Ответить ему не дали. Дверь в ванную открылась, и послышались звуки музыки. В дверях стояли две девушки, хихикая. Лора посмотрела на все их глазами: на полу женщина лет шестидесяти, а две молодые зависли над ней и замахиваются кулаками. За девушками стоял парень в набивной рубашке, которого, вероятно, послали искать сестер Карнеги.

— Кто знает? — спросила Лора у папы.

— Никто. Хотя, есть один человек. Вы ее не знаете.

Хихикающие девушки неуверенными шагами отошли в сторону.

Лора протянула руку, чтобы помочь папе.

— Мы должны вытащить тебя отсюда. Сальвадор пытается избавиться от тебя, потому что думает, что ты украл шафрановое платье и двадцать лет назад трахал его жену. — Лора подняла руку. — Не начинай. Я знаю половину истории. Другая половина не имеет смысла.

В голове у Лоры было пусто. Она держала отца за руку. Было бы глупо говорить, что она думала, что этот день никогда не наступит, потому что это означало, что она думала, что день действительно наступит, но не смела на это надеется. Находиться в одной комнате с ним было все равно, что стоять рядом с мертвецом.

— Руби, придумай что —нибудь.

— Ей стало дурно и мы решили вывести ее на улицу, чтобы подышать. — сказала Руби.

— Лучше ей будет на крыше.

— А еще у нее слабоумие, и мы возьмем ей такси? — казалось, Руби так же сбита с толку, как и Лора.

— Если бы у нее было слабоумие, мы бы вызвали полицию или скорую помощь.

Папа поднял идеально ухоженную руку и сказал голосом Джобет.

— Я учитель четвертого класса. Я бы купила тебе выпить, но мой столик внизу.

— Ты умеешь лгать, — сказала Лора. — Посмотрите на эту улыбку.

Папа снова превратился Джобет, бросил взгляд на свое отражение в зеркале и улыбнулся. Папа пытался успокоить Лору, но все, чего она хотела, — это ударить его по лицу.

За десять минут, что они были в ванной, на крыше собралась толпа. Лора подумала, что может, стоит, попытаться познакомить Джобет с Сальвадором, но отказалась от этой идеи. Это стоит использовать только в крайнем случае. Она не знала, что помнит Сальвадор о Джозефе, особенно учитывая, что Лора узнала его по однажды увиденной фотографии двадцатилетней давности.

Гектор все еще ждал их за дверью. Они втроем улынулись ему. Лора показала, что идет к бару, а затем, когда бруниканец уже был в пути, дернула папу за руку в другом направлении. Руби нацепила рабочую мину на лицо, и стало не понятно, она улыбается случайному прохожему, поднимающемуся по лестнице или бруниканскому принцу с крошечным пунктиком на насилие. Улыбки и комплименты, комфорт и тепло... это была Руби, пока ее не разозлит.

Руби, с врожденной способностью к ориентированию, легко нашла настоящую лестницу. Она шла впереди, опираясь на перила и расталкивая всех, кого они встречали на пути, папа шел между ними, как пленник. Народу на лестнице было много, гораздо больше всех противопожарных норма, и поток людей был подобен приливу в широкой лестничной клетке. Папа шел, цепляясь за перила и по возможности отвенувшись лицом к стене, но когда они спустились с третьего этажа на второй, свернув на площадку, он остановился.

— Он здесь, — произнес отец, забыв свой о голосе Джобет. — Я чувствую его запах.

Лора и Руби посмотрели друг на друга, не зная, что делать с тем, кто вдруг что — то учуял в этом водовороте людей. Идти было некуда, кроме как вниз. Они пошли как можно быстрее, опустив головы, чтобы было, их лица было, труднее различить. Лора сняла розовую шляпу, и Руби заколола волосы единственным взмахом руки. Взгляд в пол означал, что если кто — то и следил за ними, то остался не замеченным, поэтому, когда их вытолкнули на Риверсайд — драйв, они не знали, удалось ли им увести отца от Сальвадора или нет.

— Так что мы сейчас делаем? — спросила Руби.

Ответа у Лоры не нашлось. Как будто присутствие отца отключало ее мозг, вытесняя любые рациональные мысли перед лицом гнева, любви, замешательства и боли. Она посмотрела на него, на человека, которого она думала, что никогда не встретит, который был мертв для нее; мужчина с дурацкой стрижкой и выцветшим макияжем. Он взглянул на пожарную лестницу, и Лора проследила за ним взглядом. Сосо и Сальвадоре прислонились к перилам второго этажа и смотрели на них сверху.

— Сюда, — сказал отец своим нормальным голосом, к которому она никогда не сможет привыкнуть.

Руби посмотрела на Лору и пожала плечами.

— Как далеко ты сможешь идти на этих каблуках?

— По большому счету, — сказала Лора, — им лучше отвезти меня в Джерси.

Папа был уже на полпути через Риверсайд, и девушкам пришлось поторопиться, чтобы его догнать.

— Куда он, черт возьми, идет? — спросила Руби.

Бежать ему было не куда. Залив был в квартале отсюда. Если он не собирался просто прыгнуть в воду и вплавь добраться до безопасного места, ему нужно было пройти полтора

квартала из переплетенных дорог, улиц и эстакад, через несколько парков, прежде чем они попадут в доки.

— Яхт — клуб, — сказала Лора, когда они догнали его на другой стороне Риверсайда. — Ты идешь в яхт — клуб. Что там?

Папа оказался в тени дуба со стволом шириной с дом и, тяжело дыша, остановился за ним. Было темно, и трава под их ногами превратилась в мягкий суглинок, в котором утопали ее каблукы. Хотя улица находилась в ярдах от них, а шоссе проходило над ними, в нескольких шагах к западу, она слышала сверчков и птиц на этом небольшом участке природы.

— Просто вернитесь, — сказал папа. — Отсюда я доберусь. Мне жаль, что больше вас не увижу.

— Где платье? — спросила Лора. — Я знаю, что оно у тебя есть. Ты отправил его в Метрополитен, ты украл его и заменил тем бруниканским дерьмом, которое у них сейчас. Все время это был ты. Ты украл это платье, а затем присвоил себе деньги по страховке? Ты убил принцессу?

— Нет!

— Тогда кто убил ее? — потребовала ответа Лора.

Руби, внимательно следившая за происходящим, подняла руку, призывая к тишине:

— Они идут.

Лора и папа огляделись вокруг дерева. Сальвадоре и Сосо действительно шли через улицу и шли быстро.

— Мне очень жаль, Лала, — сказал папа. — Я понятия не имел, что ты в этом замешана. Когда мы передавали это платье, тебя не было на фотографии.

— Мы?

— Они нас найдут, если не уберемся отсюда. — вмешалась Руби. — Он прав. Мы должны оставаться среди деревьев.

Лора посмотрела в темноту. Старые дубы густо заросли на клочьях травы, изрезанных асфальтовыми полосами. Ничто из этого не предлагало особого прикрытия, и в какой — то момент им пришлось бы пересечь бульвар Генри Гудзона. Это означало либо подняться на холм и пересечь шоссе, что сравнимо с самоубийством, либо пройти под полным людей и хорошо освещенным переходом, где их легко можно увидеть и потенциально пристрелить, как рождественскую хрюшку.

Конечно, Лора могла бы пойти на юг, на Риверсайд, и покончить со всем этим, но она не собиралась оставлять его так, как оставил ее он, даже если ее верность будет с оттенками злобы.

Лора поняла, что Руби и папа ждут, пока она решит, что делать дальше.

— Пошли, — сказала она. — Я не попадаю в пробки дважды за сутки. Она бросилась к следующему дереву, пока Сальвадор и Сосо были слишком далеко, чтобы их заметить. Перебежка заняла меньше минуты, после которой, Лора положив руки на талию, спросила отца: «Где платье?»

— Мне очень жаль, Лора. Тебе придется о нем забыть.

— Черта с два, я это сделаю.

— Ты всегда идешь на первом месте. Всегда. — Он гордо улыбнулся, и стало понятно, откуда он так много о ней знает — из газет.

Маленькие заметки по бокам газет, в дни скучных развлекательных новостей, когда

какой — нибудь актер не разбивал свой Бентли или шикарная светская львица не выходила в очередной раз, принадлежали таким людям, как она и Джереми. Эти заметки были сделаны настолько похотливыми и уродливыми, насколько это возможно с одной целью: привлечь внимание к историям, которые читателям совершенно не интересны. И она была охотницей, скребницей, пользователем и гарпией, жадной до денег. Конечно, он думал, что это с одной стороны, и что она переживет все, что он бросит в нее, с другой.

— Разве этот парень охотится на мелких животных в качестве хобби? — спросила Руби. — Потому что мне кажется, он нас заметил.

Действительно, двое мужчин ускорили темп. Лора, Руби и папа были в десяти шагах от подземного перехода, где они оказались бы как на ладони. Он был около полквартала в длину, хорошо освещен и мокрый от земли до потолка. Им нужно было оторваться от преследователей, и нет лучшего момента, чтобы броситься к переходу, чем прямо сейчас, не было.

Лора повернулась к папе.

— Почему ты ушел?

— Вы не знаете? — По дальнему правому переулку проехала машина и залила их водой, окатив отца с головы до пят, еще больше заляпав лицо и волосы Джобет.

— Откуда нам знать? — вмешалась Руби. — Лора, нам действительно нужно бежать.

— Почему, папа?

Руби схватила его за руку, чтобы вытащить из — за дерева к подземному переходу, но Лора схватила с другой стороны, оставив их все еще скрытыми за деревом на южной стороне, когда Сосо и Сальвадоре приближались по северной стороне улицы.

— Почему?

— Ради Бога, Лора! — прошипела Руби.

Но Лора не двинулась с места.

— Этот парень может поймать нас, и он поймает, и тогда я не знаю, что будет дальше. Я не собираюсь оставлять это без ответа. Ты говоришь, что любил нас, но ты нас бросил. Ни письма. Ни карты. Ничего.

— Ты хотела получать открытки из тюрьмы на острове? Серьезно, Лала.

— Да. Мне нужна была открытка, и я бы приехала за тобой, когда бы стала достаточно взрослой.

— Я не хотел этого.

С его лица стекала косметика, а волосы были растрепаны от уличной воды, папа выглядел больше мужчиной в этот отчаянно честный момент, чем в джинсах и с бородой.

— Мне очень жаль, Лала, — сказал он. — Есть вещи, которые я начал, и я должен их закончить. Сегодня ночью.

— Вы не на свидании! — воскликнула Руби, перекрикивая грохот проезжающего автобуса. — Может, мы пойдем?

Лора подумала, что этот момент больше никогда не наступит. Это был ее единственный шанс спросить его, что, черт возьми, он делал, даже сейчас, что было важнее, чем его семья. Она хотела знать, была ли она такой нежелательной, или он был настолько полон ненависти к себе, что думал, что ей будет лучше без него. Она хотела знать, был ли он так единодушен в течение последних двадцати лет, что даже не вспоминал о трех женщинах, «оставленных позади», пока не вернулся в Нью — Йорк?

Руби, которую это не так сильно интересовало, затащила отца на тротуар на южной

стороне эстакады, пока они оказались прикрыты автобусом.

— Мы должны повернуть назад в другую сторону, — сказала Лора. — Они ожидают, что мы выйдем с другой стороны.

Папу, однако, это, похоже, не волновало. Что бы ему не нужно было доделать, находилось на запанной стороне. Когда автобус тронулся с места, он бросился к нему.

— Не такую встречу я себе представляла, — сказала Лора. Она не дала Руби ни секунды на ответ, а помчалась вслед за ним в своих туфлях от Хосе Инуего. Автобус остановился у выхода, затем пошел направо, открыв их двум преследователям, которые стояли впереди на противоположной стороне 79-й улицы.

— Дерьмо, — пробормотала Лора.

Круглый островок находился в центре двух полосной дороги с круговым движением против часовой стрелки, расположенной на двадцать футов ниже уровня улицы. В теплые месяцы там работало кафе, к которому можно было попасть с пристани или с травянистых холмов реки Гудзон — Ривер — Гринвей. Между Днем Благодарения и ранней весной оно было закрыт. В ту ночь кафе — островок представляло собой ров двадцати футов глубиной и пятидесяти футов в диаметре с четырехфутовой каменной стеной. И мешало добраться до доков. Его нужно было обойти, так или иначе, и пройти мимо двух мужчин — экспертов по охоте на мелкую живность из арбалетов.

Папа шел с прямой спиной и был очень высок, но шел как женщина. Он вышел из подземного перехода налево и пошел по тропинке, ведущей через парк к докам. Лора подумала, что ему это сойдет с рук, если представится подходящая возможность. Вопрос был в том, готова ли она просто позволить ему уйти.

— Ты его отпускаешь? — спросила Руби. — Помнишь про рождественскую хрюшку.

— Думала тебе все равно.

— Я выпустила свой гнев. Теперь мне немного жаль.

— Тогда давай поиграем. Они не знают, что он переодет.

— Ничего не приходит в голову.

Лора подняла руки к Сальвадору и Сосо и перепрыгнула через невысокую каменную стену, чтобы выбраться на улицу.

— Сюда! — Она побежала. Руби прямо за ней. — Я видела его! Он похож на Руби.

— Только не это!

— Где он? — спросил Сальвадор, засунув руки в карманы, как будто он что — то там ища. Лора была уверена, что это было что — то металлическое и острое, но подтвердить свои догадки не хотелось.

— Он был в автобусе! — сказала она, чувствуя, как вязкая ложь срывается с губ.

Взгляд Сальвадора следил за автобусом, который ехал, по кругу возвращаясь к ним. Наверное, худшая ложь, которую она когда — либо рассказывала, а лгала она не мало. Автобус проезжал мимо них, и они могли просто сесть на него.

Сосо склонил голову, наблюдая, как выражение ее лица сменилось испугом.

— Она врет.

— Нет!

— Совершенно верно, — сказала Руби, затем обратила внимание на Сосо. — Она не хочет, чтобы ты причинил ему вред, но мне плевать. Я хочу уйти. Он прошел через те деревья вон там. — Она указала на северную тропу, ведущую на нижний уровень парка. Это вело к докам, зеркальное отображение пути, по которому на самом деле пошел папа.

Сальвадор посмотрел в густую черноту парка.

Сосо вмешался: — Я кое — что видел.

— А я нет, — сказал Сальвадор, рассматривая каждый укромный уголок, трещинку в каждом камне, не делая ни шага ни в каком направлении.

Сосо стоял, засунув руки в карманы, и выглядел обеспокоенно, но его взгляд был прикован к женщине, которая шла на уровень ниже них, в доки. Когда он заметил ее, Лора могла поклясться, что он узнал отца, и напряглась. Но затем он указал на путь, о котором сообщила Руби, и сказал:

— Другого пути я не вижу.

— Надеюсь, вы попросились, — сказал Сальвадор.

— Выпотрошите его, — ответила сестра.

— Приезжайте в Брунико в любое время, — сказал Сальвадор с самой жестокой усмешкой, которую она когда — либо видела. — Мы будем относиться к тебе как к королеве.

Она кивнула и подошла ближе к Руби, которая взяла ее за руку, наблюдая, как Сосо и Сальвадор переходят дорогу и исчезают в темноте. Только тогда она рискнула взглянуть на доки. Папа был на самом южном пирсе, все еще передвигаясь по рядам лодок как Джобет. Лора увидела, как кто — то сошел с небольшой лодки и обнял отца. Это всего несколько шагов, и было темно, но походка была очень своеобразной, так что прямо по шомполу мог пройти только один человек.

— Ой, ущипните меня, — сказала она. — Это Бернард Нестор.

— Нет, — возразила Руби.

— Я узнаю эту походку. — Лора сняла туфли и держала их за каблуки, пока бежала по холодной земле так быстро, как могла босыми ногами.

Док был далеко. Снова на круг кругу, через стену, через парк, вниз по ступеням и по холодному, холодному асфальту велосипедной дорожки на бетонный причал, где вода плескалась о борта лодок, как если бы они были леденцами на палочке. Когда она добралась, до отца с Бернардом у нее сперло дыхание.

— Что за... — она задыхалась от воздуха, упершись руками в колени и уставившись на причал. Ее ноги были черными.

— Лала, тебе нужно идти, — сказал папа. Уйти, когда у нее все еще было так много вопросов?

Она указала на Бернарда, открытый плащ которого обнажал костюм — тройку. Она хотела ответов. Она не могла жить, не зная, что папа и Бернард делали на этом чертовом причале, держась за руки. Если бы только она могла сказать хоть слово. Если бы только ее легкие могли получить немного воздуха. Она выпрямилась и посмотрела на Бернарда.

— Рассказывайте.

Он просто взглянул на папу, затем снова на нее.

— Иначе я приведу сюда этого ублюдка, если он уже не в пути. И продырявлю твою лодку. Я буду кричать. — Лора не чувствовала, что угрозы возымели эффект, но и Бернард не выглядел как человек, которому есть, что ответить.

— К черту вас, — воскликнула она и пролезла мимо них, сделала два больших шага через пирс и ступила на судно.

— Нет! — крикнул папа.

Она проигнорировала его. Насколько она помнила, на лодке она никогда не была. Когда

— то могла быть какая — то прогулка в Школе Далтона с лодкой, вероятно, пришвартованной у самого пирса, но как только она ступила на палубу лодки Бернарда Нестора, она почувствовала качку под собой и потеряла равновесие. Нелепо извернувшись, она упала в каюту, ударившись головой. Она упала на деревяшку и не почувствовала ничего, кроме своих ледяных ног, мокрого дерева на щеке и мерного покачивания лодки.

Над ней наклонилась женщина. У нее были короткие волосы, но ее голос, приглушенный шумом океана в ушах Лоры, звенел на волнах света и искрился, и сразу понравился. Она была матерью / сестрой / женой, абсолютным совершенством, ангелом изящества в плаще и костюме — тройке.

— Принцесса? — проронила Лора.

— У тебя красивые глаза, — сказала Филомена, пряча жесткую резкую интонацию Бернарда Нестора. — С тобой все в порядке?

— Что происходит?

Голос Руби рассек ночь, как боевой топор.

— Слезь с нее!

Лора сразу сообразила, потому что, если она правильно уловила ситуацию, Руби хотела прибить принцессу Филомену, что было бы с корне неправильно. Она встала на колени и протянула руки Руби.

— Я в порядке, Руби. Я в порядке.

Кулаки Руби были сжаты, а ступни широко расставлены. Она стояла на качающейся палубе, как завсегдатай кабаков на механическом быке, с развевающимися по ветру волосами, как в кульминации крутого фильма о спецагентах.

Папа стоял позади нее, засунув руки в карманы старой дамской куртки.

— Я говорил тебе, — сказал он. — Нельзя шутить с моими дочерьми.

Филомена встала и поправила пиджак, затем протянула руку Лоре. Лора позволила принцессе помочь ей встать.

— Мы должны объяснить все, Филомена, — сказал папа, — иначе она переплывет океан, чтобы найти нас.

Принцесса Филомена вздохнула.

— Нет дорогой. Мы не можем рисковать.

Лора заметила на велосипедной дорожке полицейскую машину. Проезжая мимо пирсов, она замедлил ход. Она задалась вопросом, не наблюдают ли за лодкой, такой как та, что стоит на пирсе Челси к югу. Но эта мысль покинула ее разум, когда она, заглянув в каюту, увидела шафрановое платье принцессы Брунико.

— Я так и знала! — крикнула Лора.

Руби подошла и ахнула.

— Оно великолепно.

Лора повернулась к папе.

— Если вы Джебет, и оно у вас, значит, оно у законного владельца, а значит, мы вернем залог!

— Нет, Лала, — сказал папа, — все не так просто.

— Почему нет? Платье принадлежит тебе. Оно у тебя. Ты круто провернул с фальшивым платьем, чтобы сбежать от Сальвадора. — Она указала на Филомену. — А она должна быть мертва, но это не так. Но понять не могу, зачем вам обманывать меня в детстве и теперь, когда я уже выросла.

— Мы планировали это двадцать лет. — Папа протянул руку Филомене. — Нам нужна страховка, и нам нужно продать платье, когда мы приедем в Лондон. Когда мы это сделаем, миру увидит изнанку платья. Тайна Филомены будет раскрыта, и бруниканская монархия будет дискредитирована. Мы с ней будем далеко. Ее сочтут мертвой, а я вот — вот потеряюсь в море. Пожалуйста, если бы вы знали, что произошло..

— Мне все равно, папа. Моя жизнь только налаживается, а ты ее портишь.

Папа, казалось, растерялся, ссутулив плечи и приподняв брови. Филомена положила руки на плечи Лоре и Руби, больше походив на принцессу в костюме Бернарда Нестора, чем можно было бы подумать.

— Мы не рассчитывали, что ты такая умница, — сказала она. — Ваш отец построил страну для бруниканцев, а под землей он построил туннели и водоотводы, которые мы использовали, чтобы встречаться и планировать этот день. Я использовала туннели, чтобы незаметно приехать в Нью — Йорк и начать карьеру в качестве куратора, чтобы перевезти платье. Я научила твоего отца быть женщиной, чтобы его не раскрыли. Для тебя это всего лишь деньги. Для нас, это — наша жизнь. С той минуты, как мы встретились, все чего мы хотели — это быть вместе. Почему вы хотите все уничтожить?

Спорить с принцессой Лора не смогла. И даже дело не в отсутствии убедительных аргументов, а в ее голосе, таком успокаивающем, и прикосновениях, таких мягких.

Однако Руби впечатлить чужой красотой было трудно, возможно, потому что она сама была красавицей.

— Отдай нам платье.

— Мне очень жаль, — сказал папа. — Я не могу.

— Боже, — сказала Лора, — ты отстойный отец. Не могу поверить, что я когда — либо хотел иметь с тобой что — нибудь. Что за отец продает свою дочь, чтобы потрахаться в тишине и покое? Ты создал меня, а потом бросил, а теперь ты хочешь, чтобы я беспокоился о твоём счастье? Кроме того, ты должны был научить меня хоть чему — то, прокладывая мне дорогу в этом мире, но ты ничего из этого не сделал. Это не твоя обязанность, появляться с парой дорогих туфель и усложнять ситуацию. И, между прочим... — Она схватила Хосе Инуэгос, которые уронила, когда упала на палубу. — Их недостаточно, чтобы купить меня. — Она бросила в него левую туфлю. Он пригнулся. Туфля отскочила от его плеча и приземлилась в Гудзон. Лора бросила вторую, и промахнулась на метр. Она описала в воздухе дугу и попала в лицо Сальвадора Форсея.

Глава 21

Сальвадор, казалось, отмахнулся от удара как от укуса комара. Отмахнулся, но тут же занялся более насущными вопросами. Его умершая жена стояла прямо перед ним в мужском костюме, а ее любовник одет как женщина. Лоре казалось, что она видит, на его лице как крутятся в его голове шестеренки, как он пытается сопоставить то, что он знает, с тем, что точно было правдой, как складывается головоломка, которую он никак не мог понять.

— Твоя яхта... ты сохранила ее. — произнес он таким голосом, как будто это вообще имело значение что мир ушел из под его ног.

— Нет! — закричала Филомена не своим голосом. Ни мужским, ни женским.

Сальвадор, все еще шокированный, но уже взявший себя в руки бесстрашно ступил на край яхты. Филомена завизжала, будто он собирался напасть. Она схватила оранжевый

спасательный круг и швырнула в него. Он уклонился в сторону, и круг скользнул по плечу, не причинив никакого вреда. Верховный принц стоял ни на борту яхты, не за ним, а на возвышении, и это было крайне опасно, потому что судно пришло в движение от толчка и он должен был упасть за борт.

И все же Лора этого не ожидала. Возможно, потому что падал принц очень эффектно, а может, потому что все произошло слишком быстро. Мужчина поскользнулся, раскинув руки и ноги, как ребенок в зимнем комбинезоне, и перевернулся, ударившись головой о край пирса. Его голова дернулась, и он ударился о воду не с негромким всплеском.

Лора и Руби подбежали к краю лодки и заглянули в воду, но не нашли ни тела, ни волос. — Кто будет его вытаскивать? — спросила Руби, ясно давая понять, что это будет не она.

— Прочь с дороги, — крикнул Сосо. Он уже был без пальто и шляпы. В одних лишь кожаных штанах он прыгнул в ледяную воду реки Гудзон.

Папа и принцесса исчезли, но через секунду раздался оглушительный сигнал тревоги. Три гудка, затем три свистка, снова и снова. Свет прожектора прорезал облака, как сигнал Бэтмена.

Лора подошла к краю лодки, но Руби схватила ее за руку.

— Ты шутишь, что ли? Ты в ванне можешь утонуть.

Сосо вынырнул без принца и сразу же снова опустился под воду. Он все нырял и нырял, и Лоре стало уже казаться, что он превратился в ледышку, как в бокале с виски.

Через пять минут приехала полиция, через десять — береговая охрана. Они вытащили Сосо из воды и посадили на лодку принцессы, накрыв его серебряными одеялами и разрезав его бруниканские кожаные штаны.

Сальвадора так и не было видно.

Филомена села рядом с Сосо, некоторое время держала его за руку, шепча что — то по — португальски. Лора наблюдала за ними со скамейки на палубе. Они были близки. Гораздо ближе двух человек, которые не виделись в течении пятнадцать лет. Гораздо, ближе, чем будет женщина к доверенному лицу своего ненавистного мужа. Как только принцесса отошла и села с папой, Лора заняла ее место.

— Сосо, — сказала Лора, — ты помог папе выбраться?

— Туннели проходят прямо под моим домом. — Сосо подали бумажный стаканчик с чем — то горячим, и он осторожно отпил. Вокруг них береговая охрана продолжала поиски. Перед их глазами вспыхнули огни, зазвонили тревожные колокола. Но Сальвадора не было.

— Спасибо, — сказала Лора. — Я до смерти зла на него, но ты поступил как настоящий друг.

Он пожал плечами.

— Трудно отрицать существование любви, когда смотришь на них. — Он указал на папу и Филомену, которые сидели на корме яхты. Филомена заплакала, и папа погладил ее короткие волосы.

— Вы хотели, чтобы мы сказали, что платье настоящее, — сказала Лора. — Но для чего?

— Когда твой отец узнал, что у тебя будут проблемы, попытался найти выход. Если бы вы рассказали все, что было на самом деле, то смогли бы выдвинуть обвинения, после того как Джебет получила бы чек. — Сосо отвинтил крышку фляжки и получил удар по руке. — Это была нелепая идея, но он был очень настойчив, отчаянно хотел, чтобы вы не пострадали.

— Что случилось с Барни и Генриеттой?

— Он, конечно, убил их. Ведь они помогали принцессе сбежать. Это было ужасно и грязно, и Джозеф и Филомена не виделись еще целый год.

— А Сэмюэль Инвей?

— Несчастный певец. Убил себя из — за твоей матери.

Она улыбнулась, не потому, что была рада, что Сэмюэль умер или что он был таким печальным, а потому что мама вероятно могла соперничать с принцессой в красоте и грации, и тот факт, что ее мать никогда не призналась самой себе в этом, заставил ее жить в одиночестве почти всю жизнь.

— Ты поедешь обратно? — спросила она.

— Конечно.

Брунико был его домом; в этом он не лгал. Она бы поспорила, что Сосо любил Брунико настолько, что отправился туда, даже не разыскивая Великого принца.

— Что тебя там ждет, кроме твоей семьи?

— Бардак. У нас нет правителя. И наследника нет. Ни один лидер не готов.

Руби шагала по пирсу, разговаривала по телефону, который ей вернул Сосо, и объясняла Элейн, почему её не будет на мероприятии по сбору средств Общества самореализации по причинам, настолько сложным, что она не могла их озвучить по телефону. Когда она увидела, что Лора смотрит на нее, она попрощалась и прыгнула на пирс.

— Я только что разговаривала с Джимми, — сказала она.

— Я думала, это была Элейн?

— До этого. Маму выписывают из больницы. Они хотели провести последние обследования завтра, но она закатила истерику, и ее обследовали пораньше. Она в порядке. Джимми помогает ей со сборами.

У Лоры не было слов. Она просто обняла сестру, и они так и стояли обнявшись.

— Это так мило, — слышали они слова Кангеми сквозь грохот вертолетов. — Правда. Но мне нужно провести осмотр внутри и допросить вас. — Он указал на Лорины ноги. — А где твоя обувь?

Ее разрывали тысячи вещей. Она хотела поговорить с папой, обнять Руби и вернуть маму домой. А так же была еще необходимость поговорить с Джереми о ее разговоре с Шелдоном. Причем срочно.

— Мои туфли — длинная история, и я тебе ее с радостью расскажу, но Руби нужно забрать маму из больницы.

— Сегодня таксистом не работаю. Попробуй завтра.

Лора скрестила руки.

— Ты мне должен.

— Как так?

— Тебе стоит делать то, что умеешь, потому что я снова тебя сделала.

Он рассмеялся.

— Карнеги, ты..

— Ты знаешь, что я права. Ну, давай же. Ты сможешь допросить ее завтра. Да и какая разница? Ты же знаешь, что она принца не убивала. Никто не убивал. Разве тебе не нужно расследовать настоящие убийства?

Он осмотрел Руби с головы до ног, затем Лору, затем снова Руби.

— Ой, ладно, проваливай, — сказал он Руби. — Придешь завтра в участок в десять.

Опоздаешь на минуту, найду за что арестовать.

Руби, умчалась, прежде чем Лора успела даже поблагодарить детектива.

На то, чтобы описать Кангеми события прошлых дней, потребовалось два часа. Допрос проходил рядом с шафрановым платьем — самой прекрасной вещью, которую она когда — либо видела. Мама была настоящей художницей.

Когда любопытство Кангеми было удовлетворено, Лоре осталась довольна, она на секунду только прикрыла глаза и успокоилась. Ей хотелось спать. Хотелось все забыть. Забыть отца, бегущего в женских туфлях. Забыть размазанную губную помаду, девушек в клубе, прекрасные дизайнерские туфли. Хотелось забыть о письмах, которые он оставил, чтобы они поняли — ему не безразличны. Но только эти письма были бесполезны, ведь они уже стали ему чужими.

Но когда она, закрывая глаза, мечтала, чтобы отец исчез, в воспоминаниях появлялся пляж. Ощущения острого песка между пальцами ног, ее волосы, щекочущие лицо на ветру. Она копала яму, и чем глубже она копала, тем быстрее ямка наполнялась водой. Папа хотел научить ее строить дренаж, как выкачивать воду из ям, чтобы копать еще глубже. Глубже, чем кто — либо до нее. Но она так и не научилась и ее яма превращалась в соленое озеро.

Она встала и посмотрела на океан, где Руби, в смехотворно юном возрасте, занималась бодисёрфингом с отцом. Лора хотела спросить его о чем —нибудь, привлечь его внимание, но Руби была такой свинюшкой. Она все время крала маму и папу. Взгляд маленькой Лоры снова переместился на маму, лежавшую на песке под зонтиком. Руби, скрестив ноги на одеяле, ела бутерброд, вероятно, придумывая новые способы помучить свою младшую сестру.

— Папа! — кричала Лора в воды океана. Его не было среди волн с Руби, и не было с ней на берегу. Где же он был?

Он высунул голову из набегающей волны. Она толкнул его вперед, превратившись в полосу белой пены. На секунду он потерялся под пеной, но Лоре не испугалась. Он не вынырнул. Она его не видела. Неужели его не было слишком долго? Она подошла к воде. "Папа!" Его нигде нет. Паника охватила девочку. Где он мог быть? Утонул? Она снова позвала его, но по —прежнему без ответа. Посмотрев на станцию спасателей, она увидела парней, евших бутерброды и явно не смотрящих в их сторону. Они не видели отца, и она тоже.

Уже тогда она все это видела. Папа ушел. Умер, утонул. Ушел из ее жизни. Стало так больно от одиночества и отчаянья, что села в свою ямку — лужу и, как все четырехлетние дети, заревела. Она захлебывалась рыданиями, так ей было больно. И совсем не заметила, как ее накрыла волна, прямо в этой ямке. Так неожиданно. Она не могла вскочить, ноги увязли в песке. Нос обожгла соль, а вода оглушила ее. Она точно умирала. Вода убила папу, а теперь заберет и ее от мамы и Руби. Волна унесет ее тело обратно в море, где она навсегда будет потерянной и одинокой.

Затем появились руки, и она почувствовала рывок и посасывающее чувство в пятках, когда ее вытащили из ямы. Папа перевернул ее и похлопал по спине, пока вода не отступила. А потом обнял, плачущую.

— Что случилось, Лала? — спросил он с паникой в голосе.

Из — за слез, она едва могла что — то говорить.

— Ты ушел. Я думала, что ты ушел.

— Никогда, Лала. Я никогда не уйду. Меня только что немного потянуло вниз по пляжу.

Я бы никогда не оставил тебя.

Никогда. Он сказал никогда.

Хотелось сердиться. Хотелось выжать из этого воспоминания столько гнева, сколько она могла. Хотелось в этом гневном схватить папу и его недо — девушку — недо — парня и швырнуть за борт, и смотреть, как они тонут. Но она не могла, потому что воспоминания не злили ее. Она не чувствовала ничего, кроме печали, царапавшей броню старой ярости, помятой, что казалось одного удара хватит, чтобы пробить этот старый металл. А под металлом ничего не было. Пусто. Броня гнева была оболочкой, защищающей просочившуюся любовь. В какой — то момент за последние двадцать лет она отпустила свою злобу и даже не догадывалась об этом.

— Папа? — сказала она, подходя к нему и Филомене. — Ты должен отвезти платье в Брунико.

Полиция простаивала на пристани. Береговая охрана что — то кричала в громкоговоритель, будто бы принц ответил по — прошествии такого количества времени.

Папа и его любовник посмотрели на нее, полными от слез глазами. Их планы и мечты рухнули. Сбежать с пристани, когда по ней снуют туда — сюда власти, не было никакого шанса.

— Какой в этом толк?

— Рядом с тобой сидит бруниканская принцесса. Одень ее снова в платье. Никто не станет отрицать то, что у него перед глазами. Она выйдет за тебя замуж. Ты станешь верховным принцем и изменишь эти глупые законы.

— Но я не хочу быть верховным принцем.

— Папа, мы не всегда выбираем себе работу по душе. Но ты останешься с принцессой. И правда, это такая маленькая страна.

Казалось, он задумался на секунду.

— Ты бы стала наследницей престола.

— Руби, — возразила она. — Она бы стала наследницей. Я бы просто приезжала снимать шикарный номер в отеле на неделю.

— В отпуск, — подтвердила Филомена, как будто уже прониклась этой идеей.

— Ага, — саркастично ответила Лора. — У меня? Отпуск?

Глава 22

Лора осторожно повернула ключ. Ее план состоял в том, чтобы незаметно проскользнуть в теплую постель Джереми и рассказать ему все утром. Он оставил для нее свет включенным, поэтому она вошла, не запнувшись и ничего не сломав.

Как только она повернула за угол из холла, она увидела его сидящим за кухонной стойкой, перед ним лежали бумаги с рядами цифр.

— Привет, — сказала она. — Сейчас час ночи.

— Я ждал тебя и мучил себя бумагами.

Она бросила ключи на стойку.

— Я вернула платье.

— Ты что?

— Оно в руках у собственника. Ваш залог будет возвращен вам через сорок восемь часов.

Его реакция была быстрой и уверенной. Джереми так крепко обнял ее, что ее показало, что он ее задушит. Он уткнулся лицом в шею, шепча благодарность и похвалу в промежутках между поцелуями.

— Расскажи мне, как ты это сделала, — сказал он, прижавшись губами к ее губам.

— Тяжело рассказывать, когда ты меня целуешь.

Его руки прошли по ее талии и занырнули под рубашку.

— Тогда расскажешь мне завтра. Не могу перестать целовать тебя.

Хотелось упасть в его объятия. Все ее тело требовало этого. И разум услужливо подыскивал оправдания, чтобы так и поступить, но когда его руки схватились за ее пояс, она отстранилась.

— Джереми. Я не могу.

— Почему нет? — Поцелуй в плечо.

— Это было бы нечестно.

Он отодвинул ее от себя и взгляделся в лицо. Прямо на ее глазах превратившись в камень, Джереми отступил назад и прислонился к барной стойке, скрестив руки. На нем была еще школьная футболка и спортивные штаны с дырками и потертостями того же времени.

— Нечестно? О, это нужно объяснить еще с прошлой недели.

— Не нужно сразу злиться и защищаться.

— Говори.

Стоя там, между ним и дверью, Лора как никогда почувствовала себя уязвимой. Она хотела сесть, но подумала, что, может быть, её быстро попросят на выход.

— Я увольняюсь.

— Ты что?

— Я принимаю предложение Барри.

— О, Боже, нет. Ты шутишь. — Джереми прижал ладони к глазам. Типично его жест, выражающий отчаяние и разочарование. Лора никогда не думала, что он именно так себя поведет в ответ на ее слова.

— Пожалуйста, — сказала она. — Послушай. Если ты еще хочешь поддерживать «Портняжек», а мы хотим, чтобы ты это делал. Я знаю, что больше не смогу заходить в твою мастерскую, но я буду прямо через улицу и буду работать с Руби. Я не первая, кто так работает, Джереми. Пожалуйста. Я помогу тебе найти замену. Не расстраивайся.

— Как мне не расстраиваться? Лора, без тебя я не справлюсь.

На это у нее ответа не было. Не хотелось говорить что — то резкое. Она и так причинила ему боль. Как бы она ни не хотела, Лора действительно причинила ему боль.

— Мне очень жаль, Джереми. Мне очень жаль. Но ты мой первый босс. Мой первый парень. Мой первый и единственный. Но я так не вырасту. Это не правильно.

Джереми поднял подбородок и закрыл глаза. Очертания его шеи и челюсти так и манили к ним прикоснуться, но Лора не могла. Не тогда, когда она просто взяла и вырезала его из части своей жизни.

— Я знал это, — сказал Джереми. — Как только ты мне сказала, что он предложил тебе контракт, я знал, что ты его примешь. — Он принялся складывать свои бумаги. — Я даже не могу себе этого объяснить.

— Не позволяй этому встать между нами, — прошептала Лора. Его гнев никогда не был направлен на нее, и она боялась, что он не позволит ей отстраниться.

— Встать между нами? С чего бы? Ужинать можно раз в месяц. Ходить на свидания в хороший ресторан.

— Прекрати.

— Может быть, поездка в карете по Центральному парку.

— Замолчи.

— На ярмарке можем делиться сладкой ватой, и я выиграю тебе мягкую игрушку.

— Замолчи! Ты засранец.

— Мы работаем по восемьдесят часов в неделю! — крикнул Джереми в ответ, повышая голос в несколько раз. — Как ты думаешь, кем мы будем?

— Я не знаю.

— Отлично, Лора. Просто здорово. Эй, а может в следующий раз, ты подумаешь, прежде чем придти сюда с каким — то дерьмом?

— Я все обдумала. Я не могу вечно жить в твоей тени.

Ей показалось, что она заметила в его лице легкое понимание, а может, ей это показалось. Возможно, смирение в его глазах было неприятием того, что она говорила, а может быть, опущенные плечи были не освобождением от гнева, а освобождением от любви. Казалось, что это изменение позы заняло пятнадцать или двадцать минут, а не несколько секунд.

— Ты без обуви, Лора.

— Это длинная история.

Он не сводил глаз с ее ног. Джереми просто стоял с пачкой бумаг в одной руке, в то время как другой рукой растирал мозоль от ножниц.

— Я не знаю, что делать.

— Мог бы швырнуть меня на кровать и заставить стонать часами.

Он рассмеялся. Это было кратковременное освобождение от напряжения, а не восторг, но Джереми улыбнулся, чего Лора и хотела, потому что, если он был слишком зол, чтобы смеяться над ее шутками, с ними действительно было бы покончено. Но затем, словно читая ее собственную улыбку, Джереми стал серьезным и слегка покачал головой, как будто отрицал ее власть над ним.

— Мы не сможем так делать. Мы ненормальные. — Джереми бросил свои бумаги и схватил ее связку ключей со стойки. Он перевернул их, нашел то, что искал, и стал сматывать что — то с кольца. — Это ошибка. Большая гребаная ошибка.

Очевидно, он забирал свои ключи обратно, потому что в плане грандиозных жестов Джереми был королем, и это никогда не будет просто разрывом. Это будет возвращением символа их близости. Если он хотел, чтобы Лора заплакала, его ключей было достаточно. Во — первых, потому что она любила его, и казалось, что они не переживут смены работы. Два, что было хуже, казалось, что он сделал ей одолжение, расстался с ней, как и сказала Руби. Лора влюбилась не в того мужчину. Она ненавидела себя сильнее, чем могла себе представить.

Джереми швырнул ей то, что осталось от ее брелка, и она поймала его в воздухе. Оставшиеся ключи с розовой кроличьей лапкой в его руке, торчали из — под его пальцев.

— Нет, Джереми. Это мои ключи от Бруклина. — Лора протянула к нему руку.

Он поднял ключи и закрыл глаза.

— На случай если захочешь навестить свою семью. Или если Руби теряет ключи. Я не могу... — он остановился. — Ты же знаешь, что сводишь меня с ума, верно?

— Ага.

— Еще слишком рано. Мне не нужен календарь, чтобы видеться с тобой. Но если я не буду видеть тебя в холле, или в конференц — зале, или в нашем уголке, мне нужно увидеть тебя утром. Мне нужно чувствовать, как ты залезаешь вместе со мной под простыни. Я хочу, чтобы твои туфли были рядом с моими. Я хочу, чтобы ты была здесь каждую ночь.

Лора сделала шаг ближе, обняла его и положила голову ему на грудь. Джереми обнял ее в ответ.

— Я хочу большой шкаф, — сказала она.

Он положил руку ей на щеку.

— Но не смей складывать туда дерьмо от Барри. Особенно в спальню.

Его лицо было так близко к ней, что она чувствовала его дыхание на своих губах. Их ссора только раззадорила чувства. Она хотела его каждой клеточкой своего тела.

— Скажи, что любишь меня, — попросила она.

— Я люблю тебя, Лора. Я всегда любил тебя.

Они долго целовались у табурета, их руки скользили по телам друг друга, как будто в первый раз. Они сглаживали острые углы между собой, притупляли их, согревали друг друга там, где им было холодно, и каждым прикосновением перебарывали страх и гнев из — за изменившихся отношений.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net